

Подарок

Жанр произведения: Фантастика
Произведение написал автор BookBox AleksPlen
Ссылка на публикацию

Александра Плен Подарок

Глава 1

«Я сейчас умру». Ну вот, наконец, хоть одна разумная мысль проявилась в моей больной стукнутой голове. Несколько секунд назад самолет основательно тряхнуло, и меня крепко приложило об иллюминатор. До этого момента я отупело наблюдала за всем этим бедламом. И где же жизнь, которая должна пронестись перед моими глазами в последние секунды перед смертью? Перед глазами упорно маячило кресло с воткнутым рекламным проспектом и периодически проявлялся сосед слева, который настойчиво пытался кому-то позвонить, но у телефона были другие планы, так как выскальзывал он из трясущихся рук регулярно. Я могла бы подсказать, что на высоте десяти километров сотовую связь телефону не обнаружить никак и все это бесполезно. Но пусть лучше занимается этим, чем в панике носится по салону, как большинство пассажиров.

Когда замолчали оба двигателя и наступила тишина — только дурак не сообразил бы, что происходит что-то необычное. Я-то дурой не была. И в школе, и в институте училась вполне прилично, поэтому результат отказа двигателей представляла четко. Но было по-детски обидно: умереть в 32 года — верх несправедливости. Такая подстава — последнее, что увидеть в жизни — рекламу шампуня для волос.

Оставалось, может, несколько секунд. Прискорбно… Отпуск удался.

Первой мыслью стала «Я существую, я себя помню! Наталья Воронина, 32 года, Москва, Россия, улица Орловская, дом 50. кв. 45. Мама, папа, сестра, друзья, работа». Правда, что-то постоянно исчезало из памяти: переживания, воспоминания, эмоции, растворялось в небытии что-то дорогое, близкое, и я становлюсь меньше и легче, истончаюсь как проколотый шарик.

Не хочу! Не хочу забывать! Я постоянно твердила как заведенная — Наталья Воронина, 32 года, Москва, Россия… Вокруг меня звучали мысли, вспыхивали эмоции, проносились обрывки чьей-то памяти, отголоски страха, боли. Все смешалось, перепуталось. Меня потянуло куда-то в центр, к чему-то родному, ласковому и прекрасному. Оно меня любит, оно ждет… Окутало неимоверной заботой и покоем. Приблизиться, раствориться, растаять в бесконечности…

исчезнуть? нет, не дождетесь! я сопротивлялась, как могла, упрямства во мне было всегда с излишком: Наталья Воронина, 32 года, Москва… А что это - Москва? Где это? Я испугалась, еще чуть-чуть – и меня поглотят, и я перестану существовать как личность, как отдельная единица. Вдруг на краю сознания пронесся обрывок голоса/звука/мысли. «И как это понимать? Что делала самолете нейтральная условно светлая? На борту были только проявленные темные». «Это случайно. Ошибка в расчетах, ты же знаешь, что нейтралы не определяются как светлые или темные, нет у них ярко выраженных хороших или плохих поступков, поэтому при определенных условиях они могут попадать в расходники, у нее сработал фактор внезапности». Это про меня, что ль?

Мне вдруг представились двое коммутаторов на телеграфе, которые сортируют входящих и исходящих. Я заинтересовалась, попыталась вычленить этот голос из многих, отлетела/переместилась ближе. Да, еще помню, как оказалась на борту этого самолета, только благодаря своему абсолютному упрямству и настойчивости. «И что теперь с ней делать? Ей еще себя проявлять, назад не вернешь уже» … «Куда-нибудь пристроим» … «Так, характеристики, темперамент, личностные качества, характер, принципы… Все, нашел, в системе 79-51 срочно требуется женская душа, нужные характеристики совпадают, надеюсь она достаточно уже здесь, чтоб все забыть?» «Конечно, память приведена в нулевое состояние. Начинаем переброс» … Это у меня, что ли, в нулевое состояние? Я не дала поглотить себя панике. Наталья Воронина… 32… или 33 года, мама, папа, отлегло, что-то помню… Вспышка, и я опять перестала существовать…

Было ужасно больно, когтями рвало грудь, горло горело огнем, зверски болела голова… Я лежала на чем-то твердом и мокром, острые камешки впивались в спину. Холодно… Как же дико холодно… Спустя какое-то время пришло понимание, у меня есть тело, и оно мучительно болит… Что произошло? Вокруг меня суетились люди, кричали. На меня? Друг на друга? Пока я ничего не понимала. В первые секунды я судорожно старалась не забыть, кто я… Наталья Воронина, 32 года (вроде), Москва… Помню! Ура! Какое счастье помнить. Потом, немного успокоившись, начала различать звуки, они через какое-то время начали складываться в слова… Понимание приходило постепенно. Мужской грубый «Вы с ума сошли? Что скажет льера?» Тоненький, мальчишеский: «Она сама захотела, мы отговаривали, она прыгнула в самый омут, мы не при чем», хныканье… «Святая Мать, а если она не очнется? Завтра помолвка, нас растерзают. Что будет!»

Больно ударили по щеке, раз, второй.

Я с трудом разлепила глаза… Надо мной склонились две мальчишеские физиономии. В глазенках страх и паника. Справа сидел грузный немолодой мужчина с отведенной для повторного удара рукой.

— Не надо бить, больно, — хрипло прошептала я…

Одна часть мозга отстранено фиксировала происходящее — рядом со мной трое человек, два полураздетых мальчика где-то семи и десяти лет, в мокрых штанишках, с волос капает вода (купались?). Мордашки похожи как две капли воды (братья?). Мужчина. Пожилой, с беспокойством, озабоченностью и каким-то диким облегчением на лице. Отец мальчиков? Не похож… Что они такие перепуганные? Что-то произошло? Я лежу на земле, в мокрой тяжелой одежде, голова раскалывается, в глазах огненные вспышки, как при сильной мигрени. Тонула? Ударилась?

Другая часть меня отметила, что хоть и с трудом, через пару секунд, но я понимаю их язык, правда, еще не определилась какой, но точно не русский… И тело может и не мое, но человеческое — две руки, две ноги, голова… Мужчина был одет странно, не современно, какой-то камзол на завязках, высокий воротник, широкие брюки.

Вдруг мои наблюдатели встрепенулись. К нам бежали люди. Женский голос с истерическим надрывом, издалека:

— Деточка моя, бедненькая, золотце мое, да как же это! Что они с тобой сделали!

— Она сама! — опять завопили мальчишки.

— А вот этого больше говорить нельзя никому и никогда, вы поняли? — тихо, с нажимом сказал мужчина.

Мальчишки опустили головы:

— Поняли, помолвка.

О чем это они? какая еще помолвка? Ладно, разберусь по обстоятельствам, главное — жива.

Через пару секунд возле меня на колени упала пожилая полная женщина, на морщинистом лице неподдельное горе:

— Девочка моя, как же ты могла? Вчера говорила, но я не поверила, старая дура, — всхлипывая, рыдала она.

Мать? Вряд ли, может бабушка? Мужчина поднялся:

— Ладно, прекратили вопли, нужно доставить льеру домой, пока тут весь замок не оказался. И лекаря срочно, - в сторону: — Эмма, хватит ныть, жива твоя деточка. И лучше не распространятся, что здесь произошло.

Меня подняли на руки и понесли. Я то отключалась, то опять приходила в себя, боль накатывала волнами, видимо ударилась-таки сильно, висок пульсировал адски, тошнило. Похоже сотрясение… как минимум…

Очнулась я во второй раз уже в кровати. Рядом сидела виденная ранее женщина, Эмма, кажется. Гладила меня по волосам и тихонечко всхлипывала… Голова болела меньше, но все равно было паршиво.

— Сейчас, сейчас, милая, за доктором уже послали.

Ну вот, оказывается, загробная жизнь существует! Прекрасно. Только поделиться этой новостью не с кем.

Двери комнаты распахнулись. Вошла незнакомая женщина, вернее сказать — вплыла. На миг я даже ослепла. Дама была изумительно хороша… Одета в роскошное пышное платье, обвешанная драгоценностями, как адмирал орденами на параде. Таких абсолютных красавиц не бывает! Все модели, киноактрисы, королевы красоты, увиденные в журналах, высмотренные из интернета, по телевизору не шли ни в какое сравнение с этой женщиной. Мне, с моей довольно привлекательной внешностью, приходилось последние десять лет постоянно следить за собой, макияж, стрижки, салоны красоты. Не скажу, что природа отдохнула на мне, нет. Симпатичное личико, стройная фигурка. С умело наложенным макияжем и правильно подобранной одеждой, меня даже можно было назвать хорошенькой. Но сравнивать себя и эту женщину было бы смехотворно. У меня аж голова на миг от зависти перестала болеть.

Не думайте, мне нравятся исключительно мужчины, но я понимаю, вижу и ценю красоту во всех ее проявлениях — идеальное сочетание черт лица, причем, явно природное, великолепная фигура, горделивая осанка, грациозность и плавность движений, белокурые волосы уложены в сложную прическу. Все в ней говорило о породе. Великолепие одежды и обилие драгоценностей, кажется, только отвлекали взор от этого совершенства.

— Доченька, дорогая, — пропела эта королева.

«Ах, ну вот и маман пожаловала», - мысленно вздохнула я. Странно было видеть женщину почти моего возраста, то есть слегка за тридцать, говорящую мне

«доченька». И тут же строже:

— Эльвиола, как ты могла? Мне сказал Диомирис, что ты сама прыгнула в воду, мы же говорили с тобой, как важна для нас эта помолвка, ты пообещала не делать глупостей.

Я неразборчиво что-то пробормотала. Неужели моя предшественница была самоубийцей? Вот влипла… Ну хоть имя свое узнала и то хлеб — Эльвиола…

Увещевания продолжались:

— Ты хоть видела себя в зеркале? Ужас! Во что ты себя превратила! Смотреть страшно.

У совершенства может быть стальной стервозный голос?

— Сейчас придет доктор, к завтрашнему дню ты должна выглядеть достойно, чтобы нам не было стыдно за тебя. От твоего отца я скрою этот маленький инцидент. Твои братья тоже будут молчать.

Потом совершенство повернулась к слугам и уже громче:

— А вы куда смотрели, растяпы, я же предупредила - не спускать с нее глаз!

Мужской голос попытался оправдаться:

— Она же купаться пошла, не мог я следом то… Как только прыгнула, я тут же за ней, еле спас.

— И еще, — перебила маман, —о том, что произошло — ни звука, иначе пожалеете.

Все, кто был в комнате (теперь я разглядела мужчину, который меня нес, Эмму и еще пару (слуг?) судорожно закивали головами.

— Отдыхай, Эльви, — теперь голос звучал ласково, — завтра перед помолвкой, я зайду. — И уплыла…

Не фига себе, дочь почти при смерти, а она зайдет завтра. Моя мама бы всю ночь сидела у кровати… Сердце сжалось от нахлынувшей тоски. Как ты, мамочка? Теперь, наверное, уже все знаешь. Самолет, авария, хлынули слезы, как будто только ждали команды… Опять запричитала Эмма. И понеслось.

От неумолимо приближающейся полноценной истерики меня отвлек приход врача. Странный какой-то доктор. Молодой парень, от силы лет 20, с пустыми

руками и скучающим красивым лицом… После некоторого времени, наконец я сообразила — лечить меня будут магически! В этом мире есть магия? Маг, он же доктор, выставил всех за дверь, молча поводил надо мной руками, ощупал голову, хмыкнул, опять поводил руками, теперь вокруг головы. Короче, все лечение заняло от силы минуты три…Шикарно! Тут же вспомнила иголки, горькие таблетки в моем мире, стало обидно… Уже проваливаясь в сон, пришла очень умная мысль — жить, оказывается, хорошо, снова…

Глава 2

Проснулась я полностью здоровой и полной сил. Пока спала, за окном опустился вечер. В комнате было тихо и темно. Рядом дремала Эмма (статус я ей определила как няня или кормилица). Не знаю, чем и как меня лечили — чувствовала я себя превосходно. Самое время подумать и оценить обстановку.

Итак, что мы имеем. В активе — я жива, относительно здорова, молода. Видимо, богата, или дочь богатых родителей (что тоже неплохо). Надо мной трясутся, мной дорожат, значит, я много значу и важна для них (хотя, может, меня завтра в жертву принесут, поэтому и берегут, но это маловероятно). Далее, понимаю язык (про читать-писать не скажу, пока не увижу книги или что там у них вместо книг). В этом мире есть магия, лечение быстрое и безболезненное. У меня есть братья (наверное, те двое мальчишек, с которыми я ходила на пруд). Это хорошо, детей я люблю, у самой была младшая сестренка. Что еще… Да, как говорили те двое коммутаторов, я попала сюда для какой-то миссии, им нужна была женщина с моим характером для чего-то там… Значит, я здесь не просто так, у меня есть цель. Осталось только понять, какая.

В пассиве — у себя дома я погибла. Я помню дикую головную боль, теплые ручейки крови, текущие из ушей по шее, помню невыносимую тяжесть, от которой лопаются сосуды и выворачивает наизнанку… Я помню крики людей и запах бесконечного всепоглощающего ужаса, захлестнувшего салон самолета. От которого стынет кровь и останавливается сердце… Всё… Нужно смириться, что родителей я больше не увижу и назад не вернусь.

Попробовать умереть здесь и опять попасть в распределительный центр? Нет, так рисковать — чистое безумие. Задавила в себе опять просыпающуюся истерику. Здешняя «я» потеряла память. То есть, я не знаю, как зовут моих родителей, друзей, что происходит в мире, какие тут порядки и законы. Может быть, здесь процветает рабство, многоженство или еще что похуже… Я не знаю, как я выгляжу, хотя зеркало-то найти думаю, не проблема… Да, еще какая-то важная помолвка завтра. Поскольку на меня все горестно смотрят, и Эмма через

каждые пару минут причитает «бедная девочка», думаю помолвка не с принцем на белом коне. Вероятно, династический брак с не очень приятным человеком, если даже моя предшественница решилась попрощаться с жизнью. Хотя мой прошлый характер — тайна, покрытая мраком, может, я закатывала истерики и пыталась самоубиться от сломанного ногтя? Ничего, завтра все разъяснится. Главное — помалкивать, внимательно слушать и делать выводы.

В свои 32 года я трезво смотрела на жизнь и понимала, что встретить «прекрасного принца» проблематично даже в параллельной реальности. Насмотрелась на всякое. И ничего страшного в браке (даже с нелюбимым человеком) я не видела. По сравнению с авиакатастрофой — так, мелкие неприятности. За возможность второй жизни я бы вышла замуж и за 80-летнего дедушку.

Да и развод научил меня философски относиться к проблемам. Как говорила моя подружка Светка: «Каждая уважающая себя женщина должна хоть раз в жизни выйти замуж и развестись!». Сама она следовала своему постулату уже в третий раз, и каждый раз убеждать себя и меня, что вот он единственный и неповторимый!

Я ужаснулась, они же себя обвиняют в моей смерти! Светка, Лена и Юля подарили мне на день рождения путевку в Таиланд, в один голос, утверждая, что лучшее лекарство от депрессии — смена обстановки, и желательно на море, под пальмами. Отбиться от троих, настойчивых в своей заботе друзей, даже с моим фантастическим упрямством было не просто, и я согласилась.

Путевка (как я самодовольно тогда предположила) станет последним завершающим штрихом в новой замечательной жизни — новая работа, новая квартира, новый бойфренд…. Прошел год после тяжелого развода, наконец улеглась тоска по семи годам потерянной жизни, самобичевания и битье головой об стену (какая я дура) в прошлом. Я сменила работу, теперь я учитель математики в престижном московском лицее. Взяла в кредит миленькую квартирку (родители помогли) и заявила себе и миру — вот она я, новая Наталья Воронина! Успешная, молодая, самодостаточная женщина на пороге новых свершений.

С детства я искренне считала, что мир вертится исключительно вокруг меня. Солнце встает и садиться по моему высочайшему соизволению. Единственный, любимый и долгожданный ребенок в семье — прямое следствие развития у оного обостренного чувства эгоизма. Двадцать три года я сидела у папы и мамы на шее в прямом смысле этого слова. Все мои прихоти выполнялись, любые желания реализовывались. Я могла закатить истерику с воплями на весь

магазин только потому, что у купленной десятой по счету куклы за эту неделю недостаточно длинные волосы. Когда я увидела у подружки пианино, я загорелась стать великой музыкантшей. Музыкального терпения хватило мне на целые полгода, а купленное пианино долго мне потом мозолило глаза и портило интерьер в комнате. После лучшим применением моих великих талантов стало рисование — меня отдали в художественную школу. Хореография, верховая езда, вышивание гладью, искусство дизайна. Везде я промурыжилась по полгода, так ни на чем и не остановившись. У меня это называлось — поиск себя.

Воспитывали меня родители в основном добрым словом, увещеваниями и собственным примером. По-моему, ремень принес бы больше пользы. Папа был деканом в Институте искусств и художественного образования, мама работала там же преподавателем изобразительного искусства, поэтому ругательств и рукоприкладства в доме не позволялось, но у меня иногда от их вежливости сводило зубы.

Девочка я была бойкая, острая на язык и креативная на поступки. Ни во что серьезное я не влипла по дурости только из-за своей удачливости и наличия мозгов. Но нервы я потрепала родителям знатно. Вся моя бравада кончилась в один момент — мама в сорок лет родила сестренку. Мне к тому времени стукнуло 20. Сказать, что я разозлилась — ничего не сказать. Истерики родителям, уход жить в общежитие при институте, другие образцово-показательные выступления. Как же, я — и вдруг на вторых ролях! К моему чудовищному эгоизму приплюсуйте ослиное упрямство, и будет полный комплект. Мой мир поколебался и впервые я задумалась о том, что я — не центр вселенной. Вообще-то центр, но исключительно для себя, а для других — увы. Сейчас я благодарю Бога, что родители решились на второго ребенка, что теперь у них есть Машка, так как меня уже с ними нет.

Мой демарш против несправедливости в семье ничего не дал — я смирилась с существованием сестренки и даже полюбила это маленькое исчадие ада дубль два.

Школу я закончила с золотой медалью, институт с красным дипломом. Чего у меня было не отнять — учиться я любила всегда. Каждая новая книга, каждый новый открытый учебник и новый предмет погружали в таинственный мир неизведанного и притягательного. Это не мешало мне каждый семестр встречаться с новым парнем, отрываться с подружками на дискотеках, регулярно влюбляться и так же регулярно расставаться.

Замуж я вышла на пятом курсе за однокурсника. Все подруги выходили, и я «за компанию». Казалось, даже была та самая «большая любовь» … Саша был умен,

воспитан, говорил красивые комплименты, дарил подарки и носил меня на руках, что моему себялюбивому существу было ну очень приятно. Правда, поносил-поносил и перестал где-то на третьем году семейной жизни, но это уже другая история. Дальше пошла обычная рутина.

За семь лет брака я приобрела огромный опыт копания в интернете в поисках изысканных кулинарных шедевров, красивых интерьеров, духовного самосовершенствования — как не надоесть мужу и всегда быть желанной в постели. Я научилась отлично готовить, наконец закончила курсы кройки и шитья (так как жена должна уметь и иголку в руках держать, не только поварешку) накладывать потрясный макияж, вкалывала на тренажерах, совершенствуя фигуру, ходила по салонам красоты и вообще делала все, чтобы быть достойной…

Шла по проторенному тысячами женщин пути среднестатистической жены. Брак — это, прежде всего тяжелый труд, трудиться из нас никто не желал и закономерно через семь лет я обнаружила, что не одна у мужа. Наверное, это было логичным выводом из той рутины и однообразия, которые поглотили нашу семью, но, если честно, была рада, что появился повод разбежаться.

Детей у нас не было — как-то не сложилось, уважения и понимания тоже, я думала и не могла вспомнить, когда мы последний раз были вместе, просто разговаривали, целовались, гуляли. Помада на рубашках, вечерние совещания, поздние смс — все слилось в единый клубок ошибок и вранья. В общем и целом, девушка я решительная и ровно на свое тридцатилетие, через месяц после окончательного разговора с Сашей по душам, оказалась свободна от брачных уз. И тут началось самое интересное. Вдруг только после развода я начала понимать, что жизнь в одиночестве бессмысленна и пуста, цели в ней я не вижу и что делать — не представляю. Отыгрывать назад было поздно, да и как-то не эстетично. Родителей напрягать со своей депрессией в 30 лет бессовестно, особенно помня, что я им устраивала в переходном возрасте. Осталась я один на один со своими проблемами, и разбираться пришлось с ними самой.

Вспоминая, я удивлялась, что большинство событий мне сейчас представляются как-то размыто и поверхностно. Эмоции не терзали душу, даже воспоминания о родителях были хоть и с примесью тоски, но не болезненной и непереносимой. Все-таки нахождение в том распределительном центре забрало у меня часть воспоминаний вместе с чувствительностью и эмоциональной окраской.

А ведь они правы: я нейтральная, я ни разу в жизни не сделала действительно хорошего бескорыстного поступка. Нет, я никого не убила, не воровала, не лгала (ну если так, по мелочи), не предавала, не изменяла мужу, я плыла по течению

всю жизнь; ни злых, ни добрых поступков в моем активе нет. Когда Светка попросила пару дней посидеть с ее больной матерью, у нее был завал на работе — я отказалась (не люблю болезни и больных людей), с сестрой я сидела только по слезной просьбе родителей, а не по велению сердца. На работе сторонилась близких отношений, не нужны мне душещипательные дружеские посиделки и копания в эмоциях — я была сама по себе. Просьбы подруг игнорировала, ссылаясь на занятость на работе, после первой же серьезной проблемы в семейной жизни — сбежала от трудностей, самым простым выходом казался развод.

Кстати, после него и начался самый тяжелый период в жизни — денег не хватало, работать я за время супружества отвыкла, а вот тратить - наоборот. Пришлось снимать квартиру (не поеду же я к родителям под крыло — не солидно, и гордость не позволяла в тридцать-то лет), на еду денег уже не оставалось, про элитную косметику и фитнесс клубы пришлось забыть. Зато после этого годичного периода «бедности» я научилась бережному отношению к заработанному. И потом, уже когда денег стало больше, я как хомячок прятала по углам заначки и копила в банке на черные дни.

Сейчас я понимаю, что эти трудности заставляли меняться, подстраиваться под обстоятельства, закаляли характер, по капле выплавляли из меня эгоизм и себялюбие. Подруги помогали, как могли — водили на эзотерические лекции, подсовывали психологическую литературу, пытались знакомить с одинокими мужчинами… На мужчин смотреть не могла, зато остальное, думаю, сделало свое дело. Работу я нашла отличную. Такого трудоголика, как я после развода, надо было еще поискать.

По 12 часов в сутки каждый день, чтобы не возвращаться домой в съемную квартиру — легко! Выйти поработать на выходные — с радостью! На праздники посидеть с отчетом — конечно! Не удивительно, что начальство меня берегло и ценило. И, наконец, через год с небольшим, я очнулась, прислушалась к себе и обрадовалась — от депрессии ничего не осталось, боли больше нет, и время действительно лучший лекарь. На работе ко мне подкатывал уже несколько месяцев замдиректора… Тоже в разводе, симпатичный примерно 30-летний мужчина. Пора было заняться личной жизнью… Пару свиданий в кафе, один поход в театр… на том, к сожалению, мой новый роман и прекратился… Девчонки подарили путевку…

Как я оказалась на том самолете… действительно случайно. До окончания путевки оставалось пару дней, когда по скайпу со мной связался мой шеф. Лидок сломала ногу, у Семена Ивановича тёща попала в больницу, остался один учитель математики на весь лицей — и это я. Только я могла спасти нашу

знаменитую школу от позора. Я сама была не против улететь пораньше. Отдыхать одной — скучное занятие… В аэропорту свободных мест на ближайшие рейсы в Москву не было, и я попыталась найти обходной маршрут. Только сейчас я понимаю, что сотни «нет», сказанные мне в тот вечер персоналом аэропорта, всеми этими менеджерами, кассирами, администраторами должны были меня остановить, дать поразмыслить, успокоиться и подождать. Но нет… В этот раз мое упрямство зашкаливало. Я нашла-таки рейс, чисто случайно, подслушав разговор в туалете, девушка сказала, что сдала билет, так как отравилась и ее рвет уже несколько часов, а до вылета 30 минут. Правда, рейс был не прямой, до Анкары. Но там, я знаю, летают до Москвы гораздо чаще, и я улечу без проблем. Я запомнила рейс и понеслась к кассе. Естественно, никто билет мне продавать не собирался, уже началась посадка, но не на ту нарвались. За десять минут я успела устроить грандиозный скандал, получить билет и сеть в самолет. Даже погордилась собой чуток… Слегка удивилась, что на борту не заметила ни единого ребенка вот, пожалуй, и все…

Пока я вспоминала, за окном опустилась ночь. Спать уже не хотелось совершенно, любопытство толкало к свершениям. Для начала я хотела увидеть, как я выгляжу. Я, в общем, то была не против любого облика, главное, чтоб не сморщенной старухи или инвалида.

Значит, нужно поискать зеркало. Едва я поднялась с постели, Эмма встрепенулась.

— Деточка, ты проснулась? Радость-то какая, милая, у тебя ничего не болит?

Словесный поток излияний о моем здоровье можно было только прервать радикальным методом.

— Няня (надеюсь правильно назвала), подведи-ка меня к зеркалу, мама сказала, что я плохо выгляжу, — захныкала я.

Зеркал оказалось в комнате много, даже слишком. Комната представляла собой скромненький такой будуар гламурной блондинки этак 15 на 15 метров. Два огромных окна, монументальная кровать с пологом, преобладающий цвет — белый и розовый, везде разбросаны подушки, на полу пушистый белый ковер, вышитые цветочные узоры на стенах, обтянутых бледно-розовым шелком и зеркала, много зеркал — по паре штук на каждой стене, еще и расставлены по будуарным столикам.

Я сползла с кровати, чуть не грохнулась, запутавшись в длинном подоле ночной рубашки, подошла к ближайшему.

— Твою мать!

Думаю, Эмма не поняла, что это было за ругательство, поняла только, что я в шоке, поэтому тут же стала причитать:

— Ничего, Эльви, милая, завтра ты станешь как прежде, мы еще раз позовем доктора, он подправит царапинки, что остались, поспишь, отдохнешь, примешь ванну… — и прочее прочее…

Я уже ее не слушала, я смотрела на девушку в розовой ночной рубашке, отражающуюся в зеркале, и тихо млела. На меня смотрела кукла Барби в полный рост, этакий золотоволосый ангелочек. Такие же, как у маман, прекрасные длинные волосы, изящный носик, тоненькие, кокетливо изогнутые брови, пушистые густые ресницы, большие голубые глаза на фарфоровом личике. Только детская припухлость щек и губ отличала от более зрелой и совершенной красоты матери. Изящная фигурка молодой девушки, только-только вошедшей в женскую пору.

Я подняла руку, девушка в зеркале сделала тоже самое. В общем, если бы я не знала, что это зеркало, подумала, что я смотрю на нарисованную картинку, потому как по мне, слишком она была нереальна и воздушна. На вид лет 17–18. Может, меньше, но из глаз девушки на меня смотрела опытная, умудренная жизнью женщина. И это слегка прибавляло годков. Еще один минус, отметила я — актерский талант отсутствует напрочь, проверено путем многочисленных театральных капустников в школе и институте. Нужно срочно научиться прятать взгляд, слишком он уж взрослый.

Пока я говорила мало, смотрела в глаза другим и того меньше, и всё сквозь полуопущенные веки. Но что будет дальше? Смотреть в пол лет десять? Да и где она увидела царапинки? По мне, хоть сейчас на подиум… Трудно будет с такой внешностью заставить относиться к себе серьезно. А что, в принципе, это мне даже на руку — пусть все видят рафинированную наивную куколку, так что мои будущие промахи и неудачи (в виду отсутствия знаний в этом мире) спишем на блондинистую глупость.

Пока я медитировала перед зеркалом, в комнату тихо просочилась служанка с ужином на подносе, после нее на пару минут забежали мальчишки, чтобы страшным шепотом поведать, что, оказывается, я-то на самом деле умерла. Я лежала мокрая, холодная и не дышала, и сердце не билось — они слушали. А если бы все-таки не очнулась, то завоевала бы титул пятой по счету девицы с разбитым сердцем, которая сгинула в этом пруду.

«Прудик-то пользуется не хилым спросом», — подумала я. Братья, а их звали Диомирис и Эттаниель, рассказав жуткие новости, спешно ретировались. Как оказалось им строго-настрого запретили даже приближаться к моим покоям.

— Эмма, я не помню, что мне подарили на день рождения в прошлый раз родители? — начала потихоньку прощупывать почву на предмет восстановления картины воспоминаний некой Эльвиолы.

— Как же милая, Зару тебе подарили, кобылку твою, в конюшне стоит. Я конечно говорила льере Виолетте, что для девушки в 16 лет, лучшим подарком был бы бал в ее честь, но к тому времени к тебе уже посватались несколько достойных бергов, и твой отец сказал, что незачем тратить кучу золота на представление тебя ко двору, если у тебя и так отбоя от женихов нет. Так что в твое 17-летие, в день святой Мирты, ты уже будешь невестой. Ой, дорогая, прости меня, напомнила тебе о женихе, дура старая.

Я слабо отмахнулась, и сипло пропищала:

— Чего уж теперь, нянюшка, придется только смириться со своей горькой судьбой как послушной дочери, все равно ничего не изменить уже.

Значит, девчонке в зеркале 16. Я попыталась представить себя в глубоком детстве, вспомнить любимую куклу Аллочку — ревность и зависть всех моих подружек в 7 лет, и о чудо — взгляд девушки потеплел и стал немного рассеяно-наивным. Вот оно, спасение, пусть ненадолго, но хоть что-то. Я твердо приняла решение не говорить о своей амнезии. Может, обойдется. Как я поняла, никому в замке, кроме няни, до меня дела нет. Ко мне не пристанут с душещипательными разговорами родители, и друзей, похоже, не наблюдается. Так что потихоньку вытяну всю информацию, необходимую для нормального существования в этом мире и сама.

— Расскажи-ка мне еще раз, что ты знаешь о моем женихе, — пора выдвигать тяжелую артиллерию… Завтра все-таки помолвка и, может, мы с женихом хорошо знаем друг друга, а и не в курсе.

— Зачем ты бередишь рану, Эльви, деточка, ты же его ненавидишь и боишься.

Я скривилась:

— Да, Эмма, но может со временем привыкну, ведь вся жизнь впереди, мама и папа никогда бы не позволили мне выйти замуж по любви, - грустно вздохнула я.

По словам Эммы, мой жених, а звали его Ленар де Мирас приносил в жертву девственниц и ел младенцев то ли на завтрак, то ли на ужин, она запамятовала.

Страшнее и ужаснее человека не было во всем королевстве. Происхождения он был самого жалкого — то ли бастард мелкого берга, то ли вообще простолюдин, что являлось самым тяжким, по мнению Эммы, из всех его многочисленных грехов. Уродлив до безобразия, еще и шрам на все лицо. Единственным положительным моментом во всем этом кошмаре являлись несметные богатства, которые Ленар награбил во время последней войны, убивая невинных и грабя обездоленных. На войне он сделал блестящую карьеру, начав ее солдатом, а закончил уже в чине генерала. И ту войну, кстати, мы выиграли во многом благодаря жестокости и военному искусству моего женишка. Титул Ленар купил после, на ворованные деньги, но это его не спасло, на него все равно смотрели как на плебея. Почему этого убийцу и негодяя так приблизил к себе наш король, Эмма точно не знает, может, поставляет во дворец невинных девиц для участия в дворцовых оргиях.

«Если хоть половина из этого, правда, то бежали бы мы к заветному прудику с Эльвиолой наперегонки». Нет, я подозревала, что в рассказе Эммы слухов и домыслов предостаточно, но мне было непонятно, почему же родители так рады сбагрить свою старшую дочурку этому чудовищу. Эмма разъяснила и это. За право первородства (а я, как старший ребенок в семье, наследовала какой-то там жутко высокий титул, которым могла поделиться с мужем и своим первенцем) моей семейке монстр отваливал огромную кучу золота (даже Эмма не знала точную сумму), а золото родители очень любили и его постоянно не хватало. Предки не особо утруждали себя зарабатыванием денег, они, как и мои родители, прожигали жизнь в праздности и кутежах, и мое теперешнее поколение столкнулось с угрозой бедности. «А хорошо, что у них первой родилась девочка, как бы они мальчика-то продавали?», — подумала я.

Со слов Эммы стало понятно, что с женихом мы ни разу не встречались — все договоренности о помолвке пересылались магической почтой. Ленар должен будет прибыть завтра утром для окончательных переговоров, подписания брачного договора и заключения помолвки в местном храме. И сразу же уедет назад, в столицу. Три в одном за одно утро — занятой человек мой будущий муж. Помолвка у знатных людей длилась от полугода до года, успокоила Эмма, значит, у меня есть время морально подготовиться.

Когда отцу доставили прошение о помолвке от Ленара, он даже не обратил на него внимания, у него тогда на примете было несколько потенциальных женихов, которые уже передали документы на рассмотрение, высокородных и родовитых. С одним из них уже почти подписали предварительный договор, когда льера вызвали в столицу. После поездки (и, видимо, аудиенции у монарха) папаня был сам не свой, в замке месяц царила чудовищная атмосфера. Все

ходили на цыпочках, боялись лишний раз посмотреть в его сторону. Наверное, он очень жалел, что ждал моего шестнадцатилетия и не заключил помолвку ранее. Тем паче, Ленар со своими деньгами перебил все ставки… да и король вмешался.

— Вот с того времени и начался кошмар в нашем доме и в нашей семье, — сказала Эмма и добавила: — Поздно уже, давай-ка ложись в постель, милая.

После сегодняшних событий голова у меня была похожа на шар, наполненный гелием — гулко, пусто, тянет взлететь и смыться подальше. Но вместо этого я послушно легла в кровать и закрыла глаза. Главными задачами, которые я определила себе на ближайшие месяцы — побольше слушать, поменьше говорить. И учиться-учиться-учиться.

Сейчас я никак не могу повлиять на сложившуюся ситуацию, меня сорвало с дерева, как одинокий листок и унесло в бушующее море — авиакатастрофа, новая жизнь, вокруг меня неизвестный мир, чужие люди, непонятные события, все происходит без моего участия или влияния, что же — будем плыть по течению, авось, куда-нибудь да вынесет. Я лежала без сна в огромной кровати, и панические мысли никак не хотели покидать голову. Нужно успокоиться и хоть немного поспать, но не получалось. Столько событий за прошедшие сутки — мозги кипели и плавились, сердце стучало как сумасшедшее — какой там сон! Промучившись почти до рассвета, я буквально на пару минут отключилась, но уже нужно было уже вставать и одеваться.

Глава 3

Лихорадочный быстрый завтрак, дерганые горничные, дрожащие руки, причитающая Эмма — нервировало все! Казалось, сейчас зарычу. Все вокруг помешались на этой помолвке. На пару минут заскочила родительница — надавала ЦУ и упорхнула. Из волос сделали пизанскую башню, украсили нитками розового жемчуга (держать такую махину на голове — занятие, я вам скажу, не из легких, вообще у меня были всегда короткие волосы, раз в месяц в салон - и никаких проблем).

Но больше всего времени заняло облачение. Сначала на меня надели две сорочки — длинную и коротенькую, чулки, корсет, потом напялили что-то типа каркаса из какой-то жесткой ткани, как будто железной (видимо, здесь процветает стиль рококо, я с грустью порылась в памяти, эх, ампир мне всегда нравился больше), когда очередь наконец дошла до платья — сил возмущаться уже не было никаких. Меня облачили во что-то розовое, пышное, с оборками и

воланами, расшитое драгоценными камнями, нет — булыжниками (платье со всей амуницией весило навскидку килограмм десять), корсет немилосердно впился в ребра (никогда в прежней жизни его не носила и не знала, что это так больно). Если доживу до помолвки — будет подвиг, кажется, умру гораздо раньше от любящих родных и близких.

Меня потащили на выход. Вздрогнула, зацепившись взглядом за отражение в зеркале. Бессонная ночь отложила-таки печаток на внешности Эльвиолы — болезненная бледность, красные опухшие глаза, нездоровый вид. «Теперь уже ни у кого не возникнет подозрений, — хмыкнула я мысленно, — На лицо глубокая и безутешная скорбь, именно так я и должна выглядеть сегодня, по мнению многих».

Сказать, что я не боялась — это будет чистейшей воды вранье. На самом деле я была в ужасе. Воображение разыгралось не на шутку. Вчерашний откровенный опус Эммы, свои собственные страхи, незнание мира, нездоровая атмосфера вокруг, перепуганные горничные, нервничающая мать — всё это не добавляло мне уверенности в себе. Жених уже представлялся этаким уродливым монстром, местным Франкенштейном и по совместительству Синей бородой. «Включай мозги, Наталья. С любым можно договориться. Страх — это только мое воображение, мои мысли о предполагаемом будущем. И чем ярче работает фантазия — тем сильнее страх. Успокойся! Пока плывем по течению, дальше видно будет…».

Большой и дружной компанией невесту вывели из комнаты. Впереди шла Эмма, меня с двух сторон поддерживая за руки две девушки-горничные Лиля и Мари (наверное, боялись, что грохнусь в обморок от волнений, они были недалеко от истины — корсет жал беспощадно, дышалось с трудом). Наша процессия миновала анфиладу богато украшенных комнат. Высокие стрельчатые окна, сказочные витражи, я не успевала рассмотреть это великолепие, глаза разбегались в разные стороны, стараясь охватить все и сразу, дух захватывало от изящных статуэток, картин на стенах, богатой мебели, правда на первый взгляд присутствовала некая толика запустения и пыльности, но я была в восторге! Дом был изумительно хорош изнутри, стены из красновато-коричневого камня, без покрытия из обоев и панелей, были теплыми и нежными на ощупь, я даже незаметно мазнула ладошкой по стене, действительно, как живые.

Мы спустились по широкой каменной лестнице на первый этаж. Там уже ждала меня родительница в окружении нескольких богато одетых женщин (группа поддержки?). Маман опять шикарна, прекрасна и опять вся сверкает драгоценностями. И как ей не тяжело все это носить? Наверное, привычка.

— Бедная моя девочка, — утерла платочком несуществующую слезинку, на лице неподдельная скорбь и страдание.

Актриса из нее явно лучше, чем из меня. Все как будто ждали толчка — женская братия разом запричитала, и так настроение ни к черту, еще эти завывания. Скорее бы уже все закончилось и меня оставили в покое.

Наконец, дверь слева открылась, и нас пригласили в кабинет.

Первым, кого я увидела, войдя в комнату, был поразительно красивый мужчина, сидевший за массивным письменным столом напротив входа. Наверняка папаша. Реально похож на девчонку в зеркале (я пока не могла совместить в голове мою новую внешность и себя любимую в одно лицо, поэтому нынче у меня раздвоение личности — была «я» и «девчонка в зеркале»). На вид так же лет тридцати в хвостиком (они что, детей в 12 лет рожают?), так же, как и маман, блондин, только цвет волос больше пепельный, чем золотой, волосы чуть ниже плеч, высокий надменный лоб, ровный аристократический нос, четко очерченные красивой формы губы, светлые холодные глаза, но самая ярко бросающаяся в глаза черта — немыслимое высокомерие и надменность, взлелеянные многими поколениями высокородных предков.

Мужчина небрежно держал в руке несколько листов бумаги и читал. Увидев нас, он махнул рукой на кушетку слева от себя и процедил сквозь зубы:

— Мы скоро закончим, садитесь.

Двигаясь к дивану, я сразу и не заметила сидящего в глубоком кресле человека, также читавшего бумаги. А когда он резко встал, приветствуя нас, вполне натурально вздрогнула и отшатнулась. На мой испуг он насмешливо скривился, царапнул острым взглядом по моему платью (а что? — чудесный розовый цвет!), небрежный поклон и опять уткнулся в бумаги. Наконец-то я увидела своего жениха.

Что ж, не так страшен черт, как его малюют. Видали и похуже. У меня начала потихоньку спадать паника. На первый взгляд — явных отклонений и уродств не наблюдалось. Две руки, две ноги, не красавец, конечно. Навскидку лет 35–40. Высокий, худой, короткие темные волосы с белыми мазками седины, крупный нос, тонкие, упрямо сжатые губы, хищное темное лицо, то ли загорелое, то ли смуглое по природе, цвет глаз не разглядела, он сидел к нам боком, да и шрам таки был — на правой щеке белым тонким росчерком. Классический образ злодея. Мужчина был явно не в моем вкусе. Мне всегда нравились симпатичные парни, с чувством юмора, веселые, компанейские. Мой бывший, например, был в свое время душой и заводилой нашей студенческой компании.

— Я настаиваю на 50 % предоплате и сегодня, — папаня дочитал договор и отложил бумаги.

— Вы смеетесь? Я и так вам плачу огромные деньги только за предварительную помолвку, а если что случится с невестой? Я просто распрощаюсь со ста тысячами золотых. Вы же сами настояли: первым пунктом в договоре стоит, что аванс не возвращается, — донесся из кресла низкий голос будущего мужа.

— Да если бы не король и его приказ, я бы никогда допустил этой помолвки, — если мой папа решил немного поторговаться, то он явно просчитался с объектом. Так как объект даже бровью не повел.

— Вы хотите сказать, что в этом королевстве, да и не в этом тоже, вам кто-то даст больше миллиона золотых? — голос гостя звучал насмешливо и вызывающе и до ужаса обидно.

— Дело не в деньгах…

— Не смешите меня! — грубо прервал хозяина Ленар, — А в чем же?

Боковым зрением я увидела, как маман слегка покраснела. До этого момента она успешно мимикрировала под мебель, сидела тихо как мышка, периодически поднося платочек к глазам. Тут, похоже, жесткий патриархат. Женщинам слова не дают. А я что — сижу и молчу, тиха, послушна, молчалива — настоящее сокровище.

— Через пару лет вам за долги придется не только дочь, но и замок продать, — продолжал издеваться жених.

— Да лучше пусть ее мужем будет обычный берг, чем, такой как вы…

О, да тут страсти бушуют похлеще, чем в мексиканских сериалах. «Торги проходят в дружественной и доброжелательной обстановке», — хмыкнула мысленно я.

— Вы подписываете или нет? Да за сумму в половину меньшую я куплю хоть завтра десяток девиц попокладистей. Просто королю взбрело в голову, чтоб я стал именно льером. И поверьте, если вы откажитесь — я не обижусь. А вот что будет с вами и вашей семьей?

«Мне показалось или в голосе прозвучала еле уловимая фальшь? Да нет, дорогой, тебе эта помолвка тоже нужна, не знаю, правда, зачем, но не менее необходима, чем деньги моему папаше! Может, тебе и удастся убедить в своей незаменимости предков, но меня не обманешь, у меня нюх на вранье. Проверено

опытным путем».

— Итак, окончательное решение — сто тысяч золотых вам переводят авансом сегодня, остальные девятьсот сразу перемещают в сокровищницу после заключения брака в храме, через месяц.

— Какой месяц?! — тут же закричала мамаша. — Да нас все засмеют! Год, не меньше, должна длиться помолвка!

— Все вопросы к его величеству, через месяц в столице собирается совет и у меня, как у исполняющего обязанности главного советника монарха, должен быть к тому времени титул. Я надеюсь на ваше благоразумие и на благоразумие невесты, — небрежный кивок не глядя в мою сторону. — И постарайтесь, чтобы через месяц она была как минимум жива, а как максимум здорова, до меня дошли кое-какие слухи о вчерашнем инциденте. Мне еще наследника от нее получать.

«Дульку тебе с маком, а не наследника», — я мгновенно вскипела, как чайник. Бессонная ночь, головная боль, еще этот корсет… Такое откровенное пренебрежении и хамство коробило. Ни как меня зовут, ни как я выгляжу жениха не интересовало. «Папаша тоже хорош, так ненавидит будущего зятя, что даже дочь не представил». На смену утренней панике пришла здоровая злость. Значит месяц. За месяц я мало что успею… времени в обрез.

— Да и что младшая льера тут делает? Привели показать? Совсем было не обязательно. Мне абсолютно неинтересно, как она выглядит. Мне от нее нужен только титул. Пусть идет в храм и ждет меня там, — чуть заметный налет брезгливости и пренебрежения изогнул губы Ленара.

«Ничего, мы очень злые, и память у нас хорошая» …

Маман торопливо вывела меня из кабинета. Блин, чувствую себя предметом мебели, передвинули туда, задвинули сюда.

Естественно, после оглашения условий помолвки среди присутствующих в гостиной дам начался откровенный хаос. Я стояла в центре ока бури и со всех сил силилась не заорать. В обморок что ли хлопнуться? Этого, видимо от меня и ждут все.

— Как месяц, это же позор, да за это время даже платье не сшить! Что скажут соседи?

— Вот что значит человек неблагородного происхождения, никакого понятия о приличиях!

— Бедный ангелочек! Столько потрясений!

Бла-бла-бла…

Сама помолвка заняла от силы минут пять. До храма я шла под руку с маман, внимательно смотря под ноги, чтобы с непривычки не запутаться в длинных юбках и не упасть. Вся наша женская братия, причитая и стеная, топала следом. Жених с отцом нагнали нас уже на подступах. Судя по мрачным физиономиям примирением и дружбой между ними и не пахло, но договор, по всей вероятности, подписали. Само помещение храма оказалось просто пустой круглой комнатой с куполообразным высоким потолком. В центре стоял постамент с чашей, наполненной водой. Нас попросили опустить в воду руки, не касаясь друг друга (типа мы соединены пока через воду), дедушка-священник прочитал небольшую вступительную речь о том, что мы подтверждаем перед Богиней свои намерения сочетаться браком и соединиться навеки через месяц. Всего-то!

Как-то пугающе звучит «навеки». Интересно, а разводы здесь предусмотрены?

Все время, пока я стояла рядом с Ленаром, меня не покидало стойкое ощущение, что я лишний элемент в храме, что жениху плевать на меня с высокой башни, он со сосредоточенным видом решал в уме какие-то глобальные задачи, а мы тут со своей помолвкой навязались, и если бы было можно, он бы взял один титул без прицепа вроде меня. Даже моя красота и молодость его не впечатлили, если его взгляд иногда и останавливался на мне, то лицо принимало такое брезгливое и хмурое выражение, как будто мы уже лет тридцать женаты, и я надоела ему хуже горькой редьки. Я усиленно пыталась соответствовать образу глупой блондинки, хлопая глазами и охая в нужных местах. Образ незабвенной куклы Аллочки прописался у меня перед глазами.

По презрительно кривящимся губам жениха можно было понять, что впечатление я произвела на него незабываемое.

— Не тряситесь, льера. Я не ем маленьких девочек, — процедил он сквозь зубы.

«Ага, вы на них женитесь», — мысленно ухмыльнулась я, едва держа себя в руках — ненавижу корсеты!..

Уехал Ленар сразу, как только представилась возможность, по-английски, не попрощавшись. Вот уж действительно — невоспитанный и неблагородный плебей. Стоп… я сутки только льера, а уже высокомерие моих предков бурлит во мне. Вот теперь можно и в обморок, зато сразу в комнату отнесут и в покое оставят. Главное — точный момент подобрать.

После прекрасно сыгранного беспамятства, меня предоставили самой себе, посчитав, что для бедной девочки сегодня впечатлений было достаточно. А я и не против… Хоть осмотрюсь в спокойной обстановке. Но видимо бурные события прошедших суток подкосили мой организм основательно, потому что после того, как я оказалась в горизонтальном положении — уже ничего не помню.

Глава 4

Как потом поведала Эмма — проспала я почти сутки. Жертву произвола и насилия (то есть меня) приказали не трогать, так как дословно было сказано: «бедная девочка столько натерпелась!». Родители укатили в соседнюю Ромулу тратить сто тысяч, переведенные за помолвку Ленаром. Просили передать, что вернуться накануне свадьбы, а местной портнихе было дано указание прибыть для пошива свадебного платья. Ждали ее завтра.

Я, было, решила обидеться на двух жадных до денег предков, но потом резонно себе же аргументировала, что без них будет в замке гораздо проще освоиться. И вообще, дух равнодушия и пофигизма, царивший в этой семье, в данный момент был очень кстати. Возможно, настоящей Эльвиоле и не хватало родительских тепла и заботы, наверное, ее убивало пренебрежение матери и алчность отца, но мне это было только на руку.

И началась новая жизнь.

Что очень радовало в моем теперешнем положении — одевали, причесывали, наводили лоск на меня любимую без моего непосредственного участия. Нужно было просто тихонько сидеть перед зеркалом и иногда открывать рот, чтобы Эмма впихнула туда кусочек пирожного или влила глоточек чая. Пока горничные кружили вокруг, как стайка воробышков, я продумывала стратегию и тактику на ближайшие дни.

Цель 1 — подружиться с парой-тройкой слуг (свои люди нужны везде, а также сплетни, слухи, свежие новости и т. д.),

Цель 2 — найти библиотеку и наконец, понять, умею я читать или нет, я все-таки очень надеялась, что перенося в этот мир, мне не только дали способность понимать язык, но и читать и писать, иначе мое обучение может затянуться надолго, что не радует.

Цель 3, плавно вытекающая из 2 — изучить историю этого мира, веру, нравы, обычаи, если уж я застряла здесь надолго.

Попыталась проанализировать свои впечатления от вчерашнего дня. Решила, что жених мне совершенно не подходит. Не нравилось мне в нем абсолютно все — внешность, голос, его тяжелая аура, раздражающая кривая ухмылка. Если даже я, со свои богатым опытом общения с противоположным полом, нашла Ленара злобным, черствым сухарем, как же бедная запуганная шестнадцатилетняя мышка Эльвиола была охвачена ужасом, если решилась на такое.

«Не буду об этом думать сейчас — подумаю об этом завтра, а лучше через месяц! — напомнила я свой давний жизненный принцип, спертый у Скарлет. — У меня есть более насущные проблемы, чем будущая гипотетическая свадьба — выжить и адаптироваться».

Этим и займемся.

Сначала я выяснила, что в замке живут несколько учителей, нанятых для обучения моих братьев (как и всех знатных господ, нас учили на дому). Девочек по минимуму (чтение, письмо, танцы, музицирование, вышивка, этикет и еще пару-тройку таких же бредовых предметов). Мальчики удостаивались еще географии, математики и истории.

Обучение Эльвиолы закончилось в прошлом году, и Эмма искренне не понимала, зачем мне еще какие-то знания, кроме уже имеющихся, но всё равно я потихоньку пробиралась с вышивкой в руках в комнату для занятий, мотивируя тем, что напоследок, хотела бы побыть с братьями подольше перед тем, как я покину семью навсегда.

Сидя в углу и больше путая нитки, чем что-то вышивая, я как губка впитывала знания по истории и географии. Только лишь задавать уточняющие вопросы мне было нельзя, приходилось молча слушать и вникать. Только математика не смогла завлечь меня на свои уроки. В моем мире эта наука продвинулась намного дальше, чем здесь. Максимум, что преподавали — таблицу умножения и основы геометрии. Это я еще в школе проходила, до моих институтских знаний (высшая математика, любимые интегралы, дифференциальная геометрия и прочая) здесь еще не доросли, и мне было не интересно.

Мальчишки искренне радовались моему обществу. Совсем еще дети, им тоже не хватало заботы и внимания от родителей, а я как старшая сестра взяла на себя ответственность за их досуг вне учебы. Мы носились по дому, как банда разбойников, играли в прятки, «море волнуется раз...», салочки… Эмма с умилением глядела на наши шалости, очевидно, думая, что ее подопечная слегка помешалась на почве помолвки, но разрешалось нам абсолютно всё.

Видимо, напоследок…

Заодно, под видом игр, я исследовала весь замок сверху донизу. И влюбилась в него искренне и навсегда! Дом был прекрасен. Четыре этажа, огромные светлые комнаты, широкие коридоры, изящные балкончики, милые пейзажи на стенах. Великолепные виды, открывающиеся из окон — бескрайние луга, вдалеке стеной стоял лиственный лес, блестел на солнце пруд (да-да, тот самый), отсюда из окна он был совсем не страшный. Ни крепостной стены вокруг замка, ни рва с водой не наблюдалось. Очень мирное, пасторальное жилище. Рядом, в метрах 500 от дворца, виднелся храм — небольшое круглое строение, где проходила помолвка. Кстати, оказалось, что нам строго-настрого запретили выходить на улицу, особенно мне. Эмма запричитала, что им головы снесут, если со мной что случится, поэтому следующий месяц я проведу в доме. Да я и не против.

Библиотеку я разыскала быстро, книги магнитом притягивали меня всегда, поэтому мой любопытный нос сразу привел на первый этаж в комнату по соседству с кабинетом отца. Огромной радостью было узнать, что читать я тоже умею. Правда сначала меня чуть инфаркт не хватил — когда раскрыла первую попавшуюся книгу, перед глазами предстали круглые непонятные закорючки. Да и бумага была не привычна, какие-то тонкие гибкие листы серого цвета. Я похолодела… пару секунд тупо пялилась на страницу, но потом в мозгу что-то перемкнуло и взгляд начал выхватывать отдельные слова, слова складывались в предложения, и через минуту я прочитала свой первый абзац. Это была победа!

Библиотека в доме была шикарна, огромное помещение с бесконечным количеством полок до потолка, несколько лестниц стояли для недоступных участков — просто рай для такой фанатички как я. В тот же день я просидела до ночи выбирая себе обучающую программу на ближайшие недели — атлас мира, несколько книг по истории, географии, экономике, так же прихватила фамильную книгу нашей семьи.

Мироустройство здесь очень похоже на наше, и ориентировочно застряло в XVII - XVIII веке. Королевство, где мы жили, называлось Лореляй. Форма правления — монархия. Трон в данный момент принадлежал королю Кристофу Реджинанду. Вдовец. Есть сын. Государство наше было достаточно цивилизованным и развитым. В столице находились несколько университетов, школа магии, общественная библиотека… Существовали работные дома, школы, интернаты для сирот. Рабства не было уже около трехсот лет… Классовые сословия так же очень похожи: аристократия, военные, ремесленники, селяне. Мне же крупно повезло очутиться на самом верху.

Как гласила легенда, льеры вели свое происхождение от самих богов, когда-то давно живших среди людей. Потом боги куда-то свалили (или на небо или подальше), а их потомки остались на земле самыми могущественными и сильными существами, почти все были волшебниками, умели излечивать любые заболевания и перемещаться на дальние расстояния. Потом, видимо растеряв генофонд, за пять тысяч лет от льерства остались только отменное здоровье и какой-то лер (пока не выяснила, что это такое). Магов в их семьях рождалось столько же, сколько и в обычных, суперспособности утратились, да и самих семей в нашем королевстве сохранилось только три. Полный мой титул звучал так — льера Эльвиола Гвеневера де Саро. Несколько раз наш род пересекался с королевским, женились и выходили замуж за моих предков младшие ветви королевской семьи. Поскольку титул строго переходил только первенцу, самым страшным божьим наказанием было бесплодие у родителей (что случалось очень редко) или война, забирающая жизни (что случалось чаще).

Итого: в данный момент сохранилось только три ветви льеров в нашем королевстве — монарший род Реджинандов, наш — Гвеневеров и еще одна семья неких Аристедисов, так же много раз пересекавшихся с нами. Короче — все мы между собой кузины и кузены. Интересно, а они знают об опасности генетических заболеваний — гемофилии, например? Хотя есть и положительные моменты: посмотреть на внешность родителей - селекция на лицо. Женились-то на самых красивых представителях рода человеческого. Да, и еще один неприятный момент, браки льеров устраивал сам король высочайшим указом, то есть в любом случае Эльвиоле не позволили бы выйти замуж по ее желанию.

Занятная аналогия прослеживалась между этим и моим родным миром — то, что здесь заменяла магия, в моем мире называлось высшими достижениями научно-технического прогресса. Электростанций и соответственно электричества здесь не было, зато примерно раз в три месяца к нам приходил местный маг и заряжал светильники и кухонные и бытовые приспособления (типа ходячей батарейки). Так же прикладывался к шкатулке-телепортеру, служившей магическим почтамтом (письма и мелкие предметы могли телепортироваться в эту шкатулку из другой, находящейся, как угодно, далеко).

Камины в домах аристократии служили только для интерьера и зажигали в нем настоящий огонь редко, скорее, для украшения… Маги здесь излечивали почти любые заболевания, проводили пластическую коррекцию внешности (т. е. из богатых уродин делали красавиц), за большие деньги, конечно. Но ведь и у нас цены за жизненно важные операции были запредельны. Магия в этом мире была дорогим удовольствием, и использовалась она в быту только высшей аристократией. Хотя король и обязал магов иметь своего представителя в

каждом городе, в основном они сидели без работы, их услуги были не по карману большинству населения. Я спросила Эмму, как же лечатся простые люди? На что она мне ответила — кто же ходит к этим крохоборам! У нас есть знахарка, которая любую болезнь травами излечит, к ней и ходим.

Как я поняла из книг, поверхность земли покрывала некая магическая сеть, то есть, кружево. В пересечениях узлов этой сети и ставили порталы. На месте маленьких узлов (пересечение двух или трех нитей) ставили шкатулки, в пересечении большого количества нитей (от десяти и более) строили большие порталы, способные переносить людей, животных или тяжелые грузы. Но всё равно, мощности порталов хватало только на нескольких людей. Максимум трое-четверо. Поэтому такой способ перемещения был не только дорог, но и не удобен. Даже если король захочет воспользоваться порталом, то он сможет с собой взять не более одного-двух телохранителей, что действительно мало. Поэтому те, кому были доступны порталы по деньгам, не часто ими пользовались, только в крайних случаях…

Эту сеть видели лишь маги — да то далеко не все. Перемещения стоили так дорого потому что для работы обязательно требовался маг: он должен был настроить переход и направить клиента в нужное место.

Если шкатулку можно было зарядить один раз и потом месяц пользоваться без чьего-либо участия, то проход через портал неизменно требовал присутствия мага. Это было неудобно, поэтому порталы располагались только в столицах и крупных городах.

В соседние страны перемещение порталами не практиковалось. Это было не прилично, не подобающе… Этаким моветоном…

Медицина в этом мире была на такой недосягаемой высоте, до которой моему родному техническому миру расти и расти. Излечивались почти все болезни, присущие людям. Кроме, естественно, старости. И то, при должном уходе и магическом вмешательстве, можно было смело жить до ста лет, а то и больше. В хрониках нашей семьи я нашла упоминание о своих предках, умерших в 140–150 лет. Маги вмешивались в генетику, ставили опыты на животных, людях… Я читала об улучшенных лошадях, коровах, собаках. Какие именно индексы и показатели выводили на новый уровень, не известно, данных не было. Но не трудно догадаться.

С людьми было все не так однозначно. Физическое здоровье, красота и прочее — это одно. А внутренняя сущность человека — совсем другое. Мы состоим ведь не только из костей, крови, кожи и мышц. Сосредоточие мыслей, чувств,

стремлений, мечтаний, эмоций и много-много большее — это человек… В хрониках случайно нашла краткое упоминание о неудавшихся экспериментах с генетикой какой-то жутко титулованной особы, который захотел стать не только самым красивым, но и самым умным. С красивым все было в порядке, а вот с умным… Короче умер этот аристократ с идеальной внешностью, но с умом пятилетнего ребенка…

Магического оружия в этом мире не практиковали. Строжайший запрет на любые военные и членовредительские разработки. Тысячелетие назад закончилась ужасная война с применением магии. Что это было за оружие и чем маги убивали друг друга и людей — в хрониках не осталось ни единого воспоминая. Уничтожили все записи, учебники и даже мемуары… Полмира лежало в руинах сотни лет, значительно сократилась численность населения, исчезли с карты мира некоторые государства, реки потекли вспять, горы сравнялись с землей… В целом даже слабые отголоски той войны вгоняли в ужас и заставляли задумываться, а нужна ли нам магия?

После той войны в мире почти не осталось магов, пришлось воспитывать и обучать с нуля младенцев, родившихся после… И логичным выводом из всего этого стал полный запрет на использование магии в военных целях. И воевали, если приходилось, с помощью почти примитивных пороховых ружей и холодного оружия…

Но самое смешное, что я обнаружила, открыв атлас мира — планета была как две капли воды похожа на Землю. Те же континенты, те же океаны, то же расположение морей. Создатель, видимо, не заморачивался, выдумывая ландшафты для миров, и все сделал под одну копирку. Наше королевство располагалось в районе южной Европы, занимая территории Болгарии, Румынии, часть Венгрии и Сербии. То есть таких миров может быть бесконечное множество? Как слои пирога, только разная начинка — где магия, где технический прогресс, где драконы, где ведьмы, где, может быть, во главе искусственный разум…

Религий в этом мире было под завязку. Так как боги еще недавно (каких то несколько тысяч лет назад) еще ходили по земле и разговаривали с людьми, то у народа остались достаточно свежие воспоминая о них. Не было никаких жестких, ограничивающих требований в вере — поклоняйся кому хочешь. Храмы были самые разнообразные, но больше всего (естественно) строили богине-матери Суали. Она покровительствовала женщинам, была ответственна за сохранение семьи и продолжение рода. Почему-то своим воплощением на земле она выбрала воду (логично, предположила я, вода — это жизнь, жизнь всего вокруг, без нее не прорастет семя, не вызреет урожай, даже ребенок зреет в

чреве матери в околоплодных водах). Ранее, как писалось в легендах, можно было запросто пойти в храм любому человеку и поговорить с богом, попросить его что-либо для себя, и боги отвечали. Но потом, наверное, люди распоясались настолько, что просьбы стали чаще и наглее, и боги однажды просто перестали отвечать, предоставив человечеству разбираться со своими проблемами самим. Только в очень редких случаях (как я прочитала, прошлый случай был более столетие назад, и то фактически не зафиксированный, только легенда) человек получал ответ на свою просьбу, озвученную в храме.

Однажды, выходя из ванной комнаты в одной простыне, заметила в зеркале странное изображение на правом предплечье, узор бледно-голубого цвета, почти незаметный, типа тату. Изображал он какое-то вьющееся растение, лиану, с мелкими цветочками более тёмного цвета, обвивал предплечье полосой где-то сантиметров десять и заканчивался почти на сгибе локтя. Спрашивать у Эммы, что это, я побоялась, сразу откроюсь в своей неосведомленности. Потом вспомнила, на титульном листе фамильной книги видела точно-такое же, да и в доме, постоянно натыкалась на стилизованный рисунок, то на обоях, то в декоре, то в лепнине.

Присмотрелась к портретам предков Гвеневеров, и у женщин (редко они изображались в открытых платьях, поэтому и не заметила сразу) также обнаружила эту татушку, почти не видимую, и сомнений уже не оставалось — это что-то, связанное с льерством. У матери я не заметила подобного, но я и видела ее пару раз на бегу. Диомирис, которого выловила в коридоре удивленно на меня посмотрел:

— Эльви, ты что, забыла? Нам же об этом с рождения талдычут. Лер проявляется только у первенцев, значит, он есть только у тебя, — и снял сюртучок, отодвинув рукав, продемонстрировал абсолютно чистое правое предплечье.

Читая фамильную летопись, наткнулась на историю постройки нашего замка. Оказывается, вместе с титулом льеров должен был передаваться первенцу и родовой замок. А родовой замок льеров Гвеневеров был мрачной неприступной крепостью на севере страны, построенной более четырех тысяч лет назад, а нашему дому всего около двухсот лет. Нестыковка.

Я копала дальше, и через пару часиков нарыла-таки, почему мы тут живем, а не в крепости. Жила была девочка, умница, красавица, любимая дочь знатных родителей — Эммилия. Моя пра-пра-пра-бабушка. Так как у нее было два старших брата, титул ей не светил никаким боком. Но даже младшие дети льеров были востребованы на брачном рынке, замуж ее отдали по договоренности в 15 лет, за человека, которого она ни разу не видела. Женихом

оказался младший брат короля. А не видел его никто, так как жених был калекой с одной ногой и на людях не показывался. У бабушки случилась истерика прямо в день свадьбы. Но все закончилось, как водится, благополучно — через некоторое время они искренне полюбили друг друга и, как написано в летописи — жили долго и счастливо. Так как своего родового дома у них не было, король свадебным подарком отдал брату приличную территорию с несколькими селами, небольшим городком, немного запущенным лесом и прудом рядом со столицей — провинцию Ласкар, где они и построили этот дом. Муж бабушки был талантливым художником, он сам спроектировал замок, разбил сады вокруг и настоял на отсутствии фортификационных сооружений, что тогда было нонсенсом. И так как искренняя любовь творит чудеса — дом вырос, наполненный светом и любовью. У них родились дети, все было замечательно, и тут случилась война. В этой войне был окружен и взят в длительную осаду северный фамильный замок и самое страшное — по дурости погиб старший брат бабушки, наследный льер, не успев жениться и родить детей. Решил погеройствовать и совершил безрассудную вылазку из неприступного замка в стан врага, где и схлопотал пулю в голову… И тут самое удивительное. Через несколько лет, после его смерти, когда уже все смирились, что род льеров Гвеневеров прекратил свое существование, на плече у бабушкиного старшего сына, а ему к этому времени уже стукнуло десять, начало проявляться изображение лера. Был грандиозный скандал, средний сын Гвеневеров рвал и метал, что обошли его, но король объявил это событие проявлением божественной воли, и тему закрыли. Тем более что это был его племянник. Видимо, боги благоволили к нашей семье и род продолжился.

Глава 5

Мои дни устаканились и приобрели приличный распорядок. Будили около девяти утра, приносили завтрак в постель, одевали, причесывали (примерно час сидела перед зеркалом слушая сплетни горничных), далее — вышивку в зубы и на уроки к братьям. Там до обеда познавательные лекции. Обед около часа дня. После обеда досуг — или носимся с мальчишками по замку, играя в ролевые игры (в основном в прятки), или читаем втроем литературу о ратных подвигах наших предков. Далее чай с пирожными в библиотеке. До ужина отдых.

После него несколько уроков танцев (для мальчиков, естественно, так как подразумевалось, что я-то танцевать уже умею) и примерка свадебного платья. После, я с книгами уползала в свою комнату и до зеленых чертиков в глазах читала и училась самостоятельно.

Меня немного попустило. Нервяк, трусивший пару дней после воскрешения у пруда и последующей помолвки, сменился более-менее привычным спокойствием. Может, этому способствовало отсутствие раздражителей в виде предков, или чудесное место моего обитания, или мое смирение с существующей ситуацией, а может вместе с переносом разума стирается не только память, но и эмоциональная составляющая души? По крайней мере, у меня попытались, хоть, видимо, и не до конца… Но через пару недель я стала почти своей в замке, и никто уже не удивлялся моим ночным посиделкам с книгой или несоблюдением этикета со слугами. Конечно, до сих пор вздрагивала, проходя мимо зеркала или ловя отражение в стекле, но постепенно привыкла и к своей кукольной внешности. А поначалу было довольно жутко. Очень похоже на раздвоение личности. Перед глазами еще стояла моя темноволосая курносая физиономия, а в зеркале отображается блондинистое голубоглазое чудо. Развлекалась наедине тем, что корчила перед зеркалом рожицы, делая из кукольного отражения то обиженную, то удивленную, то испуганную мордашку. Актриса из меня не ахти, поэтому я старалась запоминать мимику, положение бровей, прищур глаз, напряжение лицевых мышц, чтобы потом повторить это выражение перед кем-нибудь. После несметного количества тренировок перед зеркалом, пора было уже «тренироваться на кошках», то есть на людях.

Оказывается, корчить из себя глупенькую капризную дурочку не такая уж простая задача для взрослой женщины. Голова пухла от несоответствия формы содержанию. Хотелось нормально поговорить, обсудить интересующие темы хотя бы с тем же учителем географии и истории (приятный молодой человек оказался), но как представлю, как 16-летняя девица с репутацией пустой глупышки дискутирует о применении магии в сельском хозяйстве, мое желание испаряется как первый снег. Как-нибудь потом… на новом месте, я буду зарабатывать себе другую репутацию, тем паче, что нужно помнить о родителях… Какие они ни поверхностные, но могут здорово подгадить, если заподозрят, почему это вдруг Эльвиола столь кардинально поменяла поведение.

Сейчас мою эксцентричность слуги списывали на нервное потрясение и стресс. Если я не могла адекватно ответить на какой-то вопрос — топала ножкой и капризничала, все сразу забывали, что хотели, охали и жалели меня болезную, а братьев вообще всё устраивало, они даже не заметили разницы в поведении. По всей вероятности, ранее Эльвиола не радовала их своим высочайшим обществом.

Портниха, как и обещали, переехала с помощницами в замок, и осталась на все время пошива свадебного платья. Сие предприятие было в высшей мере

ответственное и долговременное. Женщину звали Ортензия. Милая, добрая, добропорядочная леди. Мне она сразу пришлась по душе, чем-то напомнив мою настоящую маму, оставшуюся в Москве, такая же воспитанная и тихая, не приемлющая грубости и ругательств. Лет около тридцати с хвостиком, ни детей, ни мужа. Всю жизнь проработала швеей, мечтая накопить денег на свое ателье, но пока смогла финансировать только небольшую каморку в соседнем провинциальном городке и пару девушек — помощниц. Но, бесспорно, уже себя успела зарекомендовать, так как маман поручила именно ей такое эпохальное дело, а может, сэкономить, решила.

— Нет! Никакого каркаса под свадебное платье я не одену! — топнула ногой и надула губы.

— Эльви, как можно! Сейчас пышные юбки в моде, — возражала Эмма удивленно (наверное, раньше Эльвиола ни разу не спорила с ней). — Это не прилично! Нас засмеют.

— Нет! Нет! Нет! Я не собираюсь грохнуться еще раз в обморок прямо в храме.

Ортензия с усмешкой наблюдала за нашей перепалкой. Пока мы определились только с цветом платья – оно по традиции будет белым.

— Твоя мать на счет платья дала строгие указания.

— Вот пусть она его и одевает, а еще бы за Ленара замуж вышла, я была бы в восторге!

— Эльви, ну что ты такое говоришь, — Эмма пошла на попятный, голос стал жалобный и заискивающий. Малейший намек на жениха сразу дает плоды.

В итоге договорились, что корсет все-таки придется оставить, а каркас под юбки заменить дополнительными двумя или тремя подъюбниками из плотной ткани, чтобы держали платье куполом и давали пышность. Я настояла на простом квадратном вырезе, не слишком глубоком (нечего показывать жениху лишнего), основная ткань — простой гладкий шелк, без оборок и рюшей. Милостиво разрешила небольшую вышивку по краю корсажа и внизу по подолу. Больше ничего. Эмма опять запричитала, что платье будет как у простой служанки, ни драгоценных камней, ни воланов, все засмеют и прочая-прочая, но портниха удивила, поддержала меня, сказав, что красоту сильнее подчеркивает простота. Вот интересно, к чему это она?

Я попросила Ортензию придумать что-нибудь с ворохом розового безобразия, висевшего в двух огромных шкафах у меня в комнате. Почему мне вдруг

разонравился розовый? — очередной каприз неуравновешенной невесты.

Забегая вперед, скажу, что некоторые платья после переделки даже можно было одеть. Мы выбрали самые приличные — пару розовых и пару голубых, отпороли оборки и срезали самые вычурные камни, убрали лишние юбки, и Ортензия уже сама изменила линию корсажа (я по-прежнему категорически не собиралась одевать под платья каркас), чтобы можно было просто носить с поясом. Получились вполне милые платьица. Заручившись моральной поддержкой портнихи, я повеселела. И даже привлекла к свадебным хлопотам горничную Мари, она из всех девушек, вертевшихся вокруг меня, показалась наиболее адекватной и разумной. Ни тебе бесконечных сплетен об окружающих мужчинах старше 15 и моложе 50, ни глупого восторгания моей неземной красотой, ни двуличного сочувствия по поводу предстоящей свадьбы я от нее, в отличие от многих других, не услышала. Девочка была покладистой и милой, жизнерадостной и веселой, дочь нашего главного лесничего. И пусть я тут на птичьих правах, но взяла под крыло и ее.

Неумолимо приближалось время Ч. От родителей было ни слуху, ни духу. Платье почти готово. Нервы более-менее приведены в порядок. После месяца ежедневных занятий и гор перечитанных книг, я чувствовала себя не в пример смелее и уверенней. По мне, так багаж знаний сейчас у меня даже больше, чем у Эльвиолы, прожившей в этом мире свои шестнадцать с половиной лет. Хромали у меня по-прежнему этикет и танцы (этикет, понятное дело, никто мне не преподавал, а танцы я видела только издали, наблюдая за братьями, сами фигуры я запомнила, а вот практики нет). Ну да ничего, всегда можно подвернуть ногу и постоять у стены, или пожаловаться на несварение желудка и посидеть на диете. Еще меня беспокоило то, что во всей библиотеке я не нашла ничего из законотворчества королевства. То ли мой папаня вообще не интересовался действующими законами, то ли эти книги были припрятаны в другом укромном месте.

— Мари, можно с тобой поговорить? — я дождалась, когда мы останемся один на один с горничной.

— Да, льера Эльвиола.

— Мне нужно тебя попросить об одной вещи. Ты ведь догадываешься, что я выхожу замуж не по своей воле? Это… трудно скрыть.

— Я что-то слышала об этом, льера, — девушка была на редкость корректна и вежлива.

— Так вот, я никогда не была с мужчиной и, право, мне неловко это говорить, но мне страшно… мама ничего мне не говорила об этой стороне супружества, и я…

— Льера, простите меня, я тоже девица, я ничего вам не смогу рассказать толкового, — Мари мучительно покраснела.

— Нет, ты меня не поняла, я не о том… мне не хотелось… В общем, дети пока меня пугают. Может, когда привыкну к мужу, пройдет несколько месяцев… Короче — есть ли какое-нибудь лекарство? Я же вижу, что Лилия постоянно меняет кавалеров, то она с конюхом шашни крутит, то с помощником повара… Может ты… мне не к кому больше обратиться, — я выдавила слезинку… черт, так жалко себя стало, сейчас реально заплачу.

— Конечно, я спрошу, льера. В деревне живет прекрасная знахарка, она поможет, не переживайте.

— Только никому ни слова, Мари, я могу на тебя положиться?

— Клянусь, я никому не скажу, спрошу для себя, она мне не откажет…

Забегая вперед, скажу, что Мари действительно принесла мне через два дня подозрительно пахнущую жидкость, и записку, как принимать. Жидкости было около литра и по рецептуре ее (принимая по столовой ложке раз в день, утром натощак) мне бы хватило на полгода… Пока достаточно, дальше будет видно. Бутыль я спрятала среди моих розовых платьев, надеюсь, никто не сунется. Свадебный подарочек женишку готов. Неизвестно, как пойдет дальше моя жизнь. Может удачный будет брак, может нет, но мне не хотелось бы отвечать в этом мире за благополучие еще одного человечка, кроме меня, маленького и беспомощного.

Глава 6

Первой прикатила мамаша. Через пару дней нарисовался и глава семейства. У меня вообще было такое стойкое чувство, что родители развлекались по одиночке, так как между ними, даже если очень сильно присмотреться, никакого взаимного чувства заметно не было, причем — ни ненависти, ни любви. Сплошной пофигизм. Хотя смотрелись они преотлично, когда оказывались на одной орбите, недалеко друг от друга — оба изумительные красавцы.

Когда маман увидела мое платье — ор стоял такой, что слышно, наверное, было в столице. Досталось всем, и Эмме (куда глядела) и Ортензии (ей больше всего), и мне, как инициатору этого безобразия. Так как в мои планы не входило что-то

в платье менять — в ответ она получила от меня истерику ничуть не хуже, в лучших традициях жанра — не зря же я тренировалась перед зеркалом месяц! Тут я припомнила все — и мое безрадостное одинокое детство, и монстра в качестве жениха, и мое нежелание жить, и безразличие матери, и продажу отцом за деньги. И под конец я разрыдалась так, что меня не могли успокоить всем миром. Маман даже просила прощения, Эмма плакала вместе со мной, даже Ортензия в сторонке тихонько всхлипывала, расчувствовавшись.

Платье оставили в покое. Тем более что времени всё равно что-то переделывать не было — свадьба через три дня. Родителей, наверное, немного помучила совесть, потому что приготовили мне сюрприз (типа приданого) — родовой замок Гвеневеров на севере отходит мне в персональную собственность (то есть на него не может претендовать мой муж, только дети). Полуразрушенная четырехтысячелетняя неприступная громадина, на кой он мне? Должен был быть этот, где мы сейчас живем, но я не в обиде, не зная, что будет со мной завтра, как можно планировать дальнейшую жизнь?

Я помнила свою «земную» свадьбу девятилетней давности. Правда сквозь пелену забытья все казалось, как-то смазано и как будто происходило не со мной. Но отголоски того события в памяти еще всплывали — приподнятое настроение, веселые хлопоты, беготня по магазинам, шуточные споры с мамой, и девичник, когда мы приползли с подругами под утро… Воспоминания были самые радостные и светлые. Моя вторая свадьба напоминала похороны. В доме установилась мрачная тяжелая атмосфера, на меня смотрели жалостливо и обреченно. Как будто действительно прощались навсегда. Возможно, у отца на старшую дочь были другие планы? Или он так ненавидел Ленара? Или просто считал этот мезальянс позором для семьи Гвеневеров? Но миллион золотых, обещанных за меня, пересиливал все. Кстати, Эмма, когда узнала, за сколько меня продали, потеряла дар речи надолго. Она проработала в семье двадцать лет и сейчас ей платили один золотой в месяц. Причем, остальным слугам (кухаркам, горничным, конюхам платили намного меньше). Не трудно было подсчитать, чтобы ей заработать миллион, нужно было трудиться более восьмидесяти тысяч лет… Сумма невообразимая. Я сделала несколько простеньких выводов: первое — Ленар очень богат (что, несомненно, хорошо), и второе — ему позарез нужен титул льера (так как я единственная титулованная этим титулом особа брачного возраста во всем королевстве, выбора у него не было никакого, поэтому такая цена).

Кстати, я как ищейка носилась месяц по библиотеке, пытаясь обнаружить хоть что-то о биографии будущего мужа — тщетно. Такое ощущение, что он появился ниоткуда и сразу стал богатым и известным, другом и будущим советником

короля. Может, действительно бастард? Но пока только одни догадки и предположения.

Ленар приехал рано утром в день свадьбы с небольшим отрядом военных. Охрана расположилась недалеко от замка, вблизи леса. Меня разбудила Мари, сказав, что пора завтракать и одеваться. У нас с ней за месяц установились достаточно приятельские отношения, чтобы на короткой ноге перебрасываться шутливыми репликами друг между другом.

— Молодая льера, пора вставать.

— Ну, Мари, еще чуточку…

— Ваш жених уже успел всех поднять на ноги и велел быстрее привести вас. Он очень спешит и рычит на всех, мы немного опасаемся.

«Немного, это слабо сказано, — подумала я, — скорее всего, все в ужасе разбежались по углам».

— Мари, может ты наденешь платье, и выйдешь замуж вместо меня, никто и не заметит.

— Вы все шутите, льера, — Мари не купилась на провокацию.

— Всё. Встаю… Эх, раньше встанешь — раньше выйдешь замуж, — пробормотала я.

Платье на мне выглядело шикарно. Я и раньше его примеряла, но только сейчас я поняла, что имела в виду Ортензия. Идеальная простота и элегантность. Тоненькая талия, перехвачена широким поясом, завязанным сзади пышным бантом, изящная вышивка на корсаже с крошечными вкраплениями бриллиантов. Огромная копна белокурых волос превратилась в высокую изысканную прическу, с локонами и короной на затылке. Сверху накинули кружевной палантин. Помня о моей «любви» к корсетам, Ортензия сделала его не жестким, а просто из плотной ткани со шнуровкой. Я засмотрелась в зеркало.

Это была не я — это принцесса из сказки. Если и теперь Ленар не обратит на меня внимания — буду знать с ним явно что-то не так… Эту девушку в зеркале просто нельзя игнорировать. Это как произведение искусства, которое не оставляет никого равнодушным. Мы уже собрались выходить, как прибежала запыхавшаяся Эмма и протянула длинную плоскую шкатулку со словами «подарок к свадьбе от жениха». В шкатулке оказалась парюра, состоящая из диадемы, пары колец, двух браслетов, серег, нескольких заколок для волос и колье. Не знаю, как назывались камни, но в своей жизни я не видела ничего

более великолепного. Полу задушенный вздох рядом стоящих «Это же голубые азаорские бриллианты, таких даже у льеры Виолетты нет» и все застыли в ступоре на пару минут.

Из всей парюры я одела диадему, серьги и колье, и то, мне показалось, что сверкаю, как лампочка Ильича, если бы одела все — мной можно было освещать улицы. Как оказалось, бриллианты идеально подошло к моим голубым глазам (или все-таки Ленар заметил их цвет в прошлый раз, или просто это самые дорогие камни в королевстве, что вернее).

Родители с женихом уже ждали в гостиной. Я спускалась по лестнице и гадала, если упаду, то кто в этом будет виноват. Взгляд, которым прожигал Ленар, можно было пощупать. Гробовое молчание, застывшие фигуры в центре комнаты, короткий хриплый вздох сквозь зубы — у меня мурашки по коже. Я смотрела исключительно в пол, иначе точно бы грохнулась. «Значит не все потеряно, его таки привлекают женщины», — усмехнулась про себя. Лестница закончилась, я подняла глаза и наткнулась на прежний ледяной ничего не выражающий взгляд.

В храм мы пошли пешком, с церемониями в этом мире не церемонились (простите за каламбур).

Свадьба почти ничем не отличалась от помолвки, только руки под водой нас заставили сцепить в замок. Добродушные и милостивые боги в этом мире. Я повторяла слова клятвы, и они эхом резонировали у меня внутри.

— Согласна ли ты…?

— Согласна…

— По своей ли ты воле….?

— По своей…

— Будешь ли ты всю жизнь…?

— Буду…

— Клянешься ли ты?…

— Клянусь…

Вода забурлила и потеплела, принимаю клятву. От моей руки по руке Ленара поползла голубая змейка. Он приспустил пиджак, закатал рукав рубашки — все увидели, как лоза доползла до локтя и начала свивать кольца. Все, титул льера

перешел к мужу.

Всю церемонию родители не проронили ни слова, маман не отрывала завистливый взгляд от колье (хана папаше, придется раскошеливаться). После выхода из храма с поздравлениями подошли Эмма, Ортензия и Мари.

Мои вещи были собраны еще вчера. Несколько платьев, драгоценности, белье, любимые книги, блокнот с записями (краткие выдержки из истории и экономики государства, где мой муж занимает высокий пост). Уместилось все в одном сундуке. На дне покоилась заветная бутылочка. Остальное должны были переправить телепортом позже. Я наскоро переоделась, свадебное платье запихнули в тот же сундук.

Так как наш замок построили на месте пересечения нескольких нитей, в доме располагались только пара шкатулок, большого портала вблизи не было, и в столицу Ленар решил ехать в карете.

Не знаю, было ли мне страшно покидать замок, где прожила последний месяц, буду ли я скучать по Эмме, Мари, Ортензии, братьям? Но знала верно — по родителям точно не буду! Ленар поторапливал, а я растерялась и разволновалась, как шестнадцатилетняя девушка, в первый раз покидая отчий дом. Еще немного и разрыдаюсь у всех на глазах.

Деревянные объятья от матери и отца, более искренние от Эммы. Шепнула Мари «я тебя вытащу отсюда и заберу себе». Улыбка Ортензии, поцелуй в щечки Диомирису и Эттаниэлю. Отдельный поклон дому — и я готова ехать.

Глава 7

Мы были в дороге уже несколько часов. Карета, как и все остальное, что окружало Ленара, была роскошна. Генетически улучшенные кони мчались со скоростью как бы ни восемьдесят-сто километров в час. Ровный тихий ход, небольшое покачивание, шикарная обивка внутри, удобные мягкие диванчики вместо сидений, откидной столик. Все уютно и комфортно. Мне уже надоело пялиться в окно (в первые часы я не отрываясь рассматривала окрестности — еще бы, в первый раз выехала из замка!), от мелькающих деревьев рябило в глазах. Муж, как только мы сели в карету и отбыли, сосредоточенно уткнулся в свои бумаги, принялся что-то там черкать и писать и за все время ни сказал ни слова. Ничего, мы сами все умеем. Пора брать инициативу в свои руки. Я устремила свой любопытный взор на Ленара.

В мужья мне достался хмурый некрасивый мужчина, к тому же не разговорчивый. Широкий лоб, тяжелый подбородок, крупный кривоватый нос, глубоко посаженные глаза. Из-под широких черных бровей иногда в мою сторону мелькал острый внимательный взгляд. Впивался как укус осы, так же резко и молниеносно. Но как только останавливался на моем розовом платье, сразу же спотыкался и обливал презрением… Как я уже поняла ранее, моя красота его не впечатлила, значит, как орудие влияния ее можно исключить из арсенала. Подобных мужчин не просто взять. Человек, достигший таких высот и заработавший столько денег, априори не может быть глупым и заурядным. На простое кокетство не купится. Значит, нужно придумывать другую стратегию.

Хотя, прежде может быть сначала разобраться, чего хочу я? Как оказалось, плыть по течению занятие неблагодарное… Хм… нейтральная светлая… Меня до сих пор мучает это определение. Я сразу поверила во все россказни о реинкарнации и перерождении. Мне дали второй шанс. И его нужно использовать по полной. А когда я опять встречусь в том золотом зале (а встречусь я обязательно, ведь жить вечно мне никто не даст), мне хотелось бы услышать что-то более определенное, чем «нейтральная».

И чтобы выбыть из скамейки запасных, нужно хоть раз повернуть против течения. Я задумалась. Что у меня есть на данный момент? Муж с непростым характером — 1 штука, титул, почти сравнимый с королевским (правда без денег) — 1 штука, мозги — 1 штука. Зря я, что ли, заканчивала на отлично школу и институт? Зря я, что ли, совершенствовала себя тоннами литературы и гигабайтами интернета? Зря я, что ли, ходила на лекции по проблемам общения и психологии успеха? Пора применять все это на практике. Не думаю, что в этом мире были Ницше и Фрейд.

Да, феминизм реально навредил нашим женщинам. Нам подавай свободу воли, высшее образование, престижную работу, самостоятельность и реализацию себя как личности. Здешние дамы даже слов таких не знают. «Вот бы нашим девушкам из двадцать первого века запретить разводы, — подумала я, веселясь». А то, надоел — развод, изменил — развод, забыл про подарок на день рождения — развод. Все проблемы в семье решаются быстро и кардинально. А здесь… один раз и на всю жизнь, тоска смертная. Или привыкнешь, притрешься, приспособишься и, возможно, полюбишь, или… А вот других вариантов то и нет (по крайней мере без радикальных мер).

— Через час будем проезжать Фазен, там в трактире и перекусим, — отвлек меня от дум Ленар, заметив, что я сижу уже полчаса, уткнувшись в одну точку.

— Хорошо, — ответила я. Нужно начинать разговаривать с мужем, но о чем с ним можно говорить не придумывалось никак.

— А что Вы постоянно пишете в блокноте? — решилась на разговор.

— Вам действительно интересно? — удивленно и как-то скептически произнес он.

Я кивнула.

— Завтра, как вы знаете, во дворце будет бал, вас представят ко двору, а меня — как главного советника короля, теперь уже преград нет, я льер. После бала состоится первое заседание совета. На котором я, уже официально, буду представлять интересы его величества, — похоже Ленар сам был рад отвлечься от писанины, я даже не ожидала такого распространенного ответа. Он откинулся на спинку и прикрыл устало глаза, — вот я и пишу черновик плана заседания, нужно убедить совет кое в чем…

— А в чем именно? — наглеть так наглеть, и видя, что он не спешит отвечать, добавила: — Что, государственная тайна?

— Ну, вряд ли вы поймете, да и не интересно, — опять глаза в блокнот, типа разговор окончен.

— Ну я бы могла помочь с планом, если бы знала, что нужно делать, — сказала я. Может получится наладить диалог, вдруг пригодятся мои учительские и институтские знания?

На меня посмотрели с таким удивлением, как будто его любимая лошадь пожелала доброго дня.

Ленар не расставался с блокнотом до Фазена. Наконец я увидела хоть что-то, кроме дома семьи Гвеневеров. Городок был глубоко провинциален. Небольшой, дома не выше двух–трёх этажей. Чистенько, аккуратненько, что в общем неудивительно, от столицы совсем недалеко. Мы пообедали в приличном кафе, для этого, правда, нашим охранникам, пришлось выставить на улицу всех находящихся там посетителей. Так что ели мы в полном одиночестве посреди огромной залы. Ленар опять закрылся непробиваемой броней, я что-то спросила пару раз о городе — проигнорировал. Ну что ж, тяжелый человек мне достался. Будем приспосабливаться.

И опять дорога. И опять скука смертная…

— Если вам скучно, можете поспать, ехать еще несколько часов, — соизволил пояснить муж. — Я буду работать и прошу мне не мешать, — поспешил добавить, видя, что я открыла рот и собираюсь заговорить.

Ну, уж нет. Еще никому не удавалось заткнуть рот Наталье Ворониной. Видишь во мне, дорогой, маленькую капризную приставучую дурочку? Не люблю не оправдывать ожидания.

— А где мы будем жить в столице, льер де Мирас? — капризным тоном поинтересовалась я

— У меня особняк в центре города.

— Ой, — радостно вскрикнула, — никогда не была в столице, там, наверное, так интересно! Балы, маскарады, поклонники! А мы будем развлекаться? Я так люблю развлекаться!

— Хм…

— А как выглядит король? Мне говорили — очень красивый мужчина. А я ни разу не видела моря. Кстати, его величество нашей семье дальний родственник. Представляете?!

Я перескакивала с темы на тему как воробей с ветки на ветку. Интересно, муж собирается поддерживать разговор?

— Что-то душновато, вы не находите. Может, откроете окно?

Ленар резким движением опустил створку в карете. В лицо полетела пыль, поднятая впереди скачущими всадниками, нашими телохранителями, к слову сказать их было около двадцати, почти взвод, все как на подбор два метра ростом, косая сажень в плечах и бандитские рожи.

— Фу, какая пыль, мое платье сейчас превратиться в пыльный мешок. А вы знаете, это самое любимое платье, правда, красивое? Хотя в дорогу я хотела одеть другое, ну знаете, с воланами такое… — я несла полную ахинею.

— Ах, что-то меня укачивает… попросите кучера не гнать так, ох я сейчас упаду в обморок… Ой, точно упаду!

Муженек что-то гаркнул кучеру. Карета остановилась. Ленар пробормотал, что остаток пути поедет верхом, кинул блокнот на сиденье и выскочил из кареты. Оставшиеся пару часов я ехала в абсолютном одиночестве, гадая, можно ли этот побег засчитать за победу… Я украдкой просмотрела записи в блокноте,

ужасный почерк мужа не дал мне насладиться шпионажем — неизвестные имена, непонятные значки… Что-то о кочевых племенах на севере страны, экономические выгоды, переселения… Ладно, потом разберемся…

Опять обдумывать стратегию и тактику не хотелось. И я просто расслабилась, бездумно смотря на несущийся за окном пейзаж.

Въехали в столицу мы вечером. Было слишком темно, чтобы рассмотреть окрестности, ехали мы быстро, без задержек, карету советника в столице знали хорошо — зеленый свет и никаких пробок. Почти полдня в дороге, я устала страшно. Хотелось только одного — ванну и спать.

В темноте дом, куда меня привезли, казался большой серой громадиной. Ворота распахнулись и мы вкатились во двор. Смутно запомнила десяток слуг, выстроившихся встречать хозяина на пороге. Меня представили и передали на руки пожилой низенькой женщине, экономке. Уставший мозг отказывался напрочь запоминать имена людей и расположение комнат. Мне помогли раздеться, помыться и уложили в постельку. Трудный и ужасный день закончился.

Проснулась я с хорошим настроением, полной сил и энергии. Комнату заливало утреннее солнце, вдалеке за окном уже шумел город, я огляделась. Хозяйская спальня, догадаться было не сложно. Богато, если не сказать вызывающе роскошно обставлена, три инкрустированные перламутром двери, одна из них, наверное, ведет в спальню Ленара (я была у родителей в хозяйской опочивальне и знала типичный интерьер). Остальные две вели в гардеробную и умывальню. Пока я плескалась на радостях в ванной (здесь, как и у нас в замке, был магический водопровод с горячей водой), в комнате уже нарисовались смутно знакомые лица горничных и вчерашней экономки. Да… Никакого сравнения с Эммой и Мари. Здесь вообще в доме улыбаются? Но ничто не могло испортить мне настроения, даже эти напряженные лица.

— Доброе утро, госпожа. Льер уже ждет вас в столовой за завтраком.

— Подождет. Я никуда не пойду, пока не оденусь и не причешусь, — топнула я ножкой.

— Рита быстро помоги льере Эльвиоле одеться.

Пока меня одевали в одно из привезенных платьев, я щебетала без остановки. Какая прекрасная погода, какое чудесное утро, какой красивый город за окном! Рита сначала косилась на меня удивленно, но потом включилась в мой монолог, периодически разбавляя его словами «конечно, льера», «я тоже так думаю,

льера», «вы правы, льера». И даже пару раз улыбнулась. Не Мари, конечно, но тоже не безнадежна, ей же на вид не многим больше, чем мне. Что за скорбный вид?

Спустилась я в столовую, когда Ленар уже в третий раз послал экономку за мной. И чего так нервничать — девушки могут себе позволить опоздать. Муж был одет в строгий темный сюртук наподобие военного, темные брюки, вообще выглядел мрачно и строго, как всегда.

— Доброе утро, льер де Мирас, — поздоровалась я мило, с улыбкой.

— Льера Эльвиолла, — сдержанно кивнул муж, — я уже позавтракал, не дождавшись вас. Мне нужно уходить на службу, поэтому буду краток. Я хотел перечислить вам ваши обязанности как хозяйки и моей жены. Пойдемте в библиотеку.

Опаньки! Один день замужем и уже обязанности нарисовались! Ну, пошли, послушаем, что, и кому я успела задолжать…

За мной закрыли дверь. Библиотека мне понравилась, большая светлая комната, с высокими окнами, правда большинство полок пустовало, зато здесь был чудесный уютный камин, перед ним лежала здоровенная шкура какого-то животного. Никак не меньше медведя (на глазок прикинула я), а то и больше. Меня усадили в кресло, и Ленар сел напротив.

— Прежде всего я хотел прояснить несколько моментов. Первое — дом в полном вашем распоряжении, слуг здесь достаточно, но если захотите нанять новых — милости прошу. Переставляйте, что хотите, меняйте интерьер, покупайте мебель, мне все равно, главное — не беспокойте меня.

— Второе, сегодня я отдам распоряжение придворному магу, он будет выдавать вам по десять золотых каждый день на мелкие расходы, деньги будут появляться у вас в шкатулке в спальне. Если нужно больше, скажите мне.

— Третье. Сегодня вечером будет бал во дворце, я заеду за вами около шести. У вас будет время подготовиться. Заранее предупреждаю — я не потерплю никаких истерик, жалоб, сплетен от вас. Надеюсь, я купил послушную и воспитанную жену? Умеющую не лезть не в свое дело и держать язык за зубами? Хотя, с вашим воспитанием…

— Если хотели купить любовь — купили бы лучше собаку, — пробормотала я задумчиво, переваривая все услышанное, — только собачью любовь можно купить за деньги…

— А кто вам сказал, что мне от вас нужна любовь? Мне был нужен титул, я его получил, любовь мне без надобности. Да, и последнее — родите наследника, дальше можете делать все, что угодно, но до этого — никаких любовников, зная вашу мать и отца, предупреждаю по-хорошему… Я могу быть очень убедительным.

Я чувствовала себя оплеванной. Радужное утреннее настроение испарилось. Хотя, что это я раскисла?

— Предубеждения делают людей слепыми и глухими, — я поднялась с кресла. — Вы меня совершенно не знаете, видите третий раз в жизни и смеете оскорблять? В таком случае я так же оставляю за собой право не выполнять ваши условия, — и с гордо поднятой головой выплыла из комнаты, оставляя за спиной удивленного мужа.

Хоть утро и не задалось, я решила не зацикливаться на плохом настроении. Да, сволочь у меня муж, ну и что? Повеситься теперь? Перевоспитаем. Не выйдет — найдем другого, главное — не опускать руки. Не дам его обидным словам запасть мне в душу и нагадить там.

Ленар сравнил меня с родителями? Ну и что? Это не мои настоящие родители. Муж сомневается в моей невинности и чистоплотности? Время покажет, кто прав, нужно только подождать, если не дурак — все увидит и поймет, а если дурак — скатертью дорога. Супруг думает, что все красивые женщины — капризные, взбалмошные кокетки? Скажем спасибо тем, кто формировал его мнение до меня, на их фоне я окажусь однозначно в выигрыше. Лер де Мирас слишком занят работой и у него не времени на жену — нужно сделать так, чтобы жена стала незаменимой.

Другой вопрос — нужно ли это мне? Хочу ли я стать важной для мужа? Я не люблю Ленара, и он не любит меня. Но чтобы разговаривать с мужчиной на равных нужно представлять из себя что-то стоящее. Сидя на попе ровно и живя на его деньги, я не смогу уж точно диктовать какие-либо условия. А для этого как минимум нужно быть мало-мальски финансово независимой, иметь поддержку друзей и что-то значить. То есть, говоря «по-нашему», кто владеет информацией, тот правит миром. С этого и начнем.

После завтрака я решала обследовать дом. Наши спальни с Ленаром находились в правом крыле, рядом пустовали еще несколько комнат скудно обставленных, планирует под детские? Наивный! Больше на втором этаже ничего интересного не было. На первом этаже библиотека (оставила плотное знакомство с книгами на потом), что-то типа зимнего сада и несколько комнат, запертых на ключ, одна

из них, наверное, кабинет мужа. В левом крыле обнаружила шесть гостевых спален (второй этаж), на первом же располагались комнаты для слуг и кухня. В центре дома большая светлая гостиная, столовая, какие-то хозяйственные комнаты (не разобралась). На чердак пока не лазила. Дом окружал вполне приличный ухоженный сад с мощеными дорожками (значит, имеется садовник), клумбами и беседками. Далее высокие ворота и забор в два человеческих роста. К заднему двору примыкал городской общественный парк (очаровательно!), а фасад дома выходил на одну из центральных улиц столицы. Сам дом был отлично обставлен (видимо, постарался дизайнер) или Ленар купил его уже готовым со всей обстановкой, что более вероятно. В доме находились постоянно кухарка, экономка, две горничные, несколько охранников (по слухам их было пятеро, но я ни одного не увидела — хорошо прятались). Садовник, как и конюх, были приходящими работниками, жили неподалеку.

Все это я выведала довольно быстро у таскавшейся за мной повсюду Риты. С домашними слугами я решила себя вести как наивная молодая жена, в меру капризная, в меру добродушная, в меру веселая и жизнерадостная. Я реально искренне ахала и охала, хлопала руками, когда видела что-то действительно замечательное. Например, зимний сад просто поразил мое воображение. Он был небольшой, но такой милый! Журчали маленькие фонтанчики, многообразие цветов и растений радовало глаз. Я плюхнулась на кушетку рядом с изумительным розовым кустом и вскричала: «Я буду здесь жить!» Рита испуганно покосилась на меня.

— Льера Эльвиола, здесь нельзя жить, здесь нет кровати и сыро.

— Рита! Какая ты скучная особа! Ты вообще шуток не понимаешь или притворяешься? Это — иносказательно.

— Не понимаю. Господин… нет, льер де Мирас вообще никогда не шутит. Все его приказы нужно исполнять сразу и беспрекословно.

— Ну, это же так скучно, беспрекословно, — я засмеялась, — расслабься, мы придумаем что-нибудь с приказами…

Бродила по дому я аж до обеда, и обедала в гордом одиночестве… Так-с, не прошло и суток семейной жизни, а муж уже норовит сбежать. А еще переживала насчет первой брачной ночи… «Видимо, зря», хихикнула я. Не то, чтобы я боялась этой стороны супружества. Семь лет брака, да и замуж за Сашу я выходила далеко не целомудренной. В эпоху интернета и всеобщей вседозволенности эта сторона вопроса тайной для меня не была уже с первых курсов института. Естественно, своих знаний и умений в первую же ночь

показывать я не собираюсь, но и падать в обморок от потери девственности не буду. Подождем первого шага от Ленара, а там посмотрим.

Поднявшись в спальню, обнаружила первую кучку золотых монет (количеством в десять штук) в резном деревянном ящичке, стоящим на будуарном столике. Мой телепортик был маленьким, где-то десять на пятнадцать сантиметров, в кабинете отца я видела ящик почти полуметровой длины. Наверное, там можно и небольшие посылки пересылать. Мне же — только монетки и письма. Еще дома я разобралась, как с ним обращаться, нужно было вложить в шкатулку послание, закрыть крышку и мысленно или в слух произнести имя получателя или представить его перед собой, сделав, как бы, мысленный посыл.

Я предполагала, что все люди в этом мире обладают силой повелевать энергетическими потоками, иначе, как бы они работали с этими волшебными предметами, созданными магами? Теми же телепортерами или освещением в комнатах? Даже простая служанка могла набрать в ванну воды или зажечь светильники. Маги только как бы «программировали» эти предметы, а люди управляли уже ими сами.

В первый же день я написала маман, что хотела бы забрать Мари к себе, но маманя оказалась поганкой еще той и потребовала замолвить словечко мужу, чтобы он ей выдал карт-бланш на покупку азаорских бриллиантов (оказывается мой благоверный имеет несколько рудников в провинции Азаор, где их и добывают). Я пообещала (а что делать?).

Из бальных платьев в нормальном состоянии было только свадебное. Его и решила надеть. Я в нем прекрасно выгляжу, не буду же выбрасывать платье, которое надевала всего на час? А потом я планировала переманить Ортензию в столицу и спонсировать ей открытие ателье (планы у меня были наполеоновские). А все дело в том, что я решила не забывать и не разбрасываться ценными людьми, людьми, которые могут стать впоследствии верными друзьями.

К шести я была уже готова. Рита оказалась не очень сильная в прическах, поэтому ограничились короной из кос с заколками из парюры. Долго думала, одевать весь гарнитур или нет, и решила одеть всё, кроме диадемы. Неизвестно, какие порядки во дворце, лучше пусть я буду чересчур вульгарной, чем простушкой (спишем на малолетство). Ленар заскочил на пару минут переодеться, с удивлением увидел меня уже готовую в гостиной и молча указал на выход. Из нашего дома до дворца было рукой подать. Когда мы уже подъезжали я высунулась из окна кареты и ахнула. Центральная улица упиралась в порт, а дальше простиралось огромное водное пространство —

море. Закат вычерчивал огненную дорожку прямо ко дворцу. Это было так захватывающе и чудесно, что я замерла с открытым ртом. Сам же дворец был вершиной архитектурной мысли, не знаю когда его построили, но что с помощью магии — точно. Располагался на высоком отвесном утесе, внизу плескалось море. Здание было поистине громадным, но из-за облицовки из светлого мрамора казалось воздушным и невесомым, и как будто парило над морем. Мы въехали во двор. Муж подал руку, и я оказалась на широкой дворцовой лестнице, в окружении стоявших на вытяжку охранников и испуганно отступившей назад яркой толпы благородных господ.

— Льера Эльвиола де Саро де Мирас и льер Ленар де Мирас, — прокричал распорядитель, и мы вошли в зал.

Я ни разу в своей жизни не была на настоящем балу. Студенческие сборища и новогодние корпоративы даже не стоит и сравнивать.

Трусила я порядочно, сначала я даже не разобрала с перепугу, где мы и что вокруг — все слилось в одну пеструю картинку. Муж шел рядом, как обычно хмурый и молчаливый, будто бал — последнее место на планете, где ему хотелось бы сейчас находиться, никакой поддержки с его стороны ожидать не приходилось. В зале наступила гробовая тишина, мы шли под прицелом сотен устремленных на нас глаз. Ленар, как будто он один в зале, ни на кого не обращая внимания, тащил меня под руку вперед, толпа расступилась, и я увидела впереди сидящего в кресле немолодого мужчину с тонким блестящим обручем на голове. Король. Естественно, красив, как и все льеры, но усталый взгляд, бледный вид портили все впечатление.

— Ваше величество, — коротко поклонился Ленар, — позвольте представить мою жену — льеру Эльвиолу де Мирас.

— Очень приятно, Ваше величество, — единственно, что у меня хорошо получалось — это реверансы.

— Наконец, Ленар, я могу поприветствовать тебя и твою супругу, — король поднялся, — Эльвиола, Вы еще более прекрасны, чем я представлял. Надеюсь, Вы будете частой гостьей во дворце и станете его украшением?

— Все зависит от мужа, Ваше величество, я полностью в его власти, — скромненько потупила глазки и перевела стрелки на Ленара.

— Ленар, ты же не станешь держать свою прекрасную жену взаперти дома? — король насмешливо прищурился.

— Конечно нет, льера Эльвиола вольна в своих передвижениях, — процедил муженек.

Ну, вот и замечательно! Что и требовалось получить. Король милашка, еще и вдовец, производит впечатление добродушного галантного кавалера. Иметь в друзьях монарха — дорогого стоит.

— Льера, Вы позволите, — король протянул мне руку, и я непроизвольно вложила свою ладошку.

Опаньки, вот подстава, ужаснулась, но было поздно. Меня вели на середину зала, монарх собирался открывать танцы. К Ленару подошел какой-то мужчина, он отвернулся и тут же забыл про меня, занявшись обсуждением чего-то важного. Я же попыталась воссоздать в памяти те па, которые показывали мне дома братья, чтобы не опозориться окончательно.

Как оказалось танцую я неплохо, природная грация и чувство ритма сделали свое дело, да и монарх оказался прекрасным кавалером, вел уверенно и четко, я что-то смущенно отвечала на его комплименты, взволнованно краснела, в общем вела себя как шестнадцатилетняя девушка, впервые попавшая на бал (по большому счету так и было).

— Эльвиола, можно я буду Вас так называть?

— Конечно, Ваше величество.

— Эльвиола, Вы же знаете, я вдовец, и место первой леди нашего королевства пустует уже довольно давно.

— Мне очень жаль, Ваше величество, — пролепетала смущенно.

— Я к чему веду. Вы жена моего первого советника, вечером на всеобщем Совете я, наконец, произведу назначение Ленара, теперь преград нет. Так вот, Вы будете исполнять обязанности Первой леди. И лучше, по-видимому, я бы не нашел кандидата.

— Но у меня нет опыта, Ваше величество, и мне всего шестнадцать, возможно найдется более правильная кандидатура на этот пост? — такие взлеты в карьере мне пока ни к чему.

— Опыт дело наживное, и вообще-то это был не вопрос… Вы будете прекрасной Первой леди.

— А кто же ранее исполнял ее обязанности?

— Моя мать, — усмехнулся он, — но не скажу, что она была в восторге.

«Неудивительно», — подумала я, но пришлось только склонить голову в согласии.

После окончания моей пытки, король бросил взгляд в сторону своего советника, увидел, что Ленар занят разговором и до нас ему дела нет, сказал:

— Дорогая льера, муж вам достался бесчувственный сухарь, позвольте я буду вашим сопровождающим на сегодняшний вечер.

— Конечно, Ваше величество, — с таким кавалером, как король, можно было не скромничать.

И взяв под руку, Реджинанд повел меня по периметру зала. После десятого знакомства все лица слились в одну красочную маску, уже на четвертом я забыла имена тех, кому меня предоставляли на первом. Я смущенно улыбалась, хлопала глазками, и мило краснела. Короче вела себя соотносимо с возрастом. Взгляды прожигали во мне дыры, оценивали, обшаривали и впивались как иголки. В основном смотрели жалостливо и сочувствующе (маман видимо постаралась всем сообщить, какой это страшный мезальянс для семьи), но были и завистливые, и испытывающие.

Следом долетали куски неразборчивого бормотания «А вы знаете, сколько он заплатил….?», «Бедная девочка упала в обморок прямо в храме и два дня не могла прийти в себя», «Говорили, что она собиралась повеситься..», «Да нет, утопиться», «Родители не отдавали ему, он пригрозил, что король…», «Да он же зверь, вы представляете как…». Понятно теперь, почему король находился неотлучно со мной, с таким телохранителем можно не бояться сплетен, по крайней мере, в лицо. Когда мы уже заканчивали обход, я зацепилась за выражение чистой и неприкрытой ненависти на лице очень красивой женщины. Первый день в городе и уже успела кому-то насолить? Вряд ли. Значит я лично я тут не причем. Или ненавидели Ленара или просто само мое существование. Еще не заведя себе друзей, врага уже приобрела.

В зале я не увидела ни одной некрасивой женщины, все как на подбор были писанными красавицами, а я тут переживала, что буду выделяться как белая ворона своей кукольной красотой. Король, когда я задала наивный вопрос: «Что, в высшем свете некрасивых людей нет вообще, я же видела на улице и слуги…?» — ответил, улыбнувшись: «Девочка, не некрасивых людей здесь нет, а бедных. Все эти так называемые «красавицы» на самом деле были рождены с вполне посредственными лицами, но деньги и власть делают еще и не то. Почти все в этом зале хоть раз прибегали к помощи магов по улучшению внешности, и тем

ценнее твоя красота — она природная».

Из всех знакомств, состоявшихся на балу, я хорошо запомнила митрисс Элеонору де Вивиен, жену главного казначея. Она одна смотрела на меня как на равного человека, без фальшивого сочувствия и жалости. Полноватая женщина, лет сорока с хвостиком, с горделивой осанкой, умным лицом и добрыми глазами. Вот с ней я не против завести более близкое знакомство.

Сделав круг почета и вернувшись в исходную позицию, король сел в свое кресло. На этом видимо, мои обязанности Первой леди подошли к концу (показалось необременительно). Подошел Ленар и предупредил, что домой я поеду одна, он сейчас на совет, вернется поздно. Проводив к карете и усадив на сиденье, муж загадочно попросил дождаться его и не ложиться спать. Неужто намекает на супружеский долг? Конечно-конечно, дорогой, дождусь, а как же.

И первое, что я сделала, приехав домой, предупредила горничных и Фамию (экономку), что я смертельно устала и прошу не беспокоить, так как ложусь спать. Естественно, я еще почитала в комнате до глубокой ночи, а когда услышала открывающиеся ворота, выключила свет и позволила себе крепко-крепко заснуть, да так, чтобы не проснуться, когда муж зайдет в комнату.

Глава 8

И началась семейная жизнь. Завтракали мы вместе, эти полчаса и были единственным за весь день совместным семейным времяпровождением. Так как потом муж укатывал во дворец и очень редко приезжал к ужину, про обед я вообще молчу. И даже эти полчаса наедине с Ленаром я умудрялась выводить его из себя.

— Доброе утро, льер де Мирас.

— Доброе утро, льера Эльвиола.

— Вы так часто бываете дома, что я просто не успеваю соскучиться.

— Я с удовольствием бы вообще не показывался здесь, у меня апартаменты во дворце.

— Было бы прекрасно! Не перегружайте себя так, зачем вам лишние поездки, охранников беспокоите, слуг опять же, без вас так спокойно и тихо в доме.

— Я бы с радостью, но нам все-таки иногда нужно встречаться, — холодно произнес Ленар,

— Это зачем же? — я насмешливо взглянула на мужа.

— Я еще не оставил мечту заиметь наследника, а вы, льера Эльвиола, похоже все силы бросили на избегание супружеских обязанностей. И вы очень изобретательны.

Это он, гад, намекает на позавчерашний случай. Приехал Ленар домой рано, видимо, серьезно настроился лишить меня невинности. Придумывать сложный фокус было лень и я, вспомнив студенческие действа, закрылась в ванной и вызвала пальцами у себя рвоту, после этого пооджималась немного от пола и вуаля — красное потное лицо, бледный болезненный вид, неприятный запах изо рта. «Наверное, что-то съела», — прохрипела я мужу, когда он вошел в спальню. Подняли на ноги горничных, кухарку, экономку (мне было так стыдно, я потом им подбросила в фартуки по золотому за обман). Меня уложили в постельку и вызвали врача. Врач диагностировал мышечное напряжение, учащенное сердцебиение, рвоту, правда, отравления в организме не обнаружил, списали на стресс, прописал покой пару дней. Дело замяли.

За неделю я умудрилась пару раз беспробудно заснуть, умаявшись бегая по городу, один раз у меня дико разболелась голова, еще раз приехала позже мужа смертельно уставшая, так как выполняла обязанности Первой леди (присутствовала на заседании благотворительного комитета плюс поздний ужин). На очереди последняя отмазка — женские недомогания (еще недельку). Далее придумаем.

Ленар пока на все это смотрел насмешливо и равнодушно (наверное, и самому не сильно хотелось долги отдавать). Но я не дура, понимала, что, если он твердо решит — никакие отговорки мне не помогут.

К концу недели ко мне приехала Мари, мы с ней до вечера проболтали о домашних. Братья по мне скучали, родители на радостях, что удачно «сбыли» дочурку отправились путешествовать (думаю в разные государства и на разные континенты), Эмма всё сокрушалась о моей судьбе. Для полного счастья не хватало только Ортензии. За неделю скопилось уже семьдесят золотых, пора ее вызывать.

— Дорогой, — муж с удивлением посмотрел на меня, такие нежности были мне не свойственны, — мы уже неделю как женаты, а подарков от вас я не видела. Я-то вообще не привередлива — даю вам свободу выбора — бриллианты, экипаж, пару-тройку орханских рысаков — выбирайте сами, можно даже деньгами, я не обижусь. Вот папа маме всегда…

— Я понял, — прервал Ленар, — как папа не обещаю, что-то не хочется через двадцать лет продавать детей богатым толстосумам (на себя намекает?). — Пару сотен хватит на рысаков?

Я прикинула цены в столице (за неделю я облазила с Ритой и охранниками все мало-мальски приличные рынки), должно хватить. Я-то планировала еще оставить деньги на ателье, поэтому придется сильно поднапрячься и торговаться.

— Думаю, смогу выкрутиться с этими копейками, — скорбно вздохнула и пробормотала, чтобы он расслышал: — какой скупой муж мне достался. — Ленар удивленно вытаращился, две сотни монет трудно было назвать скупостью даже королю.

Деньги переводили в шкатулку за несколько заходов, так как в нее помещалось только пятьдесят монет максимум. Этим же днем я приоделась (Мари с собой привезла еще несколько платьев, перешитых Ортензией), взяла Риту, Мари, пару охранников и «пошла на дело». Естественно, я не планировала держать в секрете что и почём купила, думаю, все мои перемещения были сразу же известны мужу, но некоторую сумму всё же смогу утаить.

Взяли наёмный экипаж, настроение было преотличное, я весело щебетала, Мари, уже привычная к моему характеру, смеялась вместе со мной. Рита пока осторожно держала дистанцию. Провели день мы очень плодотворно. Рита, как коренной житель знала всех приличных и неприличных торговцев. Я купила новенький небольшой фаэтон за десять золотых у молодого начинающего каретника. Неизвестный мастер, только что открывший мастерскую. Рита пыталась меня отговорить, намекая что есть более известные мастера, это типа не престижно. Но я никогда не гналась за известной маркой, считала бессмысленным переплачивать за Гуччи или Луи Виттон в три раза за бирку. Главное — качество и цена. Мастер, гордый тем, что льера выбрала его, дал мне хорошую скидку и рекомендацию по поводу лошадей. Я же пообещала замолвить словечко о нем своим знакомым. Расстались взаимно довольные друг другом. А через два часа я стала владелицей пары прекрасных жеребцов серой масти из Орхана, за них пришлось выложить уже сто. Генетически улучшенная порода — красивая серебристая шкурка, выносливые, умные, преданные как собаки, я читала об этой породе в еженедельнике… Торговалась я как будто это мои последние, кровно заработанные. Даже Мари и Рита смотрели на меня ошарашено (наверное, таким титулованным особам, как я, не пристало так выражаться). Конезаводчик изначально просил по восемьдесят за каждого. Я почти охрипла, доказывая, что таких прекрасных лошадей я никогда не видела, влюбилась в них с первого взгляда, и если он меня с ними разлучит, будет

повинен в моей смерти… Что мой муж скупердяй, каких свет не видывал, выдал мне всего сто монет, а я, бедная девочка, страшно хочу лошадок, цвет их шкурок подходит к моему любимому платью, что я уже и имена им подобрала: Бонни и Клайд и разлучать нас смерти подобно.

Все это разбавлялось кокетливыми взглядами из-под ресниц, заламыванием рук и балансированием на грани обморока. За следующий час я узнала биографию его самого, его детей и внуков, попила с ним чаю (местный напиток из смеси душистого разнотравья), похвалила печенье, которое печет жена, подарила вышитый платок внучке и заплела французскую косичку второй. Короче после всего этого его семья уже считала меня чуть ли не родственницей, и сказали, что сами отдадут мне лошадок и никакой дедушка им не указ. Так что вышла я из конюшни, ведя на поводу двух красавцев и отдав за них почти в два раза меньше, чем собиралась.

В тот же день я послала сообщение Ортензии, что жду ее в столице и что она может остановиться у меня, пока не найдет дом.

Утром за завтраком, Ленар смотрел на меня как-то по-особенному (наверняка ему рассказали о представлении, устроенном мной на рынке).

— Доброе утро, льера Эльвиола.

— Доброе утро, льер де Мирас.

— Немного паштета?

— Да, будьте так любезны, — улыбаемся…

— Давно не было вестей о ваших родителях. Надо полагать, деньги еще не закончились?

— Неужели вы в состоянии прикупить еще кого-то? Смотрите, а то разоритесь, — не пропустила шпильку я.

— Не переживайте за мои деньги, вам жизни не хватит их потратить, — сухо улыбнулся Ленар

— Это вы меня плохо знаете, хорошая женщина всегда может из миллиардера сделать миллионера.

Ленар задумался, наверное, прикидывал, во сколько миллионов оценивается его состояние и что ему (состоянию) угрожает.

— И вообще, вы бы поберегли себя, дорогой льер, выглядите уставшим, отдыхайте побольше, а то, глядя на вас, хочется пожелать еще раз здоровья, не хочу остаться молодой богатой вдовой раньше времени.

— А у вас острый язычок, даже не предполагал, что в молодой девушке может быть столько сарказма.

— Я вам уже говорила о вреде предрассудков, — тут же отбила подачу я.

Ленар действительно выглядел не очень. Круги под глазами, серый цвет лица, последние дни (после того как я сообщила, что у меня женские недомогания) приезжал глубокой ночью или вообще оставался ночевать во дворце. На лицо крайняя степень усталости. Его величество загонял. Мне даже стало жалко мужа. Все-таки неплохой мужик — денег дает, меня не трогает, почти не вижу, дом в полном моем распоряжении. Одни бонусы. Где я еще такого найду?

— Знаете, пока я вас не встретил, не знал, что красота и ум могут соединиться в одном человеке, тем более в женщине, — муж задумчиво рассматривал меня, как редкую бабочку, случайно залетевшую в окно.

— А я, глядя на вас, понимаю, что исключения бывают очень редко. Но огромное количество золота в ваших карманах, искупает ваши недостатки, льер.

— То есть вы никогда бы не смогли полюбить некрасивого мужчину?

— Так любовь же вам без надобности, — я процитировала его же слова недельной давности. Нет, конечно, если бы я влюбилась, то внешность для меня играла бы последнюю роль, но Ленару этого знать не обязательно.

— Понятно, это был риторический вопрос, — добавил равнодушно, — Я сегодня вернусь поздно, к нам прибыла делегация из Доминии, кстати, монарх настаивает на вашем присутствии на званом вечере, говорит, что вы редко радуете двор своим посещением. Я пришлю карету к шести, хотя… у вас же есть свой выезд. И я слышал, что вам удалось заиметь лучших лошадей в столице.

— Благодаря вашим деньгам, льер. Что бы я без них делала, — хмыкнула я.

— Тогда до вечера, — по-военному четко встал, коротко поклонился и вышел.

Я действительно редко посещала дворец, но у меня были более насущные проблемы — освоиться в столице, разузнать, где, что и почем, подыскать особняк в центре для Ортензии, распланировать расходы на открытие ателье, поэтому куча карточек, ежедневно появляющихся у нас в гостиной с приглашениями на музыкальные и танцевальные вечера, чаепития и в театры,

пока приходилось игнорировать. Хотя... всего вторая неделя пошла после моего приезда, еще успею. Я писала вежливые отказы каждому собственноручно (тратила на это по несколько часов в день вечерами), чтобы не показаться неблагодарной, ссылаясь то на мужа, то на плохое самочувствие (пусть думают, что хотят). Но вот приглашения монарха игнорировать чревато, поэтому ехать надо.

Привезенные Мари платья были чудесны, даже не думала, что из моих девичьих кринолинов можно будет сделать что-то путное. Еще раз мысленно сказала спасибо портнихе, у нее несомненный талант. Одела голубое, открытое, с обнаженными плечами (как раз все увидят мой лер, пусть завидуют). Накинула на плечи белый шелковый шарф - и я готова.

Когда я появилась в тронном зале, все были в сборе. Раздавая поклоны и улыбки направо и налево, я уверенно шла к трону. Супруга в ближайшем обозрении не видно. Глубокий реверанс, поклон.

— Ваше величество. Я бесконечно рада видеть вас.

— Льера Эльвиола, вы стали еще прекраснее с нашей последней встречи. Я даже немного завидую своему советнику, — все-таки красивый мужчина наш монарх. Что, в общем, не удивительно — льер все-таки.

И пошло-поехало. Опять круг почета, первый танец, знакомство с послами. Восхищенные взгляды, все украдкой косятся на мое предплечье. Я в некотором роде шокирую публику, нечасто можно увидеть лер. Клин клином вышибают. Мой скандальный торг на рынке, надеюсь, будет забыт. Я отошла в сторону от короля.

— Милая Эльвиола, льера Виолетта будет очень расстроена вашим поведением, — ко мне сразу же подошли две расфуфыренные дамочки.

— Каким именно, митрисс?

— Ну как же! Все только и обсуждают, как вы сами, торгуясь, делали покупки на рынке. Льере не пристало...

Я перебила.

— Митрисс, высокий титул льеры дает мне право делать все, что моей душе угодно, не взирая на правила, потому что правила я сама и устанавливаю. В этом же и смысл высокого положения — быть свободной от условностей, — я улыбнулась, видя, как ко мне хлопая в ладоши, подходит жена канцлера, Элеонора, по-моему.

— Браво! Золотые слова, Эльвиола. Вам же, Доминика и Атанас, этого не понять, вы никогда не будете льерами.

— Ты тоже, Элеонора, — прошипели те.

— Ну, я, по крайней мере, не учу девочку манерам и не критикую ее поведение. Пойдем, Эльвиола, я познакомлю тебя со своим мужем, вдруг пригодиться.

А ведь пригодиться же! Королевский казначей — птица высокого полета, почти как генеральный директор Нацбанка. Все финансы через него. Муж Элеоноры оказался крупным полным мужчиной за пятьдесят, с животиком и лысиной. Я тут же поинтересовалась, какие банки в столице наиболее надежны, и где можно безопасно хранить драгоценности, уж очень я за них переживаю. Мы увлеклись темой вкладывания лишних денег под проценты, канцлер в моем лице нашёл благодарного слушателя. Элеонора стояла рядом и с улыбкой наблюдала за нами.

— Ну, слава богу, нашлась достойная собеседница, а то я уже не могу слышать о котировках и стоимости металлов на черных рынках, — улыбнулась женщина.

— Элеонора, видишь, девочке интересно. Не знаю, откуда она в свои годы набралась таких знаний, но готов поверить, что кровь льер действительно творит чудеса и делает носителей уникальными людьми. Очень похожа на Ленара де Мираса. Тот тоже только о делах и говорит. Они подходят друг другу, ты не находишь? — Элеонора улыбнулась.

— Конечно, подходят, иначе и быть не могло, дорогой.

Я нахмурилась, это они о чем? Как я могу узнать, подхожу ли я мужу, если мы видимся только за завтраком и если не грыземся, то просто обмениваемся словесными шпильками.

— Я покидаю вас, мне необходимо переговорить с мужем, — вообще то я собралась в дамскую комнату, но им знать об этом не обязательно.

На обратном пути, уже входя в зал, я краем уха уловила знакомый голос. Ленар стоял с монархом за колонной, и они приглушенно разговаривали. Я спряталась за портьеру.

— ….Я знаю.

— Так поторопись, у нас не так много времени возможно осталось, — это король, — каждый месяц на счету.

— Реджинанд, я и так как уж на сковородке, Ираида вообще стала неуправляемой после свадьбы, тут ты еще.

— Твоя Ираида прекрасно знала, что женой советника ей не быть хотя бы потому, что ты бы не стал им без титула льера.

— Я ей об этом сто раз говорил, но ты же знаешь женщин.

— А мне твоя жена понравилась. Зная Гвеневеров, я уже боялся предположить, какой может у таких родителей родиться дочь. Но она прелесть.

— Я сам удивлен не меньше тебя. Если бы не лер на предплечье, подумал бы — не родня.

— Короче, не затягивай с наследником. Сначала ребенок, а там делай что угодно, можешь в хоть в Азаор отослать, там приличный замок, тихо, спокойно, и сиди тут со своей Ираидой.

— Да, ты прав, запру в поместье, родит, а там посмотрим.

Тут короля позвали в зал, и друзья разошлись. Так… теперь мне нужно крепко поразмыслить. Ну, основную мысль я уловила, наследник значит от меня нужен. Осталось понять, причем тут король? Ведь у короля есть сын, на год младше меня, красивый молодой парень, правда я видела его только издали, но кровь льеров трудно не заметить. Второе — муж меня собирается в поместье запереть. Интересно, как ему это удастся?

А я только-только начала находить удовольствие в совместных пикировках за завтраком. Ленар стал частенько задерживаться дома по утрам, каждый день на пару минут дольше. Мы разговаривали почти уже по-дружески. Я нередко ловила на себе оценивающие то мимолетные, то пристальные взгляды, иногда достаточно откровенные и горячие. Навоображала, что муж, в принципе, не так уж и плох — и тут некая Ираида! Я ни сном не духом, обустраиваюсь, лошадок покупаю, ателье планирую открыть, а на моё место метят какие-то авантюристки. Может, он с ней живет уже десять лет, может, у них пятеро детей и собака — несправедливо это! Я твердо решила еще в молодости — в данный момент времени должен быть один мужчина, хочешь завести другого — расстанься с предыдущим. И никогда в своей жизни принципам не изменяла.

Я слышала, что у мужчин все по-другому, ну что же, им же хуже. А… наличие любовницы в некотором роде лестно характеризует мужа, значит, ничто человеческое ему не чуждо, не такой уж он бездушный и каменный, каким кажется. Наоборот, ее отсутствие стало бы подозрительным штрихом в

характере. «Так что положительные моменты присутствуют», — приободрилась я.

На следующее утро.

— Доброе утро, льера Эльвиола.

— Доброе утро, льер де Мирас.

— Как спалось, льера? Голова не болела? Кошмары не мучили? Не тошнит? Выглядите не очень, — насмешливо поинтересовался муж.

— Если хотите увидеть действительно человека, выглядящего «не очень» — посмотрите в зеркало, — злобно прошипела я.

Настроение было с утра паршивым. Сначала я полночи размышляла о подслушанном разговоре, перебирала и тасовала слова, додумывала скрытый смысл и в итоге оставила эту затею, маловато исходных данных. Потом (если уж все равно не сплю) решила набросать план по зарабатыванию денег здесь в столице (несколько перспективных авантюр пришли в голову), потом, уже ближе к утру проголодалась (само собой, так как на часах было около четырех) и пошла в кухню на поиски еды.

Откуда мне было знать, как на кухне включается свет. Я пошарила по полкам (авось найду печенюшку или сухарик) и, естественно, зацепила какую то плошку то ли с маслом, то ли с уксусом (как оказалось впоследствии, это была краска для волос, которую спрятала кухарка и завтра собиралась намазать волосы — потом она объяснила, что краска должна настаиваться несколько часов). Эта жидкость вылилась на меня сверху, потом шлепнулась какая-то миска, ну а дальше, разумеется, на грохот стали сбегаться слуги. Когда меня окрашенную в фиолетовый цвет увидела Рита, она натурально хлопнулась в обморок. Ленар пришел на кухню, когда меня уже ощупали и уверились, что я цела и невредима, только немного покрашена. Этот гад обидно насмехался и сказал, что я раскрасила ему утро. Вот прямо буквально.

Меня отмыли, правда лицо и волосы приобрели немного голубоватый оттенок, но вызванный доктор сказал, что через несколько омовений краска сойдет и дал какой-то порошок специальный, типа мыльного… Теперь я сидела за завтраком и дулась, как мышь на крупу.

— А вы, льера, даже стали лучше выглядеть, вам этот цвет к лицу, может запатентовать его как косметическое средство? — не унимался Ленар.

— Всё для вас стараюсь, дорогой муж, — буркнула я, — Что бы рядом с вами не сильно выделяться. Не боитесь, что вокруг начнут говорить, что вы предпочитаете малолеток — уж слишком видна разница в возрасте, — так хотелось сказать что-то действительно обидное, но голова с утра плохо соображала.

— Не боюсь. Про меня и похуже вещи говорили, — муж небрежно расправлялся с овощным рагу, на лице невозмутимость и спокойствие.

— И какие же, интересно? — я хмуро посмотрела на Ленара.

— Половину, думаю, вам уже рассказали, остальную сами додумаете. Вы девушка умная, разберетесь, чему верить.

— Кстати, если уж вы признали за мной такие заслуги, как наличие ума, может скажете мне, кто у вас ведет дела, занимается финансовыми документами?

— Вы хотите знать, чем я владею и сколько у меня денег? — впервые в голосе я услышала некоторую заинтересованность.

— Ну, в общем не против, всегда полезно знать, сколько денег можно потратить, но я не о том. Я бы хотела заняться чем-нибудь интересным и полезным. Нет-нет, — я вскинула руки, видя, что он мне хочет что-то гаденькое предложить, — вышивка и рукоделие не подходят.

— Даже не знаю. На меня работает целый штат финансистов, управляющих, и два мага, так что вам особо делать нечего. Извините, но я не вполне доверяю шестнадцатилетним красавицам.

— Даже если они являются вашими женами?

— Тем более. Но не переживайте, я что-нибудь придумаю. Необременительное, — хмыкнул муж.

— Уж придумайте, а то скучающая женщина может многое натворить…

До вечера сидела дома и тщательно скрабила лицо и раза три вымыла волосы. Наконец, цвет мордашки стал сливочно-белым. Вечером опять придется идти на званый ужин во дворец (продолжались празднества по поводу приезда делегации). Эх, вот теперь я и поняла, что маловато у меня выходных платьев, скорее бы уже приехала Ортензия. Нацепила более-менее приличное, светло-розового цвета и велела запрягать.

Ужин прошел достаточно неплохо. Я сидела по правую руку от короля, рядом слева глава делегации — меттер Карвиус, за ним все остальные представители Доминии, напротив меня находился Ленар и далее все по старшинству. Ела я мало, в основном только то, с чем была хорошо знакома. Пила и того меньше, ибо не знала, как на организм Эльвиолы подействует алкоголь (кстати, надо будет дома проверить и наклюкаться под присмотром Мари).

Король с Ленаром обсуждали политику и экономические выгоды от заключенных соглашений, я же потеряла нить разговора где-то на второй странице контракта. Следующий час просто глупо улыбалась и принимала цветистые комплименты от сидящего рядом Карвиуса. Первый танец, естественно, был отдан ему же (пришлось пообещать еще за ужином). Ели вытерпела положенные десять минут, слушая пошлые любезности и оды моей красоте. Надоело.

С огромной радостью заметила в толпе чету Вивиен, казначея и Элеонору. Быстренько пробралась к ним и вцепилась как репей. Пока мы обсуждали возможность ссуды денег под проценты, к нам подошел Ленар. Послушав несколько минут разговор, муж попросил прощения перед Вивиенами и потащил меня в сторону.

— Заводите полезные знакомства, льера? Вы время зря не теряете, — прошипел сквозь зубы. Муж был зол и чем-то расстроен.

— Что-то случилось? — я заволновалась.

— Мне нужно срочно уехать. Только что прибыл гонец. На юге опять нестабильная обстановка, стягиваются войска со стороны Остры. Уже третий раз за последний год. Король посылает меня разобраться, как второе лицо страны я имею право заключать любые договоры.

— Это опасно?

— Неужели вы не хотите остаться молодой богатой вдовой? — поддел Ленар.

— Ну не так же скоро после свадьбы, это будет просто неприлично с вашей стороны, какие обо мне слухи пойдут? Подождите пару-тройку лет и умирайте на здоровье.

— Постараюсь не причинять вам беспокойств своей смертью. Я уже дал соответствующие распоряжения, деньги вам будут поступать регулярно. Не забывайте брать охранников с собой, куда бы вы ни шли. Я нанял еще двоих. Поеду прямо из дворца, поэтому домой заезжать не буду, и вы не задерживайтесь здесь. Рассчитываю на ваше благоразумие. Прощайте.

— Прощайте… — прошептала растерянно я.

Ленар вышел из зала через неприметную боковую дверь, задержавшись только возле короля. Пару тихих фраз - и след мужа простыл. Я была немного в шоке. Одно дело выпендриваться, чувствуя за спиной поддержку супруга, другое остаться одной в незнакомом городе.

Спокойно, Эльвиола, я не дала панике даже крошечного шанса. У тебя есть дом, деньги, Мари, скоро прибывает Ортензия. Король благоволит тебе. Ты же сама этого хотела, да и дамоклов меч супружеского долга отодвигается на неопределенный срок. Одни плюсы.

Я подошла к королю.

— Ваше величество, а надолго уехал Ленар?

— Будем надеяться, что ситуация разрешиться в кратчайший срок. Эта Остра давно уже в печенках сидит. За год три прорыва границы, в прошлый раз напали на провинцию Сумрань. Но вас, льера, это не должно тревожить. Ваш муж прекрасно умеет улаживать конфликты. Мне даже кажется, что воюет он лучше, чем заседает в кабинетах.

— Так он еще и воюет?

— А вы не знали? До назначения главным советником, Ленар был командующим армией. Ваш муж стал генералом в двадцать семь, как раз на войне с этой ненавистной Острой. Вы многого не знаете о своем муже, — попенял король.

— Он не спешит мне рассказывать о себе, Ваше величество. Я уже вам не нужна? Можно мне покинуть дворец?

— Льера Эльвиола, я думал, что, наоборот, вы теперь задержитесь подольше, мужа-то рядом нет.

— Я привыкла в поместье рано ложиться спать, Ваше величество.

Тут возле боковой двери раздался шум, я невольно обернулась и увидела, как в зал стремительным шагом вошел молодой мужчина. Спортивная фигура атлета, широкие плечи, темные волосы, живой умный взгляд, мужественный подбородок с ямочкой. Таких в моем мире Светка называла «очаровательными проходимцами».

— Дядюшка Реджи! Давно не виделись! Вы и не предупреждали, что у вас новая фаворитка, — пронизывающий оценивающий взгляд прошелся по мне от

макушки до пяток.

— Мне очень жаль, но ты ошибаешься! Дорогая Эльвиола, этот шалопай — мой племянник, кстати, единственный. Рихард, это льера Эльвиолла де Гвеневера де Саро де Мирас, жена моего главного советника.

Взгляд немного изменился, стал колючим и внимательным. Я тоже не опускала глаза. Уже открыв рот для шаблонного комплимента, Рихард вдруг кардинально поменял намерения, сдержанно поклонился и просто сказал:

— Я искренне восхищен.

Умный малый. Просёк сразу, что выдать банальную любезность — показать себя заурядным хлыщем. То ли прочитал в моих глазах наличие интеллекта, то ли еще что-то, но среагировал быстро.

— Порадуете меня, льера, согласившись на танец? — Рихард протянул руку.

— Эльвиола, не слушайте этого проходимца, Рихард известный ловелас, — шутливо предостерег монарх, но глаза оставались серьезные. Он что, действительно думает, что меня так просто можно окрутить? Хотя… мне же всего шестнадцать…

— Постараюсь запомнить, Ваше величество, — вежливо ответила монарху, протягивая руку Рихарду.

Танцевали мы молча. Я уже давно выучила все па, чтобы не задумываться о следующем движении, делала это легко и непринужденно, поэтому просто с удовольствием рассматривала своего партнера. Красив как бог. Его обаяние можно было пощупать. Именно такие мне всегда и нравились, за одного такого в прошлой жизни я и вышла замуж. На вид лет двадцать пять, не больше. Похоже, действительно гроза сердец всех девушек в округе, вон как нас прожигают взглядами. Кружа меня в танце, Рихард держал паузу. Думает, что может меня смутить? Вогнать в краску? Милый мой, я все это проходила уже давно, и сама могу держать ее сколько угодно. С легкой полуулыбкой я пристально смотрела в его глаза. Уже заканчивая танец, он вдруг сказал:

— Льера Эльвиола, вы знаете, какое самое страшное разочарование в жизни?

— Какое же? — с улыбкой отозвалась я.

— Утраченные возможности, — серьезно произнес Рихард.

— И что же вы утратили?

— Я утратил вас.

Я аж споткнулась от неожиданности. Видя мою ошарашенную физиономию, добавил.

— Я утратил возможность быть с вами, возможность любить вас.

— Простите, но вы меня поставили в тупик своим заявлением, я не понимаю…

— Льера, это я должен был вести вас к алтарю, это вы меня должны были называть суженным, это вас я должен был ввести хозяйкой в мой дом.

— Если у вас такая стратегия завоевания женщин, мет Рихард, то… — я перешла на официальный тон и остановилась.

— Нет, не обижайтесь, я ошарашен не меньше. Не думал, что почувствую такую потерю, увидев вас. Позвольте, я все объясню.

Оказывается, это с Рихардом мой отец договорился о помолвке, но так как сезон охоты открывался, когда невесте исполняется шестнадцать, Рихард, заручившись поддержкой льера Гвеневера решил не торопить события и (по его словам) за это поплатился.

— Надо было не ждать вашего шестнадцатилетия, а подписывать предварительный договор. Но кто же знал, что король вмешается. На тот момент я был самым завидным женихом во всем королевстве. Ведь мой и ваш отец давние друзья, на словах все было оговорено, но по документам…

Я молчала. Что я могла ответить? Я знала, что кто-то был до Ленара и что отец был страшно расстроен. Но все это происходило до того, как я появилась в этом мире, и в целом, на данный момент, мне было всё равно — Ленар или этот красавчик. Муж был спокойным, щедрым, не приставучим и необременительным. Сам очень занятой, он не обращал внимания на мои выходки, беготню по рынкам, дружбу с торговцами и горничными. Так что еще не факт, что с Рихардом было бы так же комфортно. Но все же, какой красавчик! Впервые за все время нахождения в этом мире, сердце у меня билось быстрее и так захотелось поцелуев!

— О, как я вижу, вы не скучаете одна? Только муж за порог, вы сразу нашли замену, — ко мне с ухмылкой приблизилась та самая женщина, запомнившаяся неприкрытой ненавистью во взгляде.

— Простите, забыла, как Вас зовут, напомните, будьте так любезны. Не люблю разговаривать с незнакомцами, — улыбнулась я.

— Ираида де Люция. Такая молодая и уже проблемы с памятью? — каждое слово было наполнено ядом до краев.

— Нет, митрисс, наверное, я посчитала Ваше имя недостаточно важным, вот и не запомнила, и ответ на ваш вопрос — да, я не скучаю.

Вот значит ты какая, любовница моего мужа! Я с милой (почти искренней) улыбкой рассматривала женщину. Старше меня, но не на много, не первой молодости, возможно лет 25. Красива, как и все женщины в высшем свете (я пока не могу на глаз определить, природная это красота или магически улучшенная). Но небольшой диссонанс в чертах все-таки присутствовал, так как бы в прекрасную мелодию вкралась одна неправильная нота. Что-то было неестественно. Если взять по отдельности, то все черты лица были идеальны, но вместе… А может, мне просто хотелось, чтобы это было так, и я пристрастна.

— То есть вы не боитесь, что ваш муж узнает, чем вы тут занимаетесь? — не унималась она.

— А чем я тут занимаюсь? — ответила я вопросом на вопрос. И с усмешкой обвела зал глазами, — здесь все занимаются тем же. Вы обо всех в этом зале будете моему мужу докладывать?

Не люблю оправдываться, особенно если не в чем.

— Я ответила на ваш вопрос, митрисс? — если она думала легко смутить и вогнать в краску молодую наивную девушку, какой считала меня, то жестоко ошиблась. Так как я, увы, совсем не молодая и совершенно не наивная…

— Меня зовут Ираида, если вы опять забыли, — прошипела женщина.

— Ну что Вы, меня учили уважительно относиться к старшим, митрисс де Люция и, кстати, вам доплачивает Ленар за кляузы… или вы работаете за идею?

Если взгляд мог бы убивать — валялась бы уже трупом посреди залы. Все это время Рихард молча слушал нашу пикировку и когда взбешенная Ираида удалилась, произнес:

— А вы страшная женщина, льера. Даже не догадался бы, что под такой очаровательной невинной внешностью скрывается достойный соперник. Вы, наверное, догадываетесь, кем приходится вашему мужу Ираида?

— Нет, и кем же? Сестрой? Тетушкой?

Рихард рассмеялся.

— И почему она вас не любит, тоже не догадываетесь?

— Странно, я такая умница и красавица, как меня можно не любить? — улыбнулась я.

Но довольно на сегодня. Что-то я разошлась. Настроение было преотличным, выигранная победа в споре, красивый молодой человек, смотрящий на тебя с восхищением. Кружило голову преклонение. Чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость, я быстренько упорхнула домой. Нужно было многое обдумать, дурманило, как от бокала шампанского, хотелось петь и танцевать. Если на меня так подействовали пару комплиментов от красивого молодого мужчины, я боюсь предположить, что будет дальше.

Глава 9

А дальше началась осада. По всем правилам стратегии и тактики. Каждое утро — или небольшой букетик цветов, или корзинка с фруктами, или коробка с воздушными пирожными, или еще что. Ничего дорогого или вычурного, все как будто бы невинно и просто. К каждому презенту маленькая записка «Доброе утро», или «Приятного дня», или «Я думаю о вас», или «Посмотрите на небо, солнце сегодня светит только вам». Если даже у меня иногда сердце стучало чаще и на губах расцветала улыбка, то у шестнадцатилетней девушки, какой была Эльвиола, не было ни единого шанса выдержать эту осаду.

Мари с улыбкой украдкой наблюдала, как я принимаю подарки, Рита хмурилась, а я… Мне было интересно — какова цель всего этого? Цель должна, просто обязана быть. Я никогда не поверю, что после получаса разговора и одного танца, Рихард страстно влюбился в меня, наплевав на субординацию и угрозу (не шуточную) со стороны главного советника (а это второй по влиянию человек в королевстве после монарха). Мужем моим ему не быть, любовник?.. Зачем?.. Разозлить Ленара? Досадить ему?.. Я боюсь представить, каков мой муж может быть в гневе. Он похож на флегматичного, спокойного буйвола, но, если разозлить — сметет все на своем пути.

Пока на ум приходила только игра. Может, Рихарду захотелось просто поиграть во влюбленность? Ему просто скучно? Ну что же, я включусь в игру, мне тоже интересно. Главное не заиграться.

Я стала мельком видеть его на улице, гуляя или прохаживаясь по магазинам. На музыкальных вечерах он тоже случайно оказывался рядом, садился всегда сзади и немного сбоку и просто смотрел на меня. Он даже стал пробираться на заседания комитета по благотворительности (это при том, что не всем женам

удавалось привлечь своих мужей к этому богоугодному делу). Вносил вклад сироткам и невозмутимо сидел молчаливый и спокойный. Я понимала, что меня заманивают в сети, расставляя флажки, окружали, не давая ни щелочки выхода. Он не разговаривал со мной, не дотрагивался до меня. Но везде, где бы я не появилась, я чувствовала его пристальный взгляд. Не скажу, чтобы это меня сильно беспокоило, но сердечко билось чаще и иногда в голову лезли совсем фривольные мысли.

Отвлек приезд Ортензии. Я была действительно очень рада видеть ее. Уговорила она переехать в столицу искать лучшей доли и двух своих помощниц. Пока я разместила всех в гостевых комнатах, не обращая внимания на поджатые губы и фырканье экономки (это мой дом или нет?). С собой ей пришлось взять и рабочие портновские инструменты, отрезы ткани, разнообразные приспособления, короче, вышла почти телега барахла (потому и ехала так долго). Вечером я пригласила Ортензию и Мари (как двух «моих» людей) в библиотеку, нужно было обсудить стратегию. Денег я успела скопить почти 300 золотых. Это была огромная сумма.

— В первую очередь нужно будет снять особняк в столице.

Несколько вариантов мне подбросила Рита, несколько я нашла сама с помощью жены дядюшки Соля (рекламу я ему сделала преотличную, везде расписывая и расхваливая тех прекрасных рысаков, купленных у него). Значит, Ортензия с девчонками пойдут смотреть помещения. Я планировала на первом этаже сделать магазин и примерочную. В витрине можно будет выставить манекены в платьях (по аналогии с торговыми центрами у нас). На втором этаже комнаты с вышивальщицами и портнихами. Жить можно на третьем или в пристройке (смотря какой дом снимем).

— Во-вторых — закупить материал, нитки, пуговицы и прочее, список на вас, Ортензия. Набросаете до завтра все, что нужно.

— Эльви, у меня уже есть заготовки, пока ехала размышляла, вот, держите, — она протянула исписанную бумагу.

— Мари, тебе тогда задание. Возьмешь мой экипаж и одного охранника и со списком на рынок. Хотя… лучше бы эти занялась Ортензия, она-то разбирается в тканях.

— Да, поменяемся. Дом подберете без меня. Главные требования я написала, — вклинилась женщина.

— Третье, нужны еще портнихи. Дадим объявление в еженедельник, что набираем персонал, только вот не хочу, чтобы на собеседование приходили сюда — экономка наябедничает Ленару, придется быстрее с особняком решать. Значит завтра — все силы на поиск жилья, девочки.

— Эльви, зачем вам всё это? — тихо спросила Ортензия. Мари вопросительно посмотрела на меня, — У вас же все есть. Деньги, титул, власть.

— Хм, — я на мгновение задумалась, — знаете, не могу вам сказать откуда, но я поняла одну вещь — тебя уважают только тогда, когда ты себя уважаешь сама. А пока я буду зависимой от денег и благосостояния мужа, я себя уважать не смогу. Может, мы и не заработаем много денег, но те, которые сможем, позволят мне говорить с ним на равных. О, девочки! У меня еще много планов!

— Каких, Эльви? — вскрикнула Мари, — расскажите!

— Я хочу выпускать журнал. Только для женщин. Что-то типа столичного еженедельника, что выходит у нас, но с чисто женской тематикой (а уж тем я подберу на два года вперед — в свое время я их столько перечитала!).

— Так это же так сложно, я знаю, что с еженедельником маги работают, нужно же его копировать на много копий… Это же и нам придется нанять мага, — ошарашенно пробормотала Ортензия.

— Ничего невозможного нет. За деньги достижимо все, уж поверьте! А потом, как заработаем репутацию, можно будет печатать там изображение модных платьев, белья — вот и реклама для ателье.

— А о чем мы будем там писать?

— Для начала пока буду писать я, по крайней мере, записывать идеи. Вот несколько — я процитировала несколько заголовков из Космо «Друг или большее?», «Красота и здоровье — как стать привлекательной, не прибегая к услугам магов», «Диеты или как держать себя в форме», «Как воскресить угасшие чувства, если супруг охладел к вам» и многое-многое другое… А потом наймем кого-нибудь, а, кстати, Мари, как ты смотришь, чтобы пока записывать за мной?

— Могу, льера Эльвиола. Я хорошо училась писанию.

— Замечательно! Потом я научу тебя, как придумывать горячие новости.

— А вы стали другой, льера, — произнесла Ортензия, — той девочки, которую я знала месяц назад, больше нет. Неужели так замужество влияет на характер?

— Еще как! Всем советую! — засмеялась я. На этой радостной ноте мы пошли спать.

Утром я попросила Ортензию сшить мне несколько платьев. Пора обновлять гардероб, а то я и так задержалась с пошивом туалетов. Давно уже набросала модели в блокноте, просто не было кому отдать. Рисовала я посредственно, но тем не менее, вышло неплохо. Сказались полгода обучения рисованию. Да и модные журналы, интернет развили мою фантазию прилично. Портниха была поражена. Пора избавляться от фижм и кринолинов. Даешь ампир и мои любимые узкие юбки! Цвета я выбрала приглушенные (надоели уже розовый и голубой). Бежевый, кремовый, серый с серебряным отливом. Также попросила присмотреть бордовую и синюю ткань. Были у меня несколько задумок насчет темных оттенков. Ортензия удивленно поинтересовалась:

— Вас же будут старить темные цвета. Шестнадцатилетние девушки не носят темное.

— Милая Орти, вот увидите, как будет хорошо. Между прочим, мне через полтора месяца семнадцать уже!

— Боже мой, семнадцать лет! Так много! — портниха искренне расхохоталась.

К слову, дом мы нашли довольно быстро. На нашей улице, чуть дальше на юг, ближе ко дворцу. Очень похож на наш. Три этажа, большой холл (где и сделаем гостиную с диванчиками и возможностью попить чаю с печеньем, была у меня такая задумка, типа кафетерия). Только такого большого сада не было, двор на две кареты, но нам хватит. Ортензия фонтанировала энергией, где только силы взялись — вот что значит заниматься любимым делом. Тут же распланировали помещение, примерочную, где будут стоять раскройные столы, где будут сидеть вышивальщицы. Заказали у плотников несколько деревянных манекенов (нарисовали фигуры женщин пополнее и по стройнее).

Я самоустранилась, оставив девчонкам деньги и охранников (на всякий случай). Кстати Ортензия, увидев привычную уже утреннюю корзинку с конфетами и цветами, нахмурилась и спросила: «От кого?» И серьезно ли это у меня? На что я честно ответила: «От поклонника, и я еще не решила, все очень зыбко». Тогда она (наверное, на правах старшей) предупредила, что в любом случае, что бы я не решила, она меня поддержит, но надеется на мое благоразумие и правильный выбор.

Какой выбор? Мне хотелось влюбиться. Я была почти готова… Еще немного, еще самую малость. Любовь витала в воздухе, надо мной, вокруг меня, как тонкий весенний аромат, кружилась и звала. Вот она я, только протяни руку и возьми.

Захотелось, как в молодости — без оглядки, наплевав на правила и в омут головой.

Но что-то останавливало. На грани сознания, предчувствия. Как сказали бы маги, интуиции…

Возможно, вмешался мой математический ум, привычка сразу просчитать плюсы и минусы, разложить по полочкам. Возможно, мои старые принципы — не изменять, не врать. А возможно, просто неуверенность в собственном шатком положении в этом мире… Может, просто не тот объект для любви… Не знаю, но пока разум выигрывал в борьбе с сердцем. Но поиграть, увлечься было бы интересно.

Утром на столике я обнаружила приглашение на утренний чай к Элеоноре де Вивиен. Ее приглашения я не игнорировала никогда. Быстренько оделась, заплела косу и прыгнула в экипаж. Я бывала уже в гостях у казначея несколько раз, мне нравилась спокойная добрая атмосфера у них дома. Дети выросли и разъехались, Элеонора с мужем жили скромно и тихо. Приехав, я с удивлением увидела одну Элеонору. Она пригласила меня в будуар, посадила напротив, впихнула в руки чашку с напитком и сказала:

— Эльвиола, только не обижайтесь, но нам нужно поговорить. Такие вещи должна говорить вам мать, но у Виолетты у самой ветер в голове, поэтому говорю я. Что у вас с Рихардом?

— Митрисс, я заигралась?

— Так это не серьезно? Ох, извините, но я испугалась за вас. Уже пошли слухи. Вы знаете, кто их распространяет. И если бы вы действительно влюбились в Рихарда, это могло бы плохо кончится для вас в том числе, — женщина была очень обеспокоена.

— Элеонора, неужели вы думаете, что я могу вот так легко нарушить клятву, данную перед богиней, в ее храме?

— Девочка, я знаю много женщин, которые при выходе из храма уже наплевали на любые клятвы и обещания. Просто вы так молоды и наивны. Жили всю жизнь в имении, в столице не бывали. А Рихард, он известный ловелас. Я боялась за вас.

— Спасибо, Элеонора, — не скажу же я ей, сколько действительно мне лет. — Вы очень добры, я ценю вашу заботу.

— Эльви, если вам что-то нужно… Совет или… Ленар уехал, и вы совсем одна в особняке, наверное, вам одиноко.

— Да, мне нужна от вас некоторая информация. Можно?

— Конечно, Эльвиола.

— Расскажите мне, что знаете об Ираиде де Люции.

— Откуда вы?…

— Она сама ко мне подошла на приеме. Мы поговорили…

— Ну, лично я с ней не очень общаюсь, вы понимаете, но слухи ходят. В общем, расскажу, что знаю.

Оказывается, Ираида нарисовалась в столице года три-четыре назад, приехав из какого-то захолустья, возможно, даже из соседней страны. О себе говорила, что вдова, муж ей оставил приличное состояние, которое она и спустила в столице, обратившись к магам для улучшения внешности. Какой она была до этого, уже никто не помнит, но сейчас она первая красавица при дворе. Была, до недавнего времени (пока я не приехала). Далее, что да как — неизвестно, но обратила она свой взор на Ленара довольно быстро. Так как происхождения наш советник самого низкого, далеко не красавец, местные прелестницы его игнорировали и особо не привечали (даже его баснословное богатство не привлекало). Да и сам Ленар (Элеонора кивнула мне, мол, ты же знаешь), выглядит нелюдимым, мрачным, не разговорчивым, кто к нему первым подойдет?

А Ираида вцепилась мертвой хваткой. И бастион пал. Первая красавица, плюс аристократка, плюс такие явные чувства на показ! Ленар не устоял. Они встречаются уже около двух лет. Она все время твердила, что скоро он её поведет в храм, но тут королю приспичило женить своего любимого генерала именно на льере, никак не меньше. И тут появилась я. И все планы Ираиды рассыпались.

— Эльви, вы поосторожней, разгневанные женщины способны на многое.

— Элеонора, спасибо вам за историческую справку. Кто предупрежден, тот вооружен.

— Не слышала такого. А вообще, Эльвиола, я поражена. Откуда у вас такая рассудительность и грамотность в шестнадцать лет? Эдьен говорит о крови льер, что по наследству передаются опыт и ум. Но, если честно, я не верю, ведь ваша матушка. Извините…

— Элеонор, я не знаю, я всегда такой была, сколько себя помню.

— Эльви, к вам никаких претензий, вы молодец! Это просто мои мысли вслух. Я увлекаюсь в свободное время генетикой, проблемами, связанными с наследственностью, вот и интересуюсь. Я припоминаю: ваша дальняя родственница, прабабушка, кажется, её звали Эммилия, тоже была на редкость умна для своего возраста, она вообще вышла замуж в пятнадцать и очень удачно.

— Ну вот, видите, так что я уже даже старовата, — засмеялась я.

— Эльви, напоследок дружеский совет. Присмотритесь к своему мужу. Он замкнутый человек, у него непростой характер, но в целом, мне кажется, вы подходите друг другу. Сделайте шаг навстречу первой, вы же женщина.

— Элеонора, спасибо, конечно, за совет, но…, — я поднялась.

— Не обижайтесь на старуху, Эльви, просто присмотритесь.

— Хорошо. Я попробую.

Разговор оставил во мне двоякое чувство, Жена казначея мне очень нравилась, но полюбить Ленара? Это из области фантастики.

Глава 10

Дела потихоньку шли. Нанятая команда заканчивала ремонт, уже расставили купленную мебель и оборудование, мы с девчонками придумывали логотип нашей совместной торговой марки — «ЭльОрти» (первые слоги наших имен — Эльвиола и Ортензия).

— Как же мы будем рекламировать наши платья? — поинтересовалась портниха.

— Ортензия, за это не волнуйтесь, стоит мне один раз показаться на балу в вашем платье и сказать, кто его шил — завтра в ателье будет толпа.

Пока самой большой проблемой было найти мага, который бы согласился на нас работать. Но я не унывала, в любом мире люди одинаковые, если есть те, кто всегда следует предписанным нормам, живет по закону и чтит правила, то есть отщепенцы и отступники. Те, кто не признает устав и живет в свое удовольствие. Мои знакомства на черном рынке пригодились. Сначала я нашла магическую лавочку, где продавались запрещенные разработки, прикупив себе самозаписывающих кристаллов, одноразовых телепортов для крупных вещей (видела такие у Ленара, можно переправлять большие предметы, диван или

комод, например), защитных амулетов (на всякий случай!). Прощупала почву на предмет, кто делает все эти вещички — как будто уперлась в глухую стену. Девушка-продавец ушла в несознанку и лепетала, что ей уже приносят все готовое, а откуда берётся - она не знает. Тогда я зашла с другой стороны.

— Я прошу вас только передать человеку, который это приносит, что я хотела бы сделать крупный заказ на новое изобретение и хорошо заплачу за работу. Я появлюсь здесь через несколько дней, — надеюсь, маг, который всё это делает хоть немного любопытен.

— Конечно, госпожа, передам.

За время нахождения в этом мире я перечитала о магии всё, до чего смогла дотянуться. Но этого было до обидного мало. Маги держали в секрете свои тайны.

Рождались они в абсолютно разных семьях: и в богатых, и в бедных, процент был одинаков. Сколько не пытались выделить искусственно эту мутацию — тщетно.

В этом мире механические устройства тоже имели место быть, правда, на уровне нашего средневековья — рессоры у карет, ветряные мельницы, ткацкие станки, кузнечные приспособления, пороховые мушкеты и другое такое же примитивное. Магов рождалось мало, поэтому, если поставить мага добывать руду — руда выйдет золотая по цене.

После окончания академии они почти все становились высокомерными и спесивыми мерзавцами, смотрящими на всех свысока, признающими только свой собственный авторитет. Слабым сдерживающим фактом являлся совет магов, собранный из нескольких старичков, заседающих в столице, но, по большому счету, молодым было на него плевать. Еще одним ограничением их свободы являлся закон, который предписывал жить и работать на территории того государства, где родился, наверное, чтобы в каждой стране их оставалось хоть немного, так как процент рождения был одинаковым.

Мага себе мы все-таки нашли. Молодой парень, сбежавший из гимназии, банально влюбившийся в карманницу, ту девчонку, работающую на черном рынке. Нам повезло, он был (как и все маги) любопытен и амбициозен. Да и деньги были нужны, как и всем молодым людям. А бунтарский дух пока еще не давал следовать предписанному пути. Я рассказала суть и принцип швейной машины челночного типа, он пообещал поразмыслить над созданием «сшивателя ткани», как он его назвал. Я дала задаток, и мы разошлись. Пока придется шить по старинке — руками.

Так как в этом мире (в противоположность моему родному) присутствовала магия, многие вещи были магически улучшенными. Например, магические заколки для волос — прекрасная штука. Я руками поднимала и скручивала волосы как хотела, и силой воли заставляла заколки держать эту копну в таком положении. Заряжались они так же, как и шкатулки или светильники — раз в три-четыре месяца. Или магические застежки — замечательная вещь. Ткань, над которой поработали маги. Страшно дорогая, но просто необходимая для пошива некоторых вещей. Белья, корсетов. Ткань могла сжиматься, разжиматься, становиться твердой, как железо или мягкой, как пластилин. То ли силовое поле, то ли те самые магические нити, которые пронизывали этот мир сверху до низу… не знаю… Но благодаря магии я сама могла расстегивать и снимать корсеты со шнуровкой сзади. И многое-многое другое, отличное от земного.

Развивать технику здесь не планировали. Тратить деньги на исследования, научные разработки? Зачем, если у сильных мира сего (у которых эти деньги есть) всегда имеется доступ к магической силе. Серьезное заболевание — к магу, изменить внешность — к магу. Дом полна чаша, кареты, перемещения — все это у было аристократов, а бедным ни платить магам, ни спонсировать ученых было нечем. Жаль. Иногда волшебство во вред.

Первое платье было уже готово: я удлинила корсет до бедра, ровная длинная юбка собиралась сзади в шлейф, небольшой турнюр с ниспадающими складками, узкие рукава три четверти, глубокое смелое декольте — платье должно произвести фурор. Я уже почти привыкла к корсетам, просто не сильно их затягивала.

В ближайшее время намечался праздник во дворце — шестнадцатилетие наследника престола. Я собиралась открыть бал уже в новом туалете.

На очередном музыкальном вечере я неожиданно наткнулась на Рихарда. Такое ощущение, что местные дамы специально нас сталкивают, чтобы было о чем посплетничать на досуге. По жадно уставившимся на нас лицам, замершим в немом ожидании, можно было понять, что ждут они никак не меньше, чем страстных объятий и прилюдного поцелуя в губы.

— Добрый вечер, льера.

— Добрый, меттер Рихард. Какими судьбами? Вы интересуетесь музыкой?

— А также поэзией, раздачей милостыни сироткам и скоро, наверное, займусь вышивкой, — грустно улыбнулся мужчина.

— И не думайте об этом! Можете мне поверить, с иголкой и ниткой вы будете нелепо смотреться, — задушевно прошептала я чтобы как-то разрядить обстановку, — признаюсь как на духу — ненавижу вышивать.

Мы отошли к окну. Десятки глаз следили за нашим передвижением, но хотя бы не слышали, о чем говорим.

— Если придется освоить вышивку, чтобы чаще видеть вас, я пойду на это, — усмехнулся мужчина.

— Подвиг, достойный попасть в анналы истории — первый льер, который…

— Я не льер, — резко и даже грубовато прервал меня Рихард, — мой отец младший сын семьи Реджинандов, и льером стал мой дядя и, соответственно, мой двоюродный братец Арти.

— Извините, если это болезненная тема… — вот я и нашла у молодого человека ахиллесову пяту.

— Да нет, я почти смирился, что льером мне уже не быть, сама судьба против меня, — уже спокойнее произнес Рихард, и вдруг пристально и жадно посмотрел в глаза, — но встретив вас, я понял, кто был настоящим подарком судьбы и опять мимо.

— Мет Рихард, на нас смотрят.

— Вы боитесь сплетен, льера? Мне казалось, вы смелая девушка.

— Смелость и глупость, разные вещи, Рихард. Если уж и оправдываться, то заслуженно, если действительно виновата, а на пустом месте. Обидно.

— Ведь в наших силах сделать так, чтобы не было обидно, льера? — тихо и вопросительно произнес Рихард.

Это мне только что ненавязчиво предложили адюльтер?

— Эльви! Вот вы где! — к нам уверенно шагала Элеонора. — Добрый день, Рихард, я везде ищу эту непослушную девчонку. Вы забыли, о чем просили меня?

— Добрый день, Элеонор. Ой, действительно! Извините нас, Рихард.

Мужчина низко поклонился и оставил нас вдвоем.

— Вы слишком долго разговаривали с ним одна, — тихо прошипела Элеонора, — это неприлично.

— Тут полно народу, что тут неприличного?

— То, что все вас давно уложили в постель и ждут только приезда Ленара, чтобы посмотреть, как отреагирует советник короля на вашу измену. А вы мило беседуете в сторонке как два голубка.

— Элеонора, сейчас уже бесполезно оправдываться, сами сказали. Осталось только ждать наказания, — я заулыбалась.

— Да уж… Ираида хорошо поработала. В высшем свете не осталось никого, кто бы ни знал во всех подробностях о вашей измене мужу. И что теперь делать?

Я покачала головой. И с шутовской улыбкой развела руками.

— Завтра я приду к вам в гости, Элеонора.

То, что я задумала, требовало знание хоть минимума законодательства и правил этого государства.

Те немногие книги, что нашла у Ленара в домашней библиотеке не произвели на меня впечатления. Ничего, хоть как-то касающегося прав и свобод женщин в этом патриархальном мире. Отношение к женщине вообще было интересным. Нет, их не притесняли здесь, действительно холили и лелеяли, но относились как к неразумным пустоголовым детям, способным только служить украшением в доме и, естественно, рожать потомство. Простолюдинкам допускалась некоторая свобода выбора в деятельности, можно было стать кухаркой или портнихой, горничной или торговкой, но аристократкам почему-то запрещалось все, кроме вышивки и необременительных увлечений — музыки и пения. И если я не хочу стать любимым домашним питомцем — пора принимать кардинальные меры.

Подарок, который я приготовила Элеоноре, был немного интимного свойства, но надеюсь, наше близкое знакомство поможет избежать неловкости. В яркой оберточной коробке я ей принесла в дар бюстик. Мы придумали новый фасон с Ортензией (точнее придумала я, вспоминая свои «земные» комплекты). Получилось отлично. Украсили вышивкой и серебряными нитями. Размер я прикинула на глазок, но магические застежки давали возможность сузить или расширить бюстгальтер еще на несколько размеров.

Со взяткой определилась, осталось дело за просьбой. Женщина сделала большие глаза, когда увидела презент. Но я попросила ее попробовать одеть как-нибудь.

— Вы что-то задумали, Эльвиола?

— Да, мне нужна ваша помощь, точнее помощь от казначея.

— Вы же знаете, что можете просить, все что угодно, только не казну нашей любимой страны, боюсь, муж не разрешит, уж очень он к ней трепетно относится, — улыбнулась женщина.

— Мне нужен доступ к закрытой королевской библиотеке.

— Зачем? — удивление было неподдельным, — Даже я там бываю очень редко, а мне заняться действительно нечем в мои-то годы, а вы что там забыли?

— Пусть это останется тайной, Элеонора. Я так же не хочу, чтобы ваш муж знал.

— Хорошо. Я надеюсь, вы не собираетесь совершить переворот в государстве?

— Нет, конечно. Ничего такого. Думаю, в библиотеке нет руководства по свержению монарха, — попыталась отшутиться я.

— Хорошо, я поговорю с мужем, только совсем необязательно было приносить подарки. Эльви, я бы и так вам не отказала.

— Знаю, я просто люблю их дарить…

На этом и распрощались.

Следующим утром мне принесли пригласительную карточку от казначея, с которой я приехала во дворец. Мэттер де Вивиен, встретив меня, таинственно проводил за руку в отдаленное крыло дворца и познакомил со смотрителем библиотеки. Дедушке было глубоко за семьдесят, а то и за восемьдесят. Напутствием были слова — «не забивайте хорошенькую головку лишними премудростями, пыльные книги только портят красоту» и покинул нас.

Старичок-библиотекарь мирно дремал в кресле, а я принялась за работу. Цель у меня была достаточно амбициозна — найти какой-нибудь закон, дающий женщине бонусы, которые она может использовать в свою пользу. Не может быть, чтобы за всю многотысячную историю страны никто не поднимал слово в защиту слабого пола. В любом, даже самом патриархальном государстве (я помнила истории наших арабских стран) были хоть маленькие, но лазейки. Мне, во-первых, нужен рычаг (пусть небольшой) влияния на мужа, а во-вторых, как-то справиться с его любовницей. Не хочу оставлять врага за спиной. Чревато. А так как разводов здесь не предусмотрено и нанять убийц не смогу в силу характера, то придется идти законным путем. Рано или поздно я окажусь в супружеской постели с Ленаром, и терпеть еще кого-то в ней не собираюсь. Проходили уже.

Что меня больше всего беспокоило, так это как я одна справлюсь с таким огромным объемом печатного и рукописного слова, потому что библиотека просто поражала своими размерами. Правовой отдел занимал целую комнату. Первый стеллаж был датирован двухсотым годом от ухода богов с земли (то есть книгам было больше четырех тысяч лет). Пропустила. Такая древность не к чему. Да и последний стеллаж (современные законопроекты) меня тоже пока не интересовал. Я занялась стеллажами, начиная с трехтысячного года. Сначала просмотрела правила ли когда-нибудь королева (была большая вероятность, что женщина на троне все-таки более лояльна к женскому равноправию и законы соответствующие принимала).

Но увы. Женщины не правили никогда, очень короткое время были регентшами, но потом всегда их сменял мужчина. Пока я просто просматривала заголовки и выдержки из древних законов (наверное, библиотекарь, пока был молодым, провел огромную работу по сортировке и систематизации книг). Каталоги были прикреплены к каждому стеллажу и содержали краткую информацию по годам, правителям и законам, которые они вводили. Слава богу, подумала я, каждый монарх отличился только парой-тройкой новых законов, а то бы я тут до старости сидела. Вздрогнула, вспомнив количество наших российских бюрократических указов и правок.

Просидев до вечера и исписав несколько страниц в блокноте, смогла осилить пару полок, а стеллажи состояли из шести. Три-четыре дня на стеллаж, стеллажей в комнате пять, и это краткие выдержки, а если придется копать глубоко и читать всю писанину? Я ужаснулась — три недели минимум и то, если сидеть целыми днями. Значит, нужно брать работу на дом. Из двух обследованных полок я прихватила домой три увесистых тома с уложениями монарха Ковена Реджинанда, правившего в 2300 году. Он мне показался самым прогрессивным правителем того времени. Авось, найду что.

Как же…

Легла я спать в три часа ночи. После четырех часов перелистывания уложений и кратких заметок, глаза перестали видеть, а пальцы держать ручку. Как будто целый день перед монитором просидела — ощущения похожие. Утром я напоминала голодного вампира — красные глаза, трясущиеся руки, скрюченные пальцы. Мари с Ритой долго ставили примочки и лепили маски на лицо, а я выяснила один момент — что бы найти что-то путное в этой куче бумаг — мне не хватит и года, пригорюнилась, но пока другого выхода не было. Решила для себя, что до поры до времени буду заниматься разбором законов, если придет в голову новая умная мысль — найду другой способ. А впрочем, мое чтение в любом случае не бесполезно — столько нового узнала!

Найдя в своей тяжелой работе приятный и нужный фактор, я повеселела. Забегая вперед, скажу, что сидела я в библиотеке по четыре часа в день. С девяти утра до обеда. Больше просто не выдерживала, брала пару томов на вечер и уезжала — меня требовали в ателье. Я придумывала с Ортензией модели, узоры, сочетания цветов и фасонов. Мне всегда нравился греческий стиль, а Орти нашла его слишком простым и распутным. Предложила (по аналогии с нашими модницами) к каждому туалету присовокуплять тонкие перчатки под цвет платья и клатч — заинтересовалась. Посоветовала начать шить раздельно — юбки и блузы, пиджаки и кардиганы, рассказала, как сочетать несколько разнообразных ансамблей. Ей понравилось. Также увлеклась идеей юбок-брюк и юбкой с турнюром. Ортензия со мной согласилась, что пора менять моду, давно ничего нового не происходило — аристократы носили на себе кучу дорогих тканей (чем больше квадратных метров, тем лучше), расшитых драгоценными камнями (по тому же количественному принципу).

Глава 11

Как я и предполагала, новое платье произвело фурор на балу. После пышных необъятных юбок мое серебристо-серое, облегающее фигуру платье с турнюром и ниспадающими фалдами сзади, маленькими короткими кружевными перчатками в цвет, живыми цветами в прическе — стало откровением. Сначала зал шокировано застыл, потом возмущенно зашумел, ну а потом ко мне нескончаемым потоком ринулись первые модницы высшего света: «У кого вы сшили это платье, льера?», «Пожалуйста, назовите мастера», «Как вы восхитительно выглядите, Эльвиолла, это новая мода?», «Ваш мастер приехал с запада, я слышала, в Гартане в этом сезоне мода на узкие юбки» и прочее-прочее… Я же говорила Ортензии, за рекламой дело не станет. «Да-да. Конечно, моя хорошая знакомая посоветовала эту мастерицу», «Да, вы правы, приехала с запада, решила у нас обосноваться», «Да, конечно, порекомендую».

До короля я так и не дошла, в пути меня перехватил Рихард.

— Позвольте вас сопровождать этим вечером, льера.

— Буду рада, мет Рихард, — гуляем — и плевать на сплетни!

Мы пошли поздравить именинника, но до трона не добрались. Король с наследным принцем были окольцованы охранниками никак ни менее десяти метров в окружности. Как мне ранее сказал Рихард, такие меры безопасности были уже обычны для выхода на публику наследного принца, ранее было несколько покушений (странно, зачем кому-то убивать наследника, не проще ли

убить сразу короля, удивилась я). Подарки забирали у гостей и подносили к трону также телохранители, так что опять я видела наследника только издали — красивый молодой человек, выглядевший на свои шестнадцать, излишне худощав, на мой взгляд, с беспокойными бегающими глазами, рука зажата в руке короля (монарх боится, что покушение на сына устроят прямо здесь?).

Отдала подарок — собственноручно вышитую таблицу квадратов натуральных чисел (два дня просидела — все пальцы исколола). Король, узнав меня, искренне поприветствовал, но не подошёл (странно), подарок, раскрыв, удивленно покрутил в руках и отложил в сторону. Рихард подарил какую-то древнюю книгу с картинками. Задерживать проход было неудобно, и мы отошли.

Играла легкая музыка, столы были завалены экзотическими закусками, мой кавалер предложил выпить за здоровье именинника — я не смогла отказаться. И пошло-поехало.

Хорошее настроение играло в крови. Новое платье, восхищенные взгляды вокруг, завистливый шепот, горящие глаза Рихарда, неотступно следящие за каждым моим шагом, первый танец, первое пылкое объятие, обжигающее прикосновение губ к кисти руки. Что говорить об Эльвиоле — я сама бы не устояла ни секунды, было бы мне шестнадцать. Темноволосый красавец, с бешеным обаянием и греховной улыбкой на губах, он сам был воплощение соблазна и искушения. Сильные крепкие руки кружили в танце, взгляд, казалось, прожигал душу насквозь, мелькнула запоздалая мысль — не нужно было пить. Разум отключился и помахал ручкой на прощанье.

Спустя некоторое время пришла в себя на террасе в объятьях отнюдь не пионерских. Мы с Рихардом страстно целовались, причем видимо уже давно, потому что спина успела замерзнуть. Холод и привел меня в чувство.

«Пьянь, — мысленно сказала я себе, — планировала же потренироваться дома, как действует на меня спиртное и забыла». В бытность Натальей Ворониной алкоголь убирал мои нравственные барьеры напрочь и, по-моему, сейчас он действует на меня точно так же. «Мамочки, нужно выпутываться, а то еще немного и я окончательно испорчу себе репутацию, он нее и так остались ошметки».

— Рихард, мне пора домой, — я стала выворачиваться из его рук.

— Льера, что вы со мной делаете, — глухим голосом простонал мужчина, — как домой?

— Простите, Рихард… э… уже поздно. Я не заметила. Как пролетело время…

— Но я думал… Вы были такая… — ага, знаем мы, что ты думал…

— Я не знаю, что на меня нашло, этого больше не повториться, я ведь замужем, мет, — грустно прошептала я, — и муж у меня очень ревнив, — правильно, валим все на Ленара, там разберемся, что дальше делать.

— Я хорошо знаю Ленара де Мираса, к сожалению, это злобный, черствый сухарь, который не умеет ни любить, ни сопереживать. Грязный плебей, — как будто выплюнув, сквозь зубы процедил Рихард, я даже застыла ошарашенно, столько неприкрытой ненависти было в голосе.

Рихард отошел, но все-равно пристально и внимательно смотрел мне в глаза, что он там искал?…

— Но мы найдем выход, льера, я обещаю, ваш муж не всегда будет рядом с вами.

— Не нужно ничего обещать, мет, я серьезно отношусь к клятвам и не нарушу слово, данное в храме.

— Льера, вас выдали замуж против вашей воли, продали жестокому, бездушному человеку, о каком слове может идти речь? Богиня поймет, она женщина. Только скажите «да» и сегодня же вы уедете вместе со мной далеко, у меня есть особняк в соседней Гартане, я богат, рано или поздно мой дядя простит меня. Я все-таки его родной племянник. Мы будем счастливы, льера. Я обещаю, вы будете самой счастливой женщиной на этой земле.

— Это будет побег. Я все равно останусь замужем за Ленаром. В качестве кого я буду с вами жить в Гартане, Рихард, в качестве вашей любовницы? — нет, я была не готова после трехмесячного пребывания в этом мире, еще неуверенно себя чувствуя, что-то кардинально менять в жизни…

— Какая разница! — раздраженно прорычал мужчина, — в качестве любимой женщины, и Ленар де Мирас не будет жить вечно, льера… Такие люди долго не живут… — добавил он в сторону…

— То есть мы будем ждать его смерти? — я хмыкнула. — Нет, Рихард, я так не могу. Простите. Пусть пока идёт как идёт, боги, если им будет угодно, укажут верный путь.

Как пафосно прозвучало, нужно срочно валить домой, иначе неизвестно, чем закончиться разговор, и так уже наворотила дел. Бедный Рихард стоит, как натянутая пружина, чуть тронь — и взорвется.

Вдруг дверь резко распахнулась и на террасу ввалились штук пять дам во главе с Ираидой. За ними увидела Элеонору с неподдельной обеспокоенностью на лице. Пришли бы они на пару минут раньше, их самые смелые ожидания были бы подтверждены. Сейчас мы с Рихардом стояли друг от друга на расстоянии двух метров, в темноте (я надеюсь) не было видно моих распухших губ и лихорадочного румянца.

— И что вы тут делаете? — немного разочарованно воскликнула Ираида.

— Обсуждаем последние тенденции систем управления персоналом на предприятиях быстрого питания, — буркнула я.

— Что???

— Льере стало жарко, и мы вышли на свежий воздух, — перевел Рихард, странно на меня глянув.

Жадные до сплетен взгляды остались не с чем, дамы потоптавшись развернулись обратно, Элеонора направилась ко мне.

— До свидания, мет Рихард, спасибо, что проводили на террасу, — попрощалась я.

— Элеонора, пожалуйста, не говорите ничего, — устало произнесла я, глядя в спину уходящему мужчине, — у меня ведь тоже могут быть слабости.

— Эльви, Эльви. Я все понимаю, сама была молодой и влюбчивой, но потом родители выдали меня за Эдьена, и моя влюбчивость прошла очень быстро. Знаете, какая у нас разница в возрасте? — спросила Элеонора.

— Нет, по виду лет десять.

— Двадцать! Меня выдали замуж в семнадцать, Эдьену уже было под сорок. Теперь уже не важно, мы почти сравнялись по внешности, женщины стареют быстрее, особенно те, что не прибегают к магическому вмешательству. Вы удивлены, почему я не иду к магам? Эльви, зачем? Пусть идет, как идёт. Даже лучше, сейчас мы выглядим с мужем почти одинаково, я люблю Эдьена, после трех детей и двадцати пяти лет брака трудно не привязаться к мужу, особенно, если он действительно хороший и добрый человек. Ну что, успокоилась? Пойдем, я провожу вас до кареты.

Заснула я с трудом. Вспоминая горячие страстные губы Рихарда, сердце стучало как сумасшедшее и щеки пылали огнем. Молодое тело хотело этого конкретного мужчину, но разум был против, а я всегда старалась на него полагаться. Черт-

черт-черт!

На следующий день в ателье «ЭльОрти», как я и предполагала, яблоку некуда было упасть. Возбужденная Мари прибежала ко мне утром после завтрака, когда я уже собиралась уехать в библиотеку.

— Льера! Там столько карет, вся улица заставлена. Весь высший свет приехал, что делать?

— Сначала успокоиться, Мари. Привыкай, теперь, надеюсь, там всегда будет много народу. Значит так, бери Риту и Юли и езжайте в ателье. Захватите пирожные, все, что испекла кухарка, я уже позавтракала, и тот голубой чайный сервиз забери, помнишь? — Мари кивнула. — В ателье кухню уже обустроили? — опять кивок, — отлично. Заваришь чай, выставишь пирожные, эх, жаль, что еще журнал не готов, было бы к месту. Ну ладно, рассадишь дам в кресла, угостишь чаем, пусть пока сплетничают, а Ортензии передай — после обеда заскочу.

Я уехала во дворец. «Блин, как на работу хожу, подобно Ленару», хмыкнула про себя. Посидела опять с книгами, пока мурашки не стали ползать перед глазами, захватила парочку томов домой, и рванула в ателье. На улице по-прежнему было некуда поставить карету, пришлось заезжать с другой стороны. Зайдя с черного хода, потихоньку пробралась на кухню, там сидели Мари с Ритой, с вымученными лицами.

— Ну, девочки, почувствовали, что такое популярность?

— Льера, это было ужасно, — тяжело вздохнула Мари, — я не чувствую ног и рук, пришлось бежать за пирожными к булочнику на рынок. Такие прожорливые, а ещё аристократки…

— А Ортензия как?

— Скачет как кузнечик, — заявила Рита, — откуда силы берутся в её-то годы?

— Потому что, девочки, она занимается любимым делом. Вам тоже нужно чем-нибудь увлечься. И я знаю, чем мы будем промышлять вечером! — воскликнула я.

— О, богиня мать! Дайте нам отдохнуть, льера, ноги отваливаются.

— Для того, что я придумала, ваши ноги мне не понадобятся, вечером мы будем писать сюжеты в журнал. Наш маг, наконец, разработал магический сшиватель ткани и нужно его загрузить копированием журнала, а для этого нам требуется самим написать первый экземпляр.

За работу маг потребовал сто золотых, я без разговоров отдала деньги, попросив сделать еще таких пять штук. Сшиватель выглядел как треугольный кристалл, острая грань которого выполняла функцию швейной машинки. Как он работал — неизвестно, но несколько слоев ткани, после проведения кристаллом по ним, намертво склеивались друг с другом, то ли нити сцеплялись и переплетались, то ли от тепла они как будто плавились и слипались, но факт остается фактом. Нужно было просто под линейку или по узору проводить этим кристаллом. Я пригласила мага завтра вечером к нам в ателье копировать журнал, по плану мы должны были его сегодня вечером закончить.

Пока я собиралась написать несколько статей женской тематики о моде и новшествах косметики, прогноз погоды (спертый у столичного еженедельника), парочку свежих сплетен (не зря же вчера я была на балу) и нарисовать мало-мальски приличные копии незаконченных платьев, висевших у Ортензии на манекенах. Начнем с малого, а там посмотрим.

За книги из библиотеки я так и не села, потому что до глубокой ночи мы втроем клеили и рисовали наш маленький журнальчик. Примитивную печатную машинку еще месяц назад я обнаружила в кабинете мужа…

Вышло страниц двадцать, крупным шрифтом с большими иллюстрациями, схематически набросанными мной (я и не знала, что у меня талант к рисованию… был). Проблемой стало название и что будет на титульном листе. Ночью голова уже не варила, недолго думая размашисто и завитушками вывела «Красота и магия» и ниже «Журнал для истинных женщин».

Пока решили продавать его по тару (что-то около одной сотой золотого). Дороговато, конечно, но журнал-то рассчитан на аристократок. За копирование маг возьмет один золотой за сто копий (по крайней мере, таковы были стандартные расценки), значит, выйдем в ноль, если продадим все. Мари увлеклась журналом не на шутку, (ей всегда нравились сказочные истории, а от моих сюжетов она была просто в восторге). Девчонки уже стали искать темы и красивые картины для следующего номера. Я оставила им на разграбление библиотеку Ленара, по крайней мере, там одна современная литература ни о чем, романы и баллады о любви, книги о животных и растениях, кулинарные книги (кстати, нужно будет включить в следующий номер несколько интересных рецептов, уже засыпая, отметила я). Библиотеку Ленар купил вместе с домом, и книги, наверное, брал на килограммы, ну и ладно, у нас же «бульварный журнал», а не научный опус.

Была еще одна положительная сторона моих ежедневных посиделок в королевской библиотеке. Я, наконец, смогла разузнать что-то о человеке, с

которым мне предстояло жить всю жизнь — о своем муже.

До Сумраньской войны, которая закончилась семь лет назад о Ленаре Мирасе никто не слыхом не слыхивал. Родился и жил до юности он, где-то на западе. Первое упоминание о капитане Ленаре я нашла в хрониках боев за Зельц, небольшой город на южной границе нашего государства. Там он отличился тем, что сломил исход битвы неожиданной атакой своего отряда, зайдя противнику в тыл. Битву за город мы выиграли, и Ленар впервые был замечен командованием, как перспективный солдат и командир. Далее — наступление на Остру, переправа, пересечение границы, война на территории противника. В общем и целом, карьерная лестница Ленара в военное время была стремительная и успешная. Заканчивал войну он уже в чине генерала, самого молодого, кстати, за всю историю Лореляй…

Главнокомандующим его уже сделал после войны монарх, разглядев в Ленаре не только смелость и военный талант, но и острый ум, честолюбие, умение планировать и добиваться поставленных целей. Не прошло и нескольких лет, как монарх приблизил к себе генерала настолько, что стал доверять представлять свои интересы в министерстве, в совете, присутствовать на дипломатических иностранных ассамблеях. Карьера простого генерала стала еще более головокружительна, после того как Ленар добавил приставку «де» к своей фамилии — купил титул берга (мелкого дворянина по-нашему) … Я подсчитала… если генералом он стал в двадцать семь лет, а война закончилась семь лет назад, то ему сейчас тридцать четыре года. Всего то? Выглядит, на мой взгляд, гораздо старше…

На следующий день Ортензия заявила, что наняла кухарку и служанку специально для кафетерия при ателье и Мари с Ритой могут не приходить. Поэтому официально я назначила Мари редактором еженедельного женского журнала, а Риту — художественным оформителем. Составила стандартный договор и дала Мари свой фаэтон, пусть едет с журналом к магу. Распространять думали в ателье и на рынке у знакомых Риты.

В общем, у Ортензии обнаружились недюжинные организаторские способности и таланты. Она создала небольшое кафе в пристройке своего особняка, где продавала пирожные, напитки и наш журнальчик, а также разнообразные приятные мелочи (типа веера, сумочек, бутоньерок). После приобретения шести «сшивателей ткани» дела пошли быстрее. На нескольких столах работали раскройщицы, далее кристаллами сшивали основную заготовку будущего платья, потом девушки уже вручную обрабатывали швы и декорировали платье на манекенах, после уже сама Ортензия производила окончательную чистовую отделку и смотрела, с какими аксессуарами платье будет выглядеть

великолепно. Время, затраченное на пошив, уменьшилось в несколько раз.

— Ортензия, откуда у вас столько умений и навыков, вы же никогда не занимались организацией таких масштабов?

— Эльви, денег у меня не было, поэтому все эти годы я только и делала, что представляла, придумывала, фантазировала, накопилось столько планов, что, когда вы мне дали возможность осуществить мои мечты — все уже было сформировано, — развеселилась она. — Кстати, Эльви, нужно поговорить о финансовой стороне вопроса.

— Ортензия, пока ателье не встанет на ноги, ни о каких деньгах я не хочу слышать.

— Хорошо, но вы тоже вложили сюда не только деньги, вы придумываете фасоны, наладили поставку редких тканей, бижутерии. Так что составляйте договор, дорогая моя.

Договор мы подписали. Орти мне собиралась отдавать ежемесячно пятьдесят процентов прибыли, я отбилась на двадцать, резонно заметив, на что она будет развиваться? Неужели она на одном ателье и остановится? А как же захват рынка и другие города? Ортензия задумалась, сказала, что так далеко она не размахивалась, что пределом мечтаний у нее было одно ателье. На что получила от меня:

— Нужно мыслить масштабно, иначе какой в смысл у всего этого? Вы думаете, наш молоденький маг будет держать в секрете разработку „сшивателя“? Появиться хоть малейшая возможность его продать — он это сделает, а конкуренты нам не нужны. Значит, нужно стать первыми в этом бизнесе, будем организовывать цеха по штамповке простых платьев, одинаковых юбок и сорочек. Вы знаете принцип конвейера? — Орти кивнула, — хорошо, значит, нужен план и нужны деньги.

— Мамочки, — застонала Ортензия, — только все вошло в спокойную колею. А вы опять.

Но по ее виду — расстроена она не выглядела, наоборот — глаза горят, энергия бьет ключом.

Через месяц, сводя первый бухгалтерский баланс, подсчитав прибыль, вычтя расходы на съем особняка, жалование работницам, покупку тканей, ниток, и прочих хозяйственных принадлежностей, Ортензия шокировано протянула мне двадцать золотых монет. Восемьдесят остались у нее на столе.

— Первые заработанные деньги, ура! — закричала я (прикусив язык на окончании фразы «в этом мире»).

Ателье начало себя окупать и приносить прибыть.

Мне же предстояло идти на поклон к казначею за советом - куда вкладывать деньги. Пока, конечно, вкладывать было нечего, за двадцать золотых можно было купить одно кольцо с бриллиантом или приличную лошадь, но это первые заработанные мной деньги (те, которые копились в шкатулке — не в счет).

Быстрый заработок. Я постоянно думала над этим. Мои мысли непрестанно крутились вокруг одного — как заработать денег. «Наверное, — грустно думала я, — я до сих пор чувствую себя здесь неуверенно, если моя основная мысль — выжить. Мои страхи — перед новым чужим миром и людьми, перед неспособностью к самостоятельности, перед безденежьем и одиночеством — как были, так и остались. Откуда они? Там, дома, меня всегда поддерживал: родители, друзья, была стабильная привычная жизнь, была работа, которая давала хороший доход, была уверенность в себе. Сколько же нужно времени прожить здесь, чтобы так же расслабиться и приобрести веру в себя?».

С моими знаниями математики, а, соответственно, той же элементарной теории вероятностей можно было попытаться решить проблему зарабатывания денег на черном рынке, или поиграть на бирже, или поучаствовать в тотализаторах, но все это требовало не только знаний, но и прежде всего надежных проверенных и опытных людей, которые вращались бы в чужой бандитской среде, «крыши» по-нашему. У меня таких связей не было и соваться туда было страшно. Значит, нужно вкладывать деньги в честный открытый бизнес.

К разговору с казначеем я готовилась серьезно. На его возможный естественный вопрос — «Зачем вам это нужно? Ведь Ленар очень богат и обеспечит всем необходимым, что женщине не пристало… особенно льере, что даже если вы разойдетесь и у вас появятся любовники, Ленар будет содержать — это закон нашего мира, и прочее-прочее…» У меня ответа не было. Я не могла как Ортензии рассказать канцлеру о вере в себя или уважении к себе, как к Человеку, он бы не понял. Значит нужно придумать что-то попримитивнее. А примитивнее испуганной маленькой девочки ничего нет. Я одела свое розовое платьишко (максимально детское) и пошла на поклон. Я расплакалась, что боюсь за сохранность своих драгоценностей и мне нужен сейф в банке. Канцлер удивленно дал мне несколько адресов крупных надежных банков в столице и рекомендации к владельцам. Я съездила к каждому, хлопала ресницами и охала, вид наивной и доверчивой аристократки умилял всех банкиров одинаково. У двоих самых авторитетных забронировала по сейфу и даже положила в один из

них мои двадцать золотых. Главное — начать и протоптать дорожку.

У меня в планах было развиться до такой степени, чтобы кристаллами шить ординарные платья из простой ткани для разных слоев населения, и продавать их в магазинах по всей стране. Здесь, в столице, аристократы платят за одно платье до 100 золотых, но в провинции вряд ли есть у кого такие деньги. Значит, платья должны стоить не более золотого, а лучше — меньше.

В принципе, месяц назад мне было всё равно, каким способом зарабатывать. Шитье, как и готовка (организация кафе), как и другое предприятие было всего лишь способом стать более-менее независимой. Дружба с Ортензией и Мари просто подтолкнула в том направлении, какое было для них лучше. Орти хотела шить — значит, ателье; Мари нравилось придумывать разные истории — будет журнал.

Видя, как Ортензия любовно перебирает ткани, смахивает пыль с манекенов, украшает цветами гостиную в ателье, я не могла сдержать слез от волнения. Всё-таки как хорошо, когда ты хоть немного, но помогла осуществить мечту другого человека.

Иногда я ловила себя на мысли, что про мужа не вспоминаю неделями. Где он, что с ним? Такое ощущение, что обряд в храме мне почудился. «Естественно, — хмыкнула я, — замужем была две недели, а без мужа уже второй месяц». С королем после именин наследника почти не виделись, «Наверное, пришлось в отсутствие своего советника, заняться самому государственными делами» — злобно подумала я.

Прошло почти два месяца со дня отъезда Ленара к южной границе. Однажды меня посетила и вовсе коварная мысль — а что, если муж не вернется? Что, если сгинет где-то там на юге на полях сражений? Измениться ли моя жизнь?.. Скорее всего измениться, так как родители просто так меня не оставят в покое, и даже если от родителей отобьюсь, то от Его величества — вряд ли. Еще раз замуж выдадут, как пить дать…

Не то чтобы я испытывала к Ленару пламенные чувства. Две недели завтраков и пару ужинов вряд ли смогли бы заставить меня в него влюбиться или возненавидеть. Мне вообще индифферентно, вернется он или нет. Равнодушие и отстраненность — две обоюдоострые стороны наших отношений друг к другу.

На черный рынок я таки пробралась. Но только после того, как придумала новый образ. Вдова Сильвия Клико из Аруты вышла неплохо. Строгое темное закрытое платье на два размера больше (пришлось поддевать три теплые сорочки и обматывать шалью талию). Волосы убраны в строгий пучок и скрыты черной

косынкой. Легкий макияж, тени вокруг глаз, небольшие черточки карандашом на носогубные складки и веки, и вуаля — вдова тридцати лет с хвостиком ни у кого не вызовет подозрений.

Легенда у меня была самая банальная — транжира-муж умер, не оставив ни копейки семье, разорив наше поместье и оставив долги бедной жене и двум дочерям. А моим милым девочкам нужно готовить приданое. Где взять денег несчастной женщине? Только играя на тотализаторах и заключая пари.

Вдовий наряд и скорбное выражение лица здорово мне помогли. Никогда в своей прошлой жизни не играла и не знала, что такое настоящий азарт. Оказывается, увлекает. Конечно, я не планировала сразу начать выигрывать, будет смотреться подозрительно. Потихоньку прощупывала почву, ставя небольшие суммы то там, то сям. Подпольную букмекерскую контору мне показала девушка нашего мага, когда со слезами в глазах и причитаниях о бедных моих крошках, я попросила посоветовать, как можно быстро заработать денег. Были еще подпольные бои и скачки. Туда я планировала попасть позже. Конечно, я опасалась, поэтому решила, как только запахнет жаренным, сразу сбегаю в свой аристократический мирок, за спину телохранителей и живу спокойной честной жизнью.

Сначала на мои «вдовьи» потуги смотрели скептически. Жалели, конечно, но особо не привечали. А когда я вложила сто золотых в одно сомнительное рискованное дельце (контрабандисты решили закупить в столице большую партию заготовок для магических кристаллов и перевезти по морю в восточный Верден) и вовсе махнули рукой: «Дура, что с нее взять». Но именно я посоветовала, куда спрятать товар на корабле, чтобы его не нашли на таможне — и через месяц получила с этой сделки триста процентов прибыли. Меня зауважали…

«Приданое тем и хорошо, что денег на него можно копить бесконечно, смотря за кого собираешься отдать дочь», — хихикнула я, отнеся в банк свою первую тысячу.

Ателье набирало обороты, журнал раскупали на ура, мы уже делали триста копий, добавили колонку рецептов и смешных историй (типа анекдотов). Девчонки уже вовсю трудились на журналистской ниве, пришлось нанять горничную в дом, а то Риту я уже не видела давно (Ортензия им выделила комнаты на третьем этаже в своем особняке. Они там и пропадали целыми днями). Мы потихоньку подумывали открыть еще одно ателье, но попроще, для среднего класса в более дешевом районе столицы.

Даже журнал стал приносить прибыль с совершенно неожиданной стороны. К Мари подошла владелица кафе рядом с ателье и попросила разрекламировать ее таверну в нашем журнале, платила половину золотого. Мы с радостью согласились — и рекламное дело пошло.

Ираиду несколько раз мельком видела в ателье, благо я знала все входы и выходы, чтобы не столкнуться с ней случайно. Она так же, как и все аристократки, заказала пару платьев у Ортензии, когда Орти у меня спросила: «Хочешь, я ей откажу?». Я резонно ответила: «Зачем? Золото не пахнет, пусть его лучше у нас тратит, чем у чужих портних, тем более что скорее всего оно моего мужа, а значит мое».

Рихард не прекратил присылать подарки каждое утро (упорный малый), весь дом был заставлен вазами с цветами и коробками конфет (хотя по правде, конфеты почти все мы пускали в расход в кафе, очень экономно). После того вечера месячной давности во дворце я избегала с ним встреч наедине, боялась что не сдержусь и одними поцелуями дело не закончиться. Нужно было что-то решать…

Глава 12

Настроение с утра было припрашивавшее. Я заснула с уложениями о праве Генриха Реджинанда третьего, правившего за двести лет до нынешнего короля. Полный крах, я дошла до современников — и ничего.

Была еще призрачная надежда копнуть вглубь, три-четыре тысячи лет назад. Очень большая древность, но — а вдруг? Утром в библиотеке я так и сделала, начав с тысячного года от исхода богов. И почти сразу наткнулась на интересный факт. Король Громмаш, правивший в девятьсот пятидесятом году, был уличен в измене, когда его жена носила первенца. Королева разгневалась и потребовала сказать «слово матери Суали». В легенде не было упоминания, что это за фраза, только коротенько описание: слово было произнесено, и фаворитка отправилась на плаху.

Я как гончая, учуявшая след, начала копать. О «слове» сказано было только то, что жена, может воспользоваться им однажды по любому поводу, даже по поводу измены, но, если есть неоспоримые доказательства на руках (что за доказательства и как их искать, эх, не буду же я со свидетелями свечку в их спальне держать?). Ираиду, я, конечно, не люблю, но казнить? Это чересчур, не такая я уж и кровожадная.

Пока это было единственное упоминание о хоть какой-нибудь женской защите. Пришлось будить старичка и тыкая пальцем в томик с легендой мило щебетать, не знает ли он, что это за обряд. Библиотекарь, посоветовал искать в религиозном отделе, так как упоминается имя богини-матери. Дело покатилось как снежный ком. За час я узнала о «слове» все, что только смогла найти. Естественно, четыре тысячи лет назад боги еще помогали изредка людям и такие вещи, как «слово», использовались повсеместно. Я корила себя за глупость, убить полтора месяца на поиски, перелопатить кучу книг, нет, чтобы сесть и подумать. Это же магический мир, значит нужно искать не в мирских законах (как я наивно думала, полагаясь на собственные убеждения и жизнь в своем мире), а в божественных проявлениях.

Итак, вкратце. «Слово матери». Говорилось при свидетелях в любом храме богини Суали. Муж не имел права отказать жене пойти с ней в храм. Если говорившая была права и чиста перед богиней, та даровала ей выполнение одного желания, которое богиня проконтролирует (если муж не выполнит, ему угрожает какая-то кара). Большинство женщин выбирали смерть любовницы или материальные блага. Не факт, конечно, что богиня ответит мне, обряд забылся и похоронен вместе с остальными легендами, но это единственное чудо, которое я нашла. Значит, должно сработать, не зря же меня сюда перенесли. С этой оптимистичной мыслью я и покинула библиотеку. Теперь нужно найти доказательства.

Совесть у меня была чиста как первый снег. Если бы Ираида была милой, доброй, искренне любящей Ленара — я бы действительно просто убралась с их пути, уехала с тем же Рихардом. Не я развязала эту войну, не я начала обливать грязью и выдумывать сплетни. Значит, с моей стороны все законно.

Больше трех месяцев я в этом мире. И все три месяца я куда-то спешу. Я выжимаю все соки, сплю по 4 часа в сутки, боюсь, тороплюсь, подгоняю себя… но на внешности, слава богу, это никак не отразилось. В зеркале мне улыбается все та же куколка Барби, золотоволосая прекрасная девочка, я уже к ней привыкла и стала забывать свое настоящее лицо. Иногда становилось страшно, что пройдет еще несколько месяцев — и я совершенно растворюсь в этом мире, забуду облик моих родителей, свой облик. А если пять-десять лет? Неужели я здесь навечно?

Вот сейчас решу свои основные задачи — заработать денег, адаптироваться в новой среде, выжить любовницу… А потом? Что дальше? Какова моя главная цель? Я барахтаюсь, как лягушка в молочной кринке и почти уже сбила масло. А основной, скажем так, глобальной цели как не было, так и нет. Я каждый раз отодвигала решение этого вопроса на потом. Сначала благополучие, адаптация,

богатство, уважение… список можно продолжать до бесконечности, но где-то глубоко-глубоко внутри сидела подленькая мыслишка — ты нейтральная, ни хорошая, ни плохая, и все твои цели — пустота и пыль. Почему-то дома, на земле, я прекрасно обходилась благополучной и сытой суетой, бесцельным прожиганием дней. «Может, потому что ни разу не умирала?», — подумала я.

Глупо было жаловаться на судьбу и стенать. После «смерти» мне досталось молодое красивое тело, высокий титул, достаточно широкие возможности и простор для реализации себя, а самое главное — мои мозги и воспоминания остались при мне. Интересно, а если бы я потеряла память? Если бы я действительно в том золотом шаре растворилась без остатка, смогла бы я здесь выжить? Чтобы я делала, чего бы достигла?… Боюсь, что никогда этого не узнаю…

Мои семнадцать отметили в тихом семейном кругу — в ателье. С пирожными и игристым вином. «Теперь ты совсем взрослая», — сказала Ортензия и преподнесла мне комплект нижнего белья из магических кружев. Белоснежный корсет, пеньюар и коротенькие панталончики, типа шортиков. Ткань была страшно дорогая, даже я проходила мимо прилавков заморских купцов, игнорируя ее блеск. Кружево представляло собой тонкое переплетение ниток, как будто абсолютно прозрачное, но, если присмотреться ближе — кожу нельзя было разглядеть из-за волшебного серебристого мерцания внутри просветов. Тело выглядело, как припорошенное перламутровой пылью.

— Такую вещь одеть под платье — преступление, — восхищенно прошептала я.

— А его и не одевают под платье, — засмеялась портниха, — это сугубо для соблазнения.

Я хмыкнула:

— Да уж, осталось придумать, кого же мне соблазнить …

На дворе стояла осень. Праздники урожаев прошли, прилавки ломились от товаров и разных вкусностей. Я любила бродить по городу пешком, одев шляпку с вуалью, выскочив незаметно из дома, покупала разные безделушки, слонялась среди маленьких магазинчиков и лавочек, или ехала в порт и смотрела как разгружают корабли. Я впитывала этот мир, пропускала его сквозь себя, через душу, привыкала к нему, влюблялась в него. Он был до боли похож на мой родной. Те же желтые листья гнал ветер, то же горячее красное солнце садилось за горизонт, та же сверкающая россыпь звезд в ночном небе. Сидя на скамейке в парке, я писала истории, иногда, глядя на море, сочиняла стихи о любви (глупенькие, слезливые, но как ни странно — здесь шли на ура, по

крайней мере некоторые покупали журнал только из-за них).

Вот так и жила. Ждала знака… подсказки… Но сначала нужно было разобраться с Ираидой…

Дело стало за доказательствами. Увы, сплетни — это одно, а в храм нужно идти со стопроцентной уверенностью. Я запаслась записывающими кристаллами (благо накупила их много, каждый где-то на десять минут записи). Осталось вызвать Ираиду на откровенный разговор.

Я стала ходить на все чаепития и музыкальные вечера (раньше меня туда было не затащить), в театры и ателье. Следить за ней издали, подмечать ее привычки, предпочтения. Как заправский шпион, подсматривала за ее особняком, выучила распорядок ее дня.

Трутень. Более бесполезного существа трудно было вообразить. Просыпалась ближе к обеду, сразу в особняке начиналась кутерьма и крики — бегали горничные, суетились слуги… Несколько часов на прихорашивание — и дама выплывала на божий свет. Далее по-разному — или к портнихам, или по магазинам, или более интеллектуальное времяпровождение — сборища дам-аристократок в женском клубе, или музыкальные-литературные кружки там же… Вечерами — балы, маскарады, чаепития. Иногда во дворце, но чаще в имениях именитых вельмож. Семей, настолько богатых, чтобы организовывать ежевечерние рауты было немного, с десяток где-то, поэтому мне было не трудно выбрать из пригласительных карточек нужную. В основном, я просто ходила туда, куда и Элеонора (с утра мы с ней списывались по шкатулке).

Иногда мне везло и я попадала на балы, где видела Ираиду. Потихоньку планомерно выводила ее из себя, на мне были великолепные модные туалеты, шикарные драгоценности, на лице сияла счастливая искренняя улыбка. Я демонстрировала вид довольной жизнью богатой льеры и знала, что больше всего на свете врага убивает благополучие и успех соперницы. В ее понимании у меня было все — титул, муж, богатство, молодость, природная красота и главное — мои глаза лучились счастьем. И чем дольше я в таком виде перед ней, тем злее и несдержанней она становилась. «Ну давай же, сорвись, я жду», — молила я ее, сжимая в рукаве кристалл… Но тщетно, она крепко держала себя в руках, позволяя себе только ядовитую ухмылку или саркастическую колкость.

На этот музыкальный вечер я пришла одна, без Элеоноры. Жена казначея сказала, что соберутся одни сплетницы и пустомели. Нормальным людям там делать нечего. Значит, сделала я вывод, Ираида будет обязательно. Пришлось идти и мне. Я не могла упустить ни единого шанса столкнутся с любовницей

мужа… Вечер уже почти заканчивался, когда я увидела, что Ираида направилась к террасе освежиться. Поставив бокал на подоконник, пошла следом, сжимая кристалл в руке, тихонько сдавила грани активируя…

— Ой, — воскликнула я, — как жарко, вы тоже вышли подышать свежим воздухом, митрисс? — женщина с подозрением обернулась.

— Да, — буркнула невежливо она.

— А вы не простудитесь? — озабоченно поинтересовалась я, — в вашем возрасте нужно беречь себя.

Намек на возраст дал свои плоды. Видимо, это больная для нее тема.

— Да что ты себе позволяешь? — зашипела Ираида, — думаешь, тебе всегда будет шестнадцать?

— Ну, когда мне будет тридцать, вам же тоже будет сорок? — наивно спросила я.

Женщина вспыхнула порохом. Лицо исказилось. Ненависть, зависть, затаенная тоска и боль, все смешалось… Мне даже ее стало немного жаль.

— Кто ты?! — заорала она, — Избалованная маленькая дрянь с кукольным личиком. Тебе все в жизни досталось сразу с рождения. Тебе не приходилось бороться за свое счастье, зарабатывать репутацию, деньги…

— Позвольте спросить, — перебила я ехидно, — и каким местом вы зарабатывали это всё?

— Ах ты мерзавка! — Ираида уже была в невменяемом состоянии, я даже испугалась, что полезет с кулаками, — если ты не в курсе, то тебя скоро отошлют в дальнюю провинцию и запрут в замке, а я с Ленаром буду жить в столице, в качестве его жены, — плевалась она.

— Значит, вы с моим мужем живете как супруги?! Спите вместе? — картинно ужаснулась я, — боже мой! А как же клятвы в храме?

— Ты что, совсем идиотка? Кто же слушает эти клятвы? Ленару нужен был титул, король приказал, и он женился на тебе, а любил и любит он только меня, — самодовольно заявила женщина. Карты раскрыты и маски сброшены. Ираида даже немного успокоилась, видя мою наивную глупость.

Все. Больше мне от нее ничего не нужно. Кристалл записан, она призналась. Пора было уходить. Я сделала вид, что сильно расстроилась, даже шмыгнула

пару раз носом и побрела в зал… С чувством выполненного долга теперь можно было ехать домой.

На праздник Дня всех богов я заказала у Ортензии роскошное платье стального цвета. Как раз под свои бриллианты. Опять узкая длинная юбка, собранная в турнюр сзади, расшитый корсет, обнаженные плечи. Высокая сложная прическа с ниспадающими на плечи локонами, украшенная бриллиантовыми заколками. Даже король, увидев меня, замер в восхищении, а у него-то, думаю, богатый опыт общения с красивыми женщинами.

У меня было приподнятое настроение, я собиралась блистать. Почти все планы реализовались, скоро открытие второго ателье, в банке скопилась неплохая сумма на черный день. Меня знают и уважают (пусть на черном рынке и темные личности, но всё же хоть кто-то оценил мои умственные способности)! И кристалл с записью имеется. Что еще желать?!

Рихард весь вечер пожирал меня голодными глазами, ни отходя ни на минуту. Если у кого-то в зале и были сомнения в нашей взаимной страсти, то сегодня они развеялись. Монарх странно на нас посматривал, как будто с сожалением и жалостью. Но меня уже охватил хмельной кураж. Я кокетничала, дарила Рихарду многозначительные взгляды, безмолвные обещания. Пожатия рук украдкой, страстный шепот. Мне нравилось ощущать себя самой красивой, самой желанной, самой умной…

Мы танцевали корденс (что-то типа вальса), когда по залу пронесся единый судорожный вздох и наступила гробовая тишина. Даже музыканты, сидевшие на балконе, на мгновенье сбились с ритма. Я поискала глазами причину такой единодушной суматохи и уткнулась в ледяные глаза Ленара де Мираса, стоящего в двери бального зала. Ни единой эмоции на застывшей маске. Пустой отрешенный взгляд сквозь меня. Рядом с ехидной ухмылкой из-за его плеча выглядывала Ираида. Сердце суматошно дрогнуло и мурашки побежали по спине. Я повернулась к так же застывшему посреди зала Рихарду:

— Мы занимаемся чем-то предосудительным?

— Нет, конечно, льера.

— Так почему же вы перестали танцевать? — усмехнулась я, не давая голосу скатиться в истерические нотки.

Хотя я и не чувствовала за собой ни малейшей вины (главного-то не случилось!) всё равно было почему-то страшно до одури. Рихард повел меня в танце… А я краем глаза отмечала, как муж, словно ножом, разрезал танцующую толпу,

направляясь к трону. Я трусила, как никогда в жизни. Повторяемые про себя слова, что я не в чем не виновата, я не изменяла и чиста перед мужем почему-то не помогали. Ведь мысленно я ему изменяла не раз… Нужно, наконец, взять себя в руки и перестать трястись.

— Эльвиола, не переживайте, я вас не дам в обиду, — наклонился ко мне Рихард.

— Рихард, спасибо, но я сама разберусь с мужем. Это наши внутренние дела, — прошептала я…

Музыка смолкла, танец закончился, и Рихард под руку повел меня к моему креслу. Смотреть в сторону трона, где стоял Ленар я боялась. Нужно срочно что-то выпить, я попросила Рихарда принести вина. Он коротко кивнул и отошел, я осталась одна. Вокруг меня как будто образовался вакуум. Ни единого человека на несколько метров. Боятся, что ли? Или ждут развития спектакля? Я глубоко вздохнула и подняла голову. Разговаривая с королем Ленар пристально смотрел на меня, гипнотизируя как удав кролика. Выражение лица я так и не сумела прочитать. Но глаза полыхали. Я медленно поднялась и пошла к нему. «Тварь ли я дрожащая или право имею?…» усмехнулась про себя процитировав Достоевского…

Взгляд мужа не отрываясь, напряженно следил за моим приближением.

— Ваше величество, — я присела в реверансе, — льер де Мирас, — повернулась к Ленару, — вас так долго не было, дорогой муж, что я даже успела соскучиться, — мой голос звучал ровно и бесцветно.

— Я вижу, как вы скучали, — процедил сквозь зубы супруг.

— Ленар, друг мой, думаю, ты устал с дороги, — вклинился король деланно веселым тоном, — отдохни, поешь, завтра и приходи с отчетом.

— Конечно, Ваше величество, — поклонился муж и жестко схватил меня под руку, — а мы пока удалимся с льерой, я так давно не видел свою жену. Жутко соскучился.

На лице короля я заметила искреннее беспокойство.

— Ленар, может, переночуешь во дворце? — он что, действительно боится, что Ленар может мне, скажем, «навредить»? Слово «избить» пока не укладывалось у меня в голове.

— Спасибо, Реджинанд, но мы поедем домой, — и, дернув меня за руку, быстро пошел через зал к выходу. Я еле успевала за ним бежать. Краем глаза зацепив

решительно направившегося в нашу сторону Рихарда, резко отрицательно дернула головой «Не подходи». Но мужчина не послушался.

— Добрый вечер, льер де Мирас, — Ленар не глядя коротко поклонился, не замедлившись ни на секунду.

— Куда вы так спешите? Льера Эльвиола обещала мне следующий танец, не лишайте нас ее прекрасного общества, — голос Рихарда звучал решительно.

Бросая косые взгляды на мужа и, видя непроницаемую пугающую маску, в которую превратилось его лицо, мне было бы страшно не то, что заговорить, но даже просто встать на его пути.

— Мэт Рихард, — остановился Ленар, переведя взгляд на моего неугомонного кавалера, — я еду со своей женой домой, советую вам подумать и спросить себя, нужно ли действительно сейчас меня задерживать? И готовы ли вы к последствиям этой задержки? — Рихард побледнел. Не знаю, что он прочитал в глазах моего мужа, но если у меня от его ледяного голоса тряслись коленки, то вкупе с жутким бешеным взглядом… Рихард остался позади.

В карете мы ехали молча. Я принципиально смотрела в окно, сохраняя на лице видимость спокойствия и уверенности в себе. Сердце стучало как у загнанного зайца. Мерзкое чувство беспомощности холодило спину… Бесстрастный взгляд Ленара скользил по моему телу, на секунду останавливаясь то на лице, то на шее, то на глубоком вырезе. Я чувствовала на коже его тяжесть и обжигающий жар. Какие мысли бушевали за непроницаемой маской? Ленар мне казался всегда таким спокойным и холодным. Неужели на мужчину так повлияла ревность?

Меня повели в библиотеку. Небрежный кивок на приветствия слуг, и мы опять одни за закрытой дверью.

Я села на диван и уставилась на свои сцепленные руки. Мы молчали.

— Наверное, я сам виноват, — как будто через силу, едва сдерживаясь, заговорил Ленар, я удивленно подняла голову, — оставил молодую жену спустя две недели после свадьбы на такой длительный срок…Вам всего шестнадцать, и зная легкомыслие ваших родителей…

— Уже семнадцать, — перебила я мужа.

— Да? Поздравляю, — бросил холодно.

— Спасибо, — в тон ответила я.

Мне показалось, он не знает, как начать разговор. Что ему поведала Ираида я догадывалась, и теперь мне было интересно услышать его интерпретацию событий. То ли Ленар боялся сорваться и наговорить жестоких слов, за которые потом будет стыдно, то ли еще больше боялся услышать от меня подтверждение своих догадок, но разговор застрял.

— Я хотел бы поинтересоваться, — напряженным голосом произнес муж, — как далеко зашли ваши отношения с Рихардом из рода Реджинандов?

— Ничего такого, о чем следовало бы вам волноваться, — ответила я спокойно.

— Позвольте мне самому решать, о чем мне волноваться. Отвечайте на вопрос, — грубо бросил муж.

— Хорошо, слушайте. Несколько танцев и один поцелуй, — погибать так с музыкой.

— Может, вы не будете мне врать? — злобно зашипел муж.

Я отстранено подумала: «Что с мужчинами делает ревность! А производил впечатление холодного мало эмоционального человека…»

— Зачем тогда спрашивать, если вы уже сложили собственное мнение? Когда-то вы сами меня просили не прислушиваться к сплетням, только в отношении себя, — произнесла я.

Ленар молчал, раздумывая. Взгляд впивался острым отточенным скальпелем, препарировал, выворачивал наизнанку, обнажал, будто я сидела перед ним без одежды.

— Есть только один способ проверить, — вдруг хрипло заявил муж и направился ко мне. Я вжалась в спинку дивана.

— Что вы имеете в виду, льер? — голос таки дрогнул, как я не старалась держать себя в руках.

— Я имею в виду нашу брачную ночь, которая опоздала на три месяца… Если вы правы, вам нечего бояться. А если нет… да помогут вам боги…

— Нет, — вскочила я с дивана, и отступила назад, — я не хочу никому ничего доказывать. Или вы мне верите или нет, — крикнула я нервно.

— А воспользоваться своим правом как мужа я тоже не могу? — вкрадчиво заявил Ленар, — или вы будете избегать супружеских обязанностей всю жизнь? Как же клятвы в храме?

Я промолчала. Сказать было нечего. Я, застыв возле дивана, наблюдала за мужчиной. Ленар подошел вплотную, медленно провел горячей ладонью по моей голой руке от кисти до плеча. Мурашки тут же разбежались по телу в разные стороны. Я подняла взгляд. Лицо мужа по-прежнему ничего не выражало. Но глаза… Этот безумный сумасшедший голод я уже видела в своей жизни и знаю, что это такое. Он смотрел так жадно, ненасытно, как смотрит голодный бездомный пес на выставленный в витрине окорок. С безнадежным пониманием — это изобилие никогда ему не достанется.

Ленар хотел меня. Хотел бешено, неистово. Все его рассуждения о моей детской глупости, недалекости, кукольной внешности были не чем иным, как способом защититься. Потому как сейчас я видела его оголенную ничем не прикрытую страсть, которая сжигала его изнутри. Мы стояли так близко, что почти касались друг друга и смотрели глаза в глаза. Ленар тяжело, хрипло дышал, грудь рывками вздымалась, и я чувствовала голой кожей лихорадочный жар, исходящий от стоящего рядом мужчины. Я первая сделала шаг назад.

— Я не буду с вами спать, пока в вашей постели находится Ираида де Люция, — сказала я четко, взяв себя в руки и собрав по крупицам всю смелость, что осталась еще во мне.

Ленар вздрогнул и, как будто встряхиваясь ото сна, помотал головой.

— Вы не имеете права ничего требовать, льера, — тихим угрожающим голосом начал он, — вы сейчас не в том положении, чтобы диктовать мне какие-либо условия.

«Ну, хоть отпираться не стал, что есть любовница», — подумала я про себя. А в слух сказала.

— И чем же я отличаюсь от вас, дорогой муж? Мне, значит, иметь любовника нельзя, а вам можно?

— Я еще раз повторяю, что только я принимаю решения в нашей семье, только я распоряжаюсь деньгами и властью, только мне вы обязаны подчиняться, — отрезал мужчина.

— А то что? — с какой-то отчаянной лихостью заявила я.

— А то, что в моей власти закрыть ваши ателье, льера, прикрыть ваш милый журнальчик, разогнать вашу шайку на черном рынке, посадив дружков-подельщиков за решетку, в моей власти остановить на границе ваш караван, вышедший на прошлой неделе с контрабандным товаром и ещё много других

вещей, более неприятных. Поверьте, я смогу это сделать, не нужно меня провоцировать, — прошипел Ленар мне в лицо.

Я похолодела. Откуда он узнал по караван? Он же только пару часов в городе!

— А сейчас идите спать, льера, оставим выполнение супружеского долга на завтра. Я думаю, никаких более требований вы выставлять не будете? — вопрос был риторический, наверное. Я быстро вышла из кабинета и понеслась в спальню… Жизнь уже не казалась столь радужной.

Значит, придется выкладывать свой последний козырь… Слово матери.

Сначала я была дико зла и испугана. Потом, успокоившись, включила логику (я все-таки взрослая женщина, а не семнадцатилетняя девица) и начала размышлять. Такие мужчины, как мой муж никогда не согнутся, не склоняться перед женщиной, не уступят ни крохи своего… Вот так в одночасье, одной небрежной фразой он перечеркнул весь мой напряженный двухмесячный труд. Одно движение пальца — и все мои достижения, успехи, победы, которыми я так самодовольно гордилась — коту под хвост. Я по-прежнему пустое место. «Нет», — тут же оборвала себя: — «Не пустое. Ты хотела просто заработать денег, которые у тебя и так есть, или доказать себе, что что-то значишь сама, что сможешь чего-то достичь? Если второе — ты все уже доказала»…

Логическое мышление, как всегда, помогло. Я успокоилась и пришла в себя. У меня в рукаве был еще один козырь — бутылка с настойкой. «Хотите наследника?» — злобно подумала я — «Не дождетесь!»

На следующий день я встала с тяжелой больной головой. Полночи решала и планировала, как мне объявить мужу это самое слово богини. После вчерашнего разговора я стала опасаться Ленара, опасаться его реакции на поход в храм, на мой вынужденный шантаж. Вчерашняя грубость и жестокость мужа стали для меня откровением. С этой стороны я его еще не знала. Я не думала, что он может быть таким жестким, холодным и авторитарным. «Плебейское уличное воспитание, что взять!» — хмыкнула я злобно…

На завтрак я не спустилась, сославшись на головную боль. После отъезда Ленара тщательно оделась, накрасилась. Заплела строгую косу, закрутила узлом на затылке и попросила подать экипаж. Нужно ехать во дворец. Кристалл с записью держала в кармане. Естественно, на заседание совета меня не пустили, король и министры слушали отчет Ленара по ситуации в Остре. Я около трех часов ждала в приемной, пытаясь взять себя в руки и отчаянно дрожа. Наконец, из двери показался первый вышедший — король. Я вскочила.

— Ваше величество! У меня к вам огромная просьба, выслушайте меня! — кинулась я к Реджинанду, ломая руки.

— Конечно, льера, я выслушаю вас, чего вы хотите, милая? — мягко взял меня за руку король, видя мое нервное состояние.

— Мне нужно сказать несколько слов в присутствии вас и льера де Мираса.

— Конечно, пойдемте, Эльвиола.

Мы зашли в кабинет, Ленар за столом разговаривал с двумя министрами. Увидев нас, удивленно привстал.

— Что ты здесь делаешь, Эльвиола? — своим обычным холодным голосом поинтересовался он.

— Я попрошу всех покинуть кабинет, — зычно распорядился король, весело поглядывая на меня, он явно развлекался.

Когда мы остались втроем в кабинете, монарх кивнул мне, — «говорите, Эльвиола».

— Ваше величество, льер де Мирас. Я объявляю желание сказать слово богини в храме Суали, — меня нервно потряхивало. Я не смотрела на мужа, но даже отсюда я ощущала его удивление. Неужели он даже не предполагал, что я смогу что-то предпринять?

— Ты уверена, Эльвиола? — насмешливо спросил муж.

— Уверена, — твердо произнесла я, поднимая глаза на него. Как всегда, лицо Ленара не выражало ничего, ни единой эмоции (как это ему удается?). Глаза подозрительно блестели на жестком усталом лице.

— Хорошо, не будем заставлять ждать даму, — решительно сказал Ленар и обернулся к королю, — ты с нами, Реджи?

— Конечно, — усмехнулся король, — я ни за что не пропущу такое веселье. Так давно не происходило ничего действительно интересного.

Мы втроем вышли из кабинета. Король потребовал подать королевский выезд к парадному входу. С кучей охранников и небывалой помпезностью мы поехали в храм. Я нервно комкала платок, переживая, удастся ли мне задумка, я же ни разу в жизни не разговаривала с богиней. А вдруг она мне не ответит? Будет стыдно и неприятно. Ленар насмешливо разглядывал мое лицо. Король один из всех пытался завязать разговор, то о погоде, то о организации будущего бала

через неделю в честь заключения мирного договора с Острой. Я невпопад отвечала.

Приехали. Зашли в храм. Смотритель, увидев короля и советника растеряно застыл возле чаши с водой.

— Прошу, — ехидно произнес Ленар.

Не зная, что говорить и делать, я неуверенно подошла и опустила руку в воду, по аналогии с венчанием.

— Госпожа богиня, я пришла поговорить о верности, — начала я, — прошу, выслушайте меня и этот кристалл.

Я поставила кристалл с записью на стойку и нажала грани… Зазвучал наш памятный разговор с Ираидой. Краем глаза наблюдала за мужем. Ну… С большим толком можно было понаблюдать за витражом в окне — витраж отражал больше эмоций. Только однажды губы Ленара насмешливо сжались, когда услышал мой театральный вскрик «Так вы спите вместе???».

После окончания разговора вдруг вода потеплела и у меня в голове голос спросил: «Чего ты хочешь, девочка?». Я испуганно дернулась. Действительно, я же не подумала о желании! Самое, можно сказать главное и забыла! Мои мысли заметались, выхватывая то «Убрать из страны Ираиду», «Что бы муж стал покладистым и послушным», «Побольше денег»… В общем бред…

Единственное желание тратить на такую чепуху, как убрать любовницу? Неужели я сама, умница, красавица не справлюсь с этим? Грош мне тогда цена, как женщине. Деньги? Еще более глупо. Я сама богата и могу заработать сколько нужно… переделать Ленара? Сделать его послушным моим желаниям? Идиотизм… Человека не переделать. Да и зачем мне нужен бегающий за мной влюбленный идиот? Богиня молчала, давая мне время определиться. Я взглянула на мужчин. Вид у обоих был ошарашенным. Наверное, они оба не ожидали такого поворота событий. Шепот «Хочешь, я тебе подскажу?», — я восприняла с благодарностью. «Да», — шепнула я. И тут над куполом храма зазвучал громкий обезличенный, почти механический голос.

— Богиня приняла просьбу льеры Эльвиолы де Мирас и признала ее правомерной. Эльвиола чиста перед богиней. Льер Ленар де Мирас признан виновной стороной (я не удержалась и кинула победный взгляд на мужа) и ему вверяется искупить вину восстановлением родового замка льеров Гвеневеров — утес Крылатых.

Я застыла удивленно. Это еще что за желание? Ну богиня удружила… Помогла, называется.

Задумчиво вышли из храма и сели в карету. Мужчины выглядели реально потрясенными. А я? Не особо удивилась… С чудом я уже сталкивалась — разве моя реинкарнация не чудо?

Я вышла у нашего дома, король с советником поехали во дворец, заканчивать дела.

Если честно, от похода в храм я ожидала большего… Хотя, чем больше думая, тем больше понимала, что все, что произошло, было логичным следствием. Виноваты оба… И я с моим искреннем нежеланим исполнять супружеский долг, откровенный флирт с Рихардом, еще много чего, и Ленар, он, естественно, тоже не ангел… Так что, всё, что ни делается, то к лучшему. Только вот зачем мне восстановленный родовой замок? Хотя, это же мое приданое… Он принадлежит мне по брачному договору и Ленар не имеет на него прав. Может, в будущем все прояснится? Богиня ведь не может ошибаться…

Поужинав в одиночестве, я облачилась в ночную рубашку и залезла в постель с книгой. Привычка долгих месяцев читать на ночь не прошла даром… Но чтение давалось мне сегодня с трудом… В голове проносились обрывки вчерашнего разговора, воспоминания о Ираиде, Рихарде, грозных словах мужа… Я была бы дурой, если бы не понимала, что моя свобода и неприкосновенность закончилась. И сегодня мне предстоит в первый раз разделить постель с супругом. Еще утром я впервые выпила противозачаточную настойку и морально уже была готова… И когда решительно отворилась дверь, соединяющая мою и соседнюю спальню, я даже не вздрогнула.

Ленар молча зашел в комнату и остановился у изножья кровати, пристально рассматривая меня исподлобья. Если он надеялся увидеть испуганную трясущуюся девственницу, то просчитался, потому что девушка в кровати храбро отложив книгу в сторону, так же пристально смотрела на мужчину. Муж развязал халат и отбросил его на кушетку, оставшись стоять передо мной абсолютно обнаженным и с явно выраженным желанием. То ли он хотел меня смутить видом голого мужского тела, то ли познакомить с ним — не знаю…

Я медленно двигалась взглядом сверху вниз, скользя по широким плечам, смуглой груди, поросшей темными волосками, крепким кубикам пресса, сильным мускулистым ногам. Тело было разрисовано узорами шрамов так плотно, что по ним можно было читать летопись. Вот широкий грубый рубец на боку, несколько росчерков на животе, перекрученный страшный след на бедре, изуродованная

голень. «Почему он не идет к магам? Они же могут убрать все шрамы» — мелькнула мысль…

Видимо, не добившись от меня ожидаемого ответа, Ленар подошел и сел на кровать рядом со мной. Молча, не разрывая взгляд, откинул одеяло и задрал ночную рубашку до талии. Я тщательно следила за своими эмоциями, не позволяя ни единой лишней появиться у меня на лице. Поединок… Глаза в глаза… Мы напоминали бойцов на ринге, которые скоро начнут смертельный бой, а сейчас выискивают крошечную слабину друг в друге. Мне было даже интересно наблюдать, в каких же железобетонных клещах нужно держать себя, чтобы так сдержанно реагировать на прекрасную полуобнаженную женщину, лежащую перед ним.

В спальне стояла оглушающая тишина. Только кровь шумела в ушах и сердце внутри стучало как сумасшедшее… Наконец, его рука медленно поползла от моей коленки вверх по бедру. Горячая широкая ладонь накрыла лоно и замерла, давая привыкнуть к чужеродному теплу и давлению. Мы смотрели друг на друга не отрываясь и это молчаливое противостояние еще больше будоражило… Я отрешилась от всего, вся моя суть была сосредоточена там внизу, где его большой палец легко и невесомо поглаживал и надавливал, вырисовывая узоры вокруг входа. А когда указательный скользнул внутрь, я впервые невольно вздрогнула…

Один — ноль в его пользу…

Его голос не шептал мне на ушко слова о страсти, губы не целовали уста и шею, руки не ласкали грудь. Все было механически, расчетливо и однообразно. И это ритмичное однообразие в конце концов сделало свое дело — я возбудилась, как никогда ранее. И сдалась первой. С закушенной губой, с глухим стоном откинула голову на подушку, по-прежнему наблюдая за мужчиной сквозь полуопущенные ресницы… Его глаза пристально и немного удивленно следили за малейшими эмоциями, появляющимися у меня на лице. Он ждал истерики? Слез? Мольбы о пощаде?… Если да, то не дождался… Вдруг Ленар резко и сильно двинул вперед двумя пальцами и я почувствовала острый укус боли.

«Прощай, девственность» — хмыкнула я про себя и, не удержавшись, поморщилась… Впервые во взгляде мужа промелькнуло что-то живое, человеческое, слабое подобие сочувствия что ли? Ритмичные движения не прекратились. Теперь сильнее, глубже, невольно задевая ладонью и костяшками пульсирующее преддверие лона, то надавливая большим пальцем, то отступая. Оргазм уже был на подходе. И когда меня пронзила судорога, я закрыла глаза и глухо застонала сквозь сцепленные зубы, выгнувшись дугой.

Кто сказал, что женщине для возбуждения нужно слышать комплименты? Кто сказал, что поцелуи и ласки необходимы для наслаждения? Только что я поняла, что все мои сведения о постельных отношениях — миф и выдумки. Меня довели до разрядки одной рукой, механически и однообразно, молча, в гробовой тишине, с ничего не выражающим лицом. Уже в полуобморочном состоянии я почувствовала, как Ленар накрыл меня своим телом и стал с трудом проталкиваться внутрь. Да, гораздо сложнее и тяжелее, чем пальцы. Сильные глубокие толчки и через пару минут в тишине спальни раздается уже его тихий сдавленный стон.

Один — один…

Я опасливо открыла глаза. Ленар пристально с каким-то жесточайшим ожиданием всматривался мне в лицо, низко склонившись надо мной. Что он надеялся обнаружить? Чего ожидал?… Я по-прежнему молчала. Муж одним гибким движением освободил меня от своей тяжести и встал. Обнаженный, он небрежно взял халат, даже не потрудившись одеться, покинул мою комнату через боковую дверь, напоследок ошарашив меня видом своей широкой спины, перевитой шрамами, как паутиной. Да, война никого не красит.

Я подтянула колени к животу и свернулась в клубочек. Мысли разбегались, тело ещё было наполнено до краев одновременно и болью, и возбуждением. Я вспоминала…

Невинности я лишилась в институте на первом курсе, как и большинство моих подруг. А первый оргазм испытала уже с будущим мужем Сашей, лет в двадцать… Мне казалось, что в сексе тайн для меня уже не осталось. По крайней мере, в классическом сексе, потому что извращениями я не страдала. Пытаясь избежать рутины в постельных отношениях, с мужем мы испробовали многое — ролевые игры, игрушки, смотрели вместе эротические фильмы. Наши прелюдии длились часами.

Я любила секс. Любила момент соединения двух тел таких разных по своей природе. Проникновение друг в друга, трение кожи об кожу, запах страсти. Любила наблюдать, как мужчина в определенный момент теряет голову, и сама сходила с ума от водоворота эмоций… Но то, что я испытала сейчас с Ленаром, не идет ни в какое сравнение с бывшим опытом. Я пока не могла объяснить свои чувства. Слишком они были противоречивы и смешаны. В голове царил хаос. Может, у меня просто давно не было мужчины?..

Я не нашла ничего лучшего как прижать подушку к животу и попытаться заснуть… Что мне и удалось.

Глава 13

— Доброе утро, льер де Мирас.

— Доброе утро, льера Эльвиола.

Я придвинула к себе розетку с джемом и стала накладывать в тарелку оладьи.

— Не стоило спускаться, льера. Вы бы полежали в постели, завтрак я распорядился принести вам в спальню, — с непроницаемым видом сказал муж. Я тут же вскинула голову и огрызнулась:

— Я, что, заболела? Я не могу спуститься в столовую самостоятельно?

— Но ведь женщины обычно после… — Ленар запнулся. Боже мой, это надо было увидеть! Несгибаемый генерал смутился, как мальчишка! Никогда не сталкивался с девственницами?

— Потеря невинности — это не болезнь и не ранение, льер. Все женщины в мире проходят через это. И вы меня плохо знаете, если думаете, что такая малость могла на меня как-то повлиять, нарушив ежедневный мой распорядок, — прошипела я зло.

— Да, — медленно произнес Ленар, — я действительно вас плохо знаю…

Дальше мы продолжили поглощать завтрак в полнейшем молчании…

— Я на службу во дворец. Постарайтесь не перегружать себя работой, — неужели я почувствовала в голосе заботу? Нужно было лишиться невинности, чтобы сподвигнуть мужа на такое… — И не ходите по трущобам сегодня, у полиции планируется ежеквартальная облава на черном рынке. Ограничьтесь ателье, — и, не дождавшись моего кивка, вышел из комнаты. Это значит, что он позволяет мне заниматься моими делами? И не будет мне мешать?

Я до сих пор пребывала в недоумении и растерянности. Поэтому и немного агрессивно разговаривала с мужем за завтраком. Я не знала, как к нему относиться, после всего, что случилось… Чувства приходили в смятение, а мысли лихорадочно метались, не способные остановиться на чем-то одном… В итоге, я никуда не пошла и целый день провела в библиотеке, сидя в кресле с книгой возле затопленного камина. Только отправила записку магу, чтобы предупредил свою девушку из магической лавки и пару-тройку моих друзей на рынке об облаве…

Ждала-ждала и дождалась. Солнце уже садилось, когда послышался шум открывающихся ворот и звон подков. Приехал Ленар. Впервые так рано. Значит, будем ужинать вместе…

Мы поглощали пищу, усиленно пытаясь не смотреть друг на друга. Он в своем полувоенном строгом мундире, я в одном из любимых новых платьев. И тишина…Оглушающая, нервная, ожидающая… Слышен только стук ножа и вилки о тарелку. И дыхание… Прерывистое, тяжелое…

— Как вы себя чувствуете, льера? — хриплый голос Ленара заставил меня вздрогнуть.

— Хорошо, спасибо, — тихо ответила я.

— Ездили сегодня куда-нибудь?

— Нет, весь день провела дома, — он что, издевается? А то я не знаю, что за мной всегда по пятам следуют телохранители и докладывают о каждом моем шаге. Или они думают, что невидимы? Так надо лучше прятаться…

Ленар встал из-за стола и подал мне руку. Я молча следовала за ним, одновременно и страшась, и истово желая повторения вчерашнего… Супруг молча проводил меня до двери спальни и склонившись в коротком поклоне сказал: «Дождитесь меня, я быстро»…

Действительно быстро. Я успела только позвать горничную и раздеться, когда отворилась боковая дверь и муж в длинном темном халате вошел в спальню. С волос капала вода, я мысленно усмехнулась: «Спешил»… Горничная испуганно пискнув, выскочила за дверь, а я вздохнула и развернулась к мужу. «Прошу», — Ленар широким жестом указал на кровать и я, как послушный болванчик, забралась под балдахин…

Повторилось все то же самое, как вчера. Только теперь без боли. Одно слепящее непередаваемое наслаждение. Еще ярче, еще сильнее… Я, уже не сдерживаясь, стонала и кусала губы. Да! Я слабее! Я не могла, как муж, держать свои эмоции в гранитном саркофаге. Я женщина всё-таки, а не каменная статуя! И снова, после соития, муж оставил меня одну, а перед этим пристально и цепко вглядываясь в мои глаза.

Я даже немного обиделась, неужели ему так неприятно прикасаться ко мне, если он долго и планомерно возбуждает меня руками, а само непосредственное действо, так сказать, длится несколько минут, поспешно и быстро…

И на третью ночь я не выдержала и решила — гори оно синим пламенем! Проявлю инициативу! Как только Ленар дотронулся до меня, я подняла руки, крепко обняла мужа за плечи, притягивая, прижимая к себе, заставляя наклониться ниже, прикоснуться наконец всей поверхностью обнаженной кожи. Как приятно! Я даже замурлыкала от переполнявших меня эмоций.

Не удержавшись, сама, первая прильнула к его рту и провела языком, раздвигая губы. Ленар судорожно вздрогнул и охнул, тут же впившись в мой рот жадно и яростно, как умирающий в пустыне к глотку живительной влаги. Отчаянное безумие пряталось под жестким покрывалом самоконтроля и дисциплины. У Ленара в одно мгновение сорвало все запреты. Да и у меня тоже. Мы, рыча, катались по широкой кровати, впившись друг в друга намертво, соединившись неразрывной пуповиной, превратившись в одно целое, пылающее нечто. Губы болели от поцелуев, более похожих на укусы, грудь горела огнем, требуя внимания его рук, грубых шершавых пальцев, сильные глубокие толчки скручивали узлом внутренности. Я выгибалась дугой, запуская в его волосы руки и впиваясь губами, зубами, всей сущностью в этого мужчину. Меня накрывало наслаждением, и сладкая судорога пронизывала до самых пальцев ног.

«Моё!» — рычала внутри себя я. И находила отблеск такого же безумия в обычно холодных, бесстрастных глазах мужа.

— Не уходите, — уже проваливаясь в сон, сказала я, цепляясь за его руку.

Ленар неуверенно посмотрел на меня, как будто колеблясь, а потом со вздохом опустился рядом и крепко прижал меня к себе, спеленав руками, ногами, заслонив от всего света широким телом. И, засыпая, я вдруг поняла, что вот он, мой мужчина в этом новом мире. И пусть мои чувства пока в растрепанном состоянии, я не знаю, полюблю ли я этого человека и что будет со мной завтра, я знаю точно, что телесно мы созданы друг для друга. Ни с кем мне не было так хорошо раньше и, наверное, уже не будет. Весь он — запах его кожи, его сдержанные скупые эмоции, его сумасшедшая жажда, страсть и даже его размеры — все идеально для меня. И его авторитарность, где-то, возможно, и жестокость, в глубине души мне импонировали. Я улыбнулась и заснула.

Наши ночи превратились в неистовый чувственный пир, безумие, от которого не хотелось приходить в себя. Я не задумываясь, нырнула в этот глубокий омут с головой и просто наслаждалась. Каждую ночь. День за днем… Утром, когда Ленар уезжал во дворец, я с трудом брала себя в руки и занималась ежедневной рутиной. Ездила на собрания женских комитетов, в ателье, в банк. Я по-прежнему общалась с Элеонорой и Ортензией. Мы по-прежнему выдумывали новые фасоны для платьев, и интересные новости для журнала.

Женщины странно на меня посматривали, но не задавали вопросов. Я изменилась. Даже обсуждая с девчонками текущую работу, я была погружена в свой собственный внутренний мир, куда хода нет даже моим верным друзьям. Я вслушивалась в себя, присматривалась, принюхивалась к новым для себя ощущениям и чувствам. Тому странному горячему клубку эмоций, поселившемуся внутри…

Я уже привыкла обедать в одиночестве, поэтому удивилась, услышав шум за окном. Через мгновенье дверь в столовую распахнулась и в комнату стремительно вошел муж, на ходу сбрасывая пальто. Я испуганно спросила:

— Что-то случилось?

Но встретившись глазами с его голодным жадным взглядом, в одно мгновение охватившим меня всю, поняла…

«У меня есть час» — резко и даже грубо произнес Ленар, решительно протягивая руку. Я вспыхнула в считанные секунды и, не колеблясь, вложила дрожащие пальцы в его ладонь. Мы едва добежали до спальни. Ноги подгибались, сердце колотилось как сумасшедшее. Захлопнув дверь и даже не подумав раздеться, он подхватил меня на руки и прижал к стене, сильно и жадно впиваясь в губы. Одной рукой, поддерживая за бедра, другой задирая длинные юбки. От возбуждения меня саму потряхивало и ломало. Голос изменил мне, перестав производить связные слова — только стоны и всхлипы, жалобные, глухие, протяжные. Обхватила его ногами, оседлала, дрожащими руками расстегивая рубашку, пытаясь добраться до горячей кожи. Прильнуть губами, слизать капельки пота, укусить, впитать в себя его запах и страсть, его нетерпение… Секундная задержка, треск белья и меня наполняет до краев почти болезненное наслаждение. Его низкий животный рык и толчки, от которых немеют кончики пальцев, дрожь волнами расходится по телу, а глубоко внутри разгорается яростный неистовый огонь, который может погасить только этот мужчина.

Взрыв, экстаз, мир разлетается на осколки, и я тону в своих эмоциях, болезненных, сладостных, и где-то мучительных… Все закончилось… Нет, ещё нет… Внутри ураган… Сейчас я хочу обнять весь мир. Меня переполняет яркая, неописуемая радость, я хочу поделиться ею, открыть свое сердце нараспашку, выпустить те всепоглощающие чувства, которые рвутся наружу. Мы сплетаемся руками и ногами в единое существо, неразрывно связанное, вздрагивающее и дрожащее… Через некоторое время я сползла вниз, цепляясь за одежду Ленара. Ноги не держали. Меня всю шатало, качало и штормило.

— Что-то случилось во дворце? — хрипло поинтересовалась я, когда голос опять начал слушаться. Ленар криво усмехнулся.

— Еще полчаса назад я сидел на заседании комитета по безопасности. Обсуждали с генералом Боргусом разработку и финансирование нового вооружения — скорострельных пушек, а у меня перед глазами стояло твое лицо. Все утро. Весь день. Это какое-то помешательство, — даже немного грубо отрезал Ленар, — никогда раньше такого не было. Я не могу ни на чем сосредоточиться…

Я внимательно смотрела на мужа. Было странно слышать от него такие слова. Закрытый, не эмоциональный, скупой на признания и всегда державший чувства под запретом, муж приоткрыл малюсенький кусочек своей души… Я уже давно перестала сравнивать себя и настоящую Эльвиолу, но мне сейчас было трудно представить, как бы она отреагировала на такой «экспромт» Ленара…

— Будем обедать или…? — я поглядела на застеленную постель.

— Или, — подхватил меня на руки Ленар и понес к кровати, — у меня еще полчаса.

На бал в честь мирного договора с Острой мы пошли вместе. Рука об руку. Я надела новое темно-синее платье с черным кантом по подолу. Строгое и в то же время элегантное в своей классической простоте. Ровная, чуть расширенная к низу юбка, неглубокий вырез, узкие рукава три четверти, также расширяющиеся к низу. Гладкая скромная прическа — тяжелый узел на затылке. Длинные мерцающие серьги. В зеркале отразилась восхитительная молодая женщина. Не девочка. Но уверенная и знающая свою силу льера. Платье и убранные вверх волосы прибавили несколько годков. Плюс взрослый, твердый взгляд. Вот она — настоящая я. Слава богу, не нужно ни перед кем прятаться и притворяться. Родители Эльвиолы не посещают столицу, предпочитают развлекаться за рубежом. Элеонора рассказывала о каком-то скандале лет десять назад. То ли мой папаша был любовником покойной королевы, то ли собирался… Но наш монарх его не привечал в столице…

Ленар, увидев меня, спускающуюся по лестнице на миг окаменел. Его обычная бесстрастная маска слетела, и лицо исказила невыносимая боль. Сразу же взяв себя в руки, под жесткий контроль, он протянул почтительно руку и повел к карете. Ехали мы молча. Муж пристально рассматривал меня в полумраке экипажа, как будто физически не мог оторвать взгляд. Не мог наглядеться. Вообще Ленар не часто радовал меня проявлением своих чувств. Иногда, очень редко, я замечала в глубине его глаз робкую неуверенную нежность. Руку,

тянущуюся поддержать меня на лестнице и тут же убранную за спину. Краем глаза замечала его порыв отодвинуть меня от опасного края балкона или защитить от острого угла в коридоре… Он как будто боялся показать что-то лишнее, сразу резко отворачивался и хмурился.

Весь вечер Ленар не отходил от меня ни на шаг. Я стояла рядом, когда он разговаривал с министром финансов. Улыбалась, слушая комплименты моей утонченности и красоте от послов Остры. Смущенно извинялась за грубость мужа, когда он отказал пригласившему меня на танец канцлеру. Монарх внимательно следил за нашими отношениями, подмечая малейшие нюансы эмоций… Все вокруг только что глаза об нас не ломали. Сплетничали, шушукались, злословили… Несколько раз видела мелькавшего вдали Рихарда, так и не решившегося приблизиться. Элеонора подошла поздороваться и улыбнувшись заявила: «Я ничуть не сомневалась, что вы идеально подходите друг к другу». Я могла бы сказать ей, что все зыбко и непонятно. Что страсть и чувственное наслаждение — не залог долгого семейного счастья. Ведь страсть проходит. А что на смену? Но, думаю, она бы меня не поняла…

Ленар походил на злобного, хмурого, черного дракона, яростно сторожащего свои драгоценности. Не позволяющего никому близко подобраться и даже дохнуть на меня… Его рука вцепилась мертвой хваткой в мой локоть ни на секунду не разрывая контакт. Я слышала, как колотиться его сердце, как каменеют мышцы, выхватывая брошенные в мою сторону заинтересованные взгляды. «Вы до сих пор не доверяете мне?» — тихо спросила я, когда мы остались на минутку одни. Меня обожгли непонятным взглядом. «Я никому не доверяю, — усмехнулся иронично он, как будто насмехаясь над собой, — привычка»…

Радовало только одно — за весь вечер я ни разу не увидела Ираиду де Люцию. Элеонор на мой вопрос о любовнице мужа ответила, что уже две недели ее не встречала. То ли уехала из столицы, то ли случилось что… Не знает… Но в ее глазах плясали смешинки, заставляя меня смущаться и краснеть как девчонку…

Как только закончилась торжественная часть бала, мы быстро попрощались с монархом и приказали подать карету. Пусть все извиняют — у нас медовый месяц…

Рихарду таки удалось меня поймать на заседании комитета по благотворительности. В перерыве между докладами он решительно подошел ко мне и попросил уделить минутку. Мы отошли к окну.

— Что случилось за эти две недели, льера. Я не узнаю вас. Это ваш муж? Он принудил? Заставил? — вопрошал мужчина, взволнованно заглядывая в глаза.

— Ленар мой супруг, мет. Я полностью в его власти и не собираюсь перечить ему ни в чем, — ответила я мягко, — моя жизнь связана с ним, и я покорна его воле… — Немного не так, как в действительности, но для него сойдет. Здесь же царствует патриархат? Значит, все правильно…

— Я еще раз повторяю, что смогу освободить вас от его гнета, — прошептал Рихард. Я пристально и настороженно всмотрелась ему в глаза. Что он имеет в виду?

— Нет, мет. Меня все устраивает в наших отношениях с мужем. Я не нарушаю клятвы, данные в храме, — твердо сказала я. Конечно, не нарушаю, особенно после того, как собственными ушами услышала голос «богини»…

Вечером после ужина я сидела и расчесывала волосы перед зеркалом. Горничная облачила меня в белоснежный пеньюар и быстро ушла, наверное, не захотев встречаться с льером. Я, задумавшись, смотрела на себя в зеркало. Ленар, как всегда, стремительно вошел в комнату и тут же замер, остановившись за моим креслом. Я подняла глаза и уставилась в отражение, смотря как будто со стороны… Контраст поражал. Я — золотоволосый ангелочек в белой пене кружев, как лучик солнца, сама невинность и женственность. Он сзади, нависает темной мрачной громадиной, с жестким некрасивым лицом, тяжелым взглядом. Мой муж. Страшный, непонятный, хранящий свои секреты и эмоции под плитой самоконтроля и невозмутимости… Свет и тьма, красавица и чудовище, солнечное тепло и ледяной холод. Мы такие разные внешне и такие одинаковые внутри…

— Я всегда считал, что красота делает всех женщин капризными, непостоянными и своенравными, — произнес муж задумчиво, — красавицы, которых я встречал в своей жизни рано или поздно превращали ее в ад своими прихотями, истериками, слезами, постоянными просьбами. И я просто терпел их как стихийное бедствие, стал считать, что красота — зло… — я молча смотрела на нас в зеркале. Он говорил, а темная на фоне моего тела рука потихоньку заползала в вырез пеньюара. Широкая ладонь накрыла грудь, и пальцы начали вырисовывать узоры, касаясь подушечками вершинок, сжимая, царапая нежную кожу. Я со стоном откинула голову ему на живот, упершись затылком в твердый пресс.

— Я планировал, что если и женюсь, то лучше бы на простой, некрасивой женщине, скромной и не притязательной… А сейчас благодарю богиню, что

подарила мне тебя. Ты самое прекрасное существо, которое я видел в жизни, — его голос дрогнул, — и я… я ошибался.

Нет, ты не ошибался, дорогой муж. Если бы здесь была настоящая Эльвиола, все было бы именно так, как ты сказал. Но рядом с тобой совершенно другая женщина и я никогда не признаюсь в этом подлоге…

Я слушала его признание с полузакрытыми глазами, боясь спугнуть, такую редкую для мужа откровенность. И наслаждалась теплом его ладони, по-хозяйски бесстыдно лапающую меня под пеньюаром. Он опустился за креслом на колени и его лицо прижалось к моему почти вровень. А разгулявшаяся рука добралась до бедер. Я немного раздвинула ноги, давая возможность пальцам забраться внутрь.

Мы смотрели друг на друга через отражение. Глаза в глаза, кожа к коже. Как ему удается оставаться таким невозмутимым и уравновешенным, когда как на моем лице можно прочитать все, что угодно? Закушенная губа, лихорадочный румянец во всю щеку, томные с поволокой глаза — яркий портрет возбужденной женщины… А он?… Даже обидно… Но я наслаждалась каждой секундой, когда он со мной, во мне.

Я развратная? Да! И мне это нравиться!

Глава 14

За всеми своими переживаниями я совсем забыла про обещание, данное в храме. И как только представилась возможность, поинтересовалась у мужа, что делается в этом направлении.

— Я не забыл, — хмыкнул Ленар, — туда отправились два мага для переноса тяжелых строительных материалов и мой начальник стражи Корсар Рот, ему я могу полностью доверить любое предприятие. Он должен будет нанять людей и подготовить проект восстановления замка…

— Льер де Мирас, пожалуйста, а мы можем на денечек туда смотаться? Я ни разу не была в родовом гнезде. Мне очень интересно, — пропела я умоляюще, хлопая ресницами и с мольбой глядя на него.

— Эльви… — начал Ленар твердо, но встретившись с моими просящими глазами, запнулся, я для верности еще надула губки… Попался!

— Я посмотрю, как можно выкроить день из моего распорядка, — вздохнул муж и тут же получил сладкий поцелуй в губы. Иногда очень приятно пользоваться

своей «привлекательной внешностью»…

К замку нужно было добираться несколькими порталами, а потом еще часа два верхом. Вблизи замка больших порталов не было. Нас с охраной и экипажем встретил возле последнего портала Корсар, немолодой серьезный мужчина, бывший сержант, воевавший с моим мужем в последней войне. Я вспомнила, иногда я его встречала в доме, наверное, он заведовал телохранителями и охранниками Ленара…

Замок очаровал. Мне всегда нравилась древняя монументальная старина. А монументальнее родового замка льеров Гвеневеров я не видела ничего. Четыре тысячи лет… Страшно подумать! Отвесная скала над крутым обрывом. Внизу широкой полосой растекалась устьем одна из самых больших рек в королевстве — Лорея. Через несколько миль она впадала в северное море, но отсюда его видно не было, только ветер доносил соленый терпкий запах… Замок был абсолютно не преступен с трех сторон. С четвертой его опоясывал широкий глубокий ров, по нему текла речная вода из одного рукавов. Толстенные, шириной в четыре-пять метров стены единой отвесной массой возвышались на многометровую высоту… Мост сейчас был опущен, по нему постоянно ехали нескончаемым потоком обозы, груженные камнем, мрамором, песком, другими стройматериалами… Я замерла в восхищении…

— Утес Крылатых, льера, самая неприступная крепость во всем королевстве, да и не только в нашем, — взяв меня за руку и подтолкнув вперед, произнес муж, — даже я, изучая военное мастерство по осаде и взятию бастионов, был несказанно удивлен, не найдя ни единой лазейки… Только по воздуху можно пробраться внутрь. Пушки, которыми мы располагаем в данный момент, даже если будут безостановочно палить в одно и тоже место, не смогут пробить стену.

— Почему? — обернулась я.

— Потому, что внутри стена состоит не из камня, он только облицовочный материал, а из базальтовой скалы, плюс несколько тысячелетий назад сильные маги улучшили структуру базальта… высота стен почти тридцать метров, внутри есть естественный источник воды, несколько больших телепортов, способных поставлять замку еду и необходимое оборудование, но не достаточных для переноса людей. На стенах и крыше размещены метатели огня и пушки, пусть и не современные, но в боевом состоянии…

Пока Ленар рассказывал мне о крепости, как учитель на занятиях по ГТО, я с открытым ртом крутила вокруг головой. Крепость поражала воображение. Мы

казались мелкими незначительными букашками, стоя во дворе замка.

Но все-таки несколько сотен лет разрухи и запустения выглядывали из всех дыр. Стены были почти в порядке, а вот замок… Выбитые окна, гуляющий по коридорам ветер. Полуразрушенная восточная башня зияла прорехами в крыше и провалами глазниц… Дел было много… Я не мешала мужчинам, собравшимся в огромном холле замка и обсуждавшим ремонтные работы. Что-то чертили, спорили, доказывали… Командирский голос Ленара периодически выдергивал меня из полусонного состояния…

— Льера, здесь есть несколько приличных комнат, отдохнете с дороги? — ко мне подошел Корсар. Я с благодарностью улыбнулась…

— Спасибо, меттер, с удовольствием, — мужчина повел меня наверх, краем глаза зацепила внимательный взгляд мужа, провожающего нас… «Эх… полный контроль с моей стороны и полное подчинение с твоей», — процитировала мысленно Розалинду из «Летучей мыши»… Только наоборот.

Проснулась я от пристального тяжелого взгляда. Так и есть. Напротив кровати сидит Ленар и рассматривает меня, сверкая глазами в полумраке комнаты…. Несколько минут я просто смотрела на него в ответ… Что за мысли все время тревожат его? Что скрывается за напряженными сжатыми губами? Почему побелели пальцы на подлокотниках кресла? Но я знаю, как бороться с вашей хандрой, дорогой муж… Я откинула покрывало, протянула в его сторону руку и поманила пальцем, растягивая рот в соблазнительной улыбке.

Не в силах сопротивляться моему зову, Ленар с безнадежным вымученным стоном склоняется надо мной и я, запуская ладони в его короткие жесткие волосы, притягиваю к себе хмурое лицо. Целую вертикальную складку на лбу, тяжелый колючий подбородок, провожу языком по крепко сжатым губам, они вздрагивают и раскрываются мне навстречу. Сдался… Всегда сдается… Мой несгибаемый, железный генерал…

Уже засыпая, на границе сна и яви я услышала тихий голос…

— Я знаю, ты меня никогда не полюбишь… Твоя ослепительная красота — это непреодолимая стена между нами… — я даже проснулась от неожиданности… И стала внимательно прислушиваться к голосу… — Ты соткана из солнца и света. Ты прекрасна как весна, как сама любовь… — он иронично хмыкнул, — Раньше я думал, что мне безразлично. Женившись на самой красивой девушке королевства, думал, что мне достаточно только титула, наследника и супружеского послушания… Я жестоко ошибся… Уже недостаточно… — он немного помолчал и хрипло добавил, — я схожу с ума только от одной мысли,

что тебя обнимал другой мужчина, целовал эти губы, — и обвел контур моего рта большим пальцем, как будто стирая след…

— Это было один раз и давным-давно! — пискнула я возмущенно, — вы тогда вообще еще с Ираидой встречались…

— Да… Ираида… Ты просто генерал в юбке, — усмехнулся Ленар, отвлекшись от грустных мыслей, — провела компанию по устранению противника по всем правилам военного искусства… Я был в восхищении и сдался, особенно после похода в храм… И где ты разыскала эту древнюю легенду?

— Добрые люди помогли, — буркнула я обиженно… — а что мне было делать? Вы не хотели ничего слушать. Такой грозный, суровый… Кричал… Я испугалась…

— Я тогда был просто в бешенстве… Как подумаю, что ты могла… — он громко выдохнул, — Нет. Не хочу вспоминать.

— И не нужно, — я прижалась к теплому телу, обнимая, — доверяйте мне хоть чуточку…

— Это трудно, — задумчиво произнес муж, — иногда мне хочется запреть тебя в замке и не выпускать лет десять… — Ленар крепко обнял меня, — но я буду учиться…

Я улыбнулась, засыпая… Мой странный тридцатичетырехлетний мужчина, знающий все о женском теле, но совершенно ничего не знающий о женской душе. Его неуклюжие робкие ухаживания… Если бы мне действительно было семнадцать, я бы ни за что не догадалась, что он делает… Теплая меховая накидка в карете, чтобы обернуть мои ноги в тоненьких туфлях. Когда я однажды, почти в шутку, засыпая прошептала «Оставьте ночник, я с детства боюсь темноты», через день пришел маг и не оставил ни одного темного уголка в нашем доме, понатыкав светильников в таких труднодоступных участках, даже в подвале и на чердаке… Любое мое слово, пожелание, сказанное мимоходом, становилось командой к действию, обязательной для исполнения. В следствии, я стала тщательней следить за тем, что я говорю… Его странные подарки… Иногда просто сумасшедшие по своей цене драгоценности появлялись на будуарном столике… Или древние книги, которым по тысячи лет… Когда однажды я попыталась сказать, что «Не нужно… Ужасно дорогие подарки. Зачем?».. Меня обожгли такой смесью обиды, гнева, упрямства, что я больше не выступала… Пусть дарит… Я не знала, что делать с этим закомплексованным мальчишкой, таким неуверенным в своей привлекательности для меня… Как заставить его доверять мне? Он думает, что я никогда его не полюблю? «Скорее всего ты уже опоздал, дорогой муж»…

На обратном пути, Ленар мне рассказал свои задумки по поводу ремонта. Он решил пойти дальше приказа богини и не только восстановить замок, но и превратить его в самый красивый, роскошный, уютный дом на свете.

— У нас должно быть родовое гнездо. Оно останется нашим детям. Старшему льеру. По сути, у меня никогда не было настоящего дома… Только казенные комнаты во дворце. А наш особняк я купил готовый с обстановкой у разорившегося аристократа, когда узнал, что король собрался меня женить, так что утес Крылатых идеальный вариант, — говорил он с вдохновением и страстью, а я внутри сжималась от вины, так как по-прежнему пила настойку…

Когда однажды Ленар не приехал ужинать я не слишком взволновалась. Ну, мало ли какие были причины? Король задержал, устал на заседании… Но когда на часах пробило полночь, а мужа все не было, я встревожено заметалась. Последний месяц Ленар каждую ночь проводил со мной, чтобы не случилось, чтобы не произошло, он возвращался в наш особняк. Я поняла, что не успокоюсь, пока не разузнаю, что случилось и велела запрягать экипаж. Я была в его апартаментах во дворце и шла туда уверенно и решительно. В голове крутилась единственная мысль, увижу с ним Ираиду — прибью обоих… Оказалось все одновременно и проще и ужаснее. Подходя к комнатам советника, я увидела толпящийся народ в коридоре. Слуг, телохранителей, полицейских. Увидев меня, все почтительно застыли в поклоне. Я, не глядя ни на кого, ворвалась в комнату и обнаружила окровавленного Ленара, лежащего на кровати и двух магов-лекарей, склонившихся над ним.

— Что случилось? — севший голос перестал слушаться… — Что произошло?! — заорала я громче. И увидела, как муж немного привстал с постели.

— Уже все нормально, — ответил пожилой седой лекарь, — все позади, советник жив и здоров, — помолчав, добавил, хмыкнув, — относительно…

Я подлетела к кровати, охватывая сразу бледное лицо мужа, прокушенную губу, кровь на одежде и простынях, обнаженную до бедра ногу, перетянутую широкими бинтами.

— Что случилось, что? — шептала я лихорадочно, боясь к нему дотронуться, чтобы не сделать больно…

Ленар внимательно смотрел на меня блестящими сухими глазами и молчал…

— На советника было произведено покушение, — заговорил наконец доктор, — его карета подорвалась на самодельном взрывном устройстве, но все уже в порядке, — добавил поспешно, что-то такое страшное увидев на моем лице… —

Кучер погиб, двух лошадей разорвало на части. Советнику повезло, только сотрясение и осколок рессоры проткнул ногу… Так что, льера, — седой старичок снисходительно посмотрел на меня, — вытрите слезы и умойте мужа, вон он как на вас смотрит…

Оказывается, я плакала? Даже не заметила… Я знала, что такое металлический штырь протыкает ногу. И сколько остается времени до смерти, если повреждена бедренная артерия. Не более нескольких минут.

Я тяжело опустилась на кровать, рядом с Ленаром… Руки дрожали так, что я их спрятала за спину, сцепив в замок, чтобы никто не заметил… Глупая, думала, что он мне изменяет… Врач выгнал всех из комнаты, попросил принести теплой воды и полотенец… Мы раздели до белья Ленара и смыли кровь.

Старичок что-то успокоительно лопотал, похлопывая меня по плечу:

— Будет как новенький ваш муж, льера, даже лучше, чем был, уж поверьте старому магу…

Я вымучено улыбнулась…

— Спасибо.

— Ну что вы, так приятно видеть такую заботу и любовь между супругами, давно уже не наблюдал такого, — бормотал врач.

Я удивленно застыла. «Какую любовь?» — подумала ошарашено. «Где он ее увидел?»… Смотреть на мужа я боялась, иначе опять разрыдаюсь, и так глаза на мокром месте. У меня всегда после стресса неустойчивое нервное состояние…

Мы укрыли советника покрывалом, и я пошла провожать доктора в коридор.

— Завтра я приду днем на перевязку. Постарайтесь не давать ему вставать хотя бы до обеда. Я заштопал сосуды и склеил разорванные мышцы, но, если он встанет на ногу швы разойдутся и опять все сначала, — дедушка тяжело вздохнул, наверное зная характер советника.

— Не переживайте меттер, я не дам ему встать с кровати, — пообещала я твердо.

— Я не сомневаюсь в вас, льера. Берегите его и себя. До свидания… —Доктор пошел по коридору, а я открыла дверь в спальню… Раздеваясь, я чувствовала кожей пронзительный взгляд мужчины, лежащего на кровати.

— Ты остаешься? — хрипло и как-то удивленно спросил он.

— Конечно. Вы выгоните жену в два часа ночи на улицу? — попыталась отшутиться я… И забралась под одеяло с другого конца кровати, уткнулась лбом в его плечо и замерла, успокаиваясь и немного расслабляясь… Ленар обнял меня одной рукой и подтянул к себе ближе…

— Кто это был? Есть какие-либо зацепки? — спросила я.

— Пока не знаю. Но узнаю обязательно, — жестко сказал мужчина и у меня пробежались мурашки от ледяных интонаций в его невозмутимом голосе…

Следующее утро я провела, ведя тяжелую и изнурительную осаду, удерживая мужа в кровати… Я чуть ли не ложилась на него сверху, пытаясь не дать ему встать, на что он обрадовано прижимал меня к себе с недвусмысленными объятьями. Еле-еле дождалась мага-врача, отбиваясь от развратных рук, уворачиваясь от жадных губ. Нога заживала хорошо, и к вечеру маг разрешил на нее наступать и потихоньку ходить с тростью. Я в который раз восхитилась медициной в этом мире.

Прошла неделя. Пока все было тихо и спокойно. После покушения король посоветовал Ленару удвоить охрану или переселиться во дворец, который охраняет королевская гвардия… Я по-прежнему помогала Ортензии, Рите и Мари, только уже не ходила на черный рынок… Смысл? Себе я все доказала, а видеть, как Ленар переживает и беспокоится за меня, не хочу. И так за мной постоянно таскаются четверо телохранителей, только распугают подельщиков…

Я стала задумчивая и пассивная. Друзья меня не узнавали. Я столкнулась с непонятными и новыми чувствами и теперь присматривалась к ним, как к иноземным шпионам, пробравшимся ко мне в замок.

Что такое страсть — я знала, еще из своей прошлой жизни. И не раз сама испытывала ее. Но то, что происходит сейчас со мной… Это какое-то помешательство. Я все время хочу его видеть, ощущать его кожу под своими ладонями, все время слышать его голос. Наши ночи… Невесомое кружево, сотканное из ласковых поцелуев и нежных касаний, и одновременно — военные баталии, где ни один из нас не хочет сдаваться на милость победителя. Никогда не думала, что можно так раствориться в человеке, спаяться в одно единое существо, ненасытное, жадное, порочное. Абсолютное единение мыслей, движений, синхронный танец двух тел, поворот рук, единый вздох, всхлип. Кажется, еще немного — и я стану телепатом и буду угадывать его мысли…

— Что происходит с нами, Ленар? — мой тихий шепот в спальне. Только так, под покровом ночи я могла вызвать мужа на откровенность. Днем он одевался в свою обычную непроницаемую броню, которую не пробить при всем моем желании…

— Чтобы это ни было, я не хочу, чтобы оно заканчивалось, — ответил Ленар, — я схожу с ума от тебя, — выдохнул мне в шею, — я все время думаю о тебе. Я вижу тебя, сидя в кабинете, твой голос звучит у меня в ушах на совете министров, я прислушиваюсь к твоим шагам в коридоре…. Это ли не безумие?

Утром нам приходилось заставлять себя разъединяться. Рвались нити, накрепко сшившие нас за ночь, склеившие нас крепче магического клея. Одно единое цельное существо в болезненных мучениях раздваивалось на два. Как Ленар мог идти работать после, я не знала. Сама я до обеда ходила сонная и не способная самостоятельно одеться.

Я понимала, что это не нормально и долго не продлиться. Страсть проходит… Да и я совершенно не знаю своего мужа. Что он любит, что ненавидит. Какая самая любимая была игрушка в детстве, и кто научил его читать и писать. По какой причине он пошел на войну в подростковом возрасте и кто была его первой любовью. Есть ли у него родные, отец, мать, братья, сестры? Он не отвечает на мои робкие попытки приоткрыть таинственную завесу его биографии, а я чувствую, что врастаю в него, хочу залезть ему в голову, под кожу, узнать все о нем… Естественное желание для женщины. Не правда ли?

Как всегда утром, проводив взглядом выехавший за ворота экипаж, увозящий мужа во дворец, я достала настойку. «Уже половина осталась», — отрешенно подумала я. «Нужно потом будет где-то раздобыть еще»… Мысли плавно переключились на Мари (именно она мне и доставала настойку), потом на журнал… И когда резко распахнулась дверь в спальню, я все так же задумчиво стояла возле будуарного столика с бутылкой…

— Я забыл свои бумаги… — начал говорить муж, входя в комнату, но только до того момента, пока не увидел настойку в моих руках… Я окаменела. Как я могла пропустить шум открывающихся ворот???

— Это то, что я думаю? — обожгло ледяными иголками от его тихого невзрачного голоса… Я молчала… Что я могла сказать? Как оправдаться? Как объяснить мужчине, что отвергаешь самое ценное, что у него есть — его семя?

Я застыла как кролик перед удавом… Неприкрытая слепящая ярость била наотмашь… Он медленно подошел и забрал бутылку из ослабевших пальцев… В глазах горела такая жгучая ненависть и отвращение, что мне показалось, он меня сейчас ударит, и это навсегда встанет между нами… Нет… Сдержался… Я закрыла глаза, чтобы не видеть его бешеного взгляда. Грохот разбившегося стекла… Удаляющиеся шаги…

— Постойте. Я объясню, — начала я судорожно выискивать оправдания. Ленар замер у двери, не оборачиваясь.

— Помните, как мы венчались? Я не знала вас, в первый раз видела. Мне про вас рассказывали много всего ужасного… Я боялась… Мы же были врагами! Помните? — мой нервный голос скатывался в истерику… Ленар помолчал…

— То есть, вы и сейчас считаете меня своим врагом? — тихо и жутко произнес он и вышел за дверь.

Я села в кресло и закрыла лицо ладонями. Мне было страшно, плохо, обидно. Чувство вины, в то же время уверенность в своей правоте, сомнения… Все разрывало на части… Может, нужно было довериться мужчине? Может, я зря так долго тянула и колебалась? Может, это и была моя «настоящая цель» в этом мире — стать женщиной, женой, матерью? Голова пухла от мыслей. А перед глазами стояло искаженное нестерпимой болью и разочарованием лицо мужа…

В этот день Ленар так и не приехал ночевать… Я всю ночь сидела с раскрытой книгой в кресле, чутко прислушиваясь к шуму на улице, пока не отключилась уже под утро. Потом, правда, муж опять стал ужинать и ночевать дома, но больше не приходил ко мне в спальню…

Понятно… Обиделся… Неделю я металась, не зная, как извиниться, как вернуть то тепло и доверие, что было раньше… Если я обращалась к нему за ужином, меня обжигали ледяным взглядом и холодным отпором. Вопросы игнорировал или отвечал так скупо и бесстрастно, что спрашивать ничего более не хотелось. Он ждал… Извинений? Я не умела извиняться. По крайней мере раньше…

В итоге я решила сделать единственную вещь, против которой у него не было ни единого шанса. Я абсолютно твердо знала, что Ленар меня хочет. И если остальное он мог от меня скрыть, то это — никоим образом.

Я одела, подаренный Ортензией комплект из магических кружев. Замоталась в несколько прозрачных шарфов, накинула сверху плащ (чтобы слуги не испугались, если случайно встретят в коридоре) и пошла в библиотеку… Танцевать я любила и умела это делать… Бесчисленные дискотеки в студенческие годы, стриптиз-клубы, куда мы ходили как с девчонками, так и вместе с Сашей, если и не научили меня профессионально танцевать стриптиз, то, хоть показали основные движения…

Молча, сосредоточенно зашла в комнату. Ленар сидел за письменным столом и что-то быстро писал… Удивленный взгляд исподлобья несколько изменился, когда я заперла дверь и сбросила плащ на пол… Я больше не смотрела на мужа,

иначе растеряюсь и все насмарку. Я сконцентрировалась на будущем танце… Сначала нажала на грани записанного на балу кристалла с любимой музыкой (десять минут должно хватить… больше, увы, танцевать не смогу), потом решительно взяла стул и поставила посреди комнаты… Надеюсь, все получиться…

Плавно качнула бедрами, разворот, прогиб… Ладонями погладила шею, провела по краю груди, талии. Как это часто бывает в танце, рано или поздно я увлеклась и отрешилась от всего. Только музыка и тяжелое дыхание мужчины, сидящего за столом…

Первый шарф улетает в угол, приоткрыв кусочек изысканного белья. Судорожный вздох. Я мысленно улыбнулась. Действует… Второй шарф стелиться по телу, оплетает бедра, медленно сползает между ногами и также падает на пол. Теперь я только в коротеньком корсете и панталончиках. Кожа мерцает в свете магических светильников. Полуприкрытые глаза, закушенная губа. Резким движением головы я откидываю назад волну распущенных волос. Сажусь на стул, широко раздвигая ноги… Мои ладони сжимают грудь, приподнимая ее. Пальцы начинают медленно распускать шнуровку… Это скрежет зубов?… Почти победа!

Я оставила корсет полуспущенным, грудь была чуть прикрыта, ещё не обнажена… Я помню из уроков прошлой жизни, что больше всего возбуждает не голое тело, а полуобнаженное, а я собираюсь довести мужа до невменяемого состояния… И это мне почти удалось. Те хрипы, которые доносятся со стороны стола, уже не похожи на дыхание. Это агония. Я по-прежнему не смотрю на Ленара… Я сама уже едва держу себя в руках… Моя рука ползет по бедру. Как приятно, оказывается, себя ласкать, особенно если представить, что это его руки… Я со стоном откидываюсь на спинку стула, а пальчики начинают расстегивать застежку панталон. Я всей поверхностью кожи чувствую желание мужчины, его жар, его нетерпение, ожидание. На мгновение бросила в сторону мужа взгляд из-под ресниц… Все! Я пропала! Белые, вцепившиеся в крышку стола пальцы. Искаженное лицо. Горящие безумным светом глаза… Я сама больше не могу…

Осталась, может, еще минута мелодии, я двинулась к его столу. Одним жестом сдвигаю на край бумаги, спиной сажусь на столешницу и плавным движением разворачиваюсь в его сторону, широко раздвигая ноги, ставя ступни на подлокотники кресла. Опираюсь руками сзади на стол, приподнимая грудь, пристально, вызывающе и развратно смотрю ему в глаза, предлагая себя… Тело бьет крупная дрожь. Музыка закончилась, а вместе с ней и видимость его невозмутимости. Ленар вскакивает, пару секунд — и я вздрагиваю от резкого,

глубокого, почти болезненного проникновения. И почти сразу меня накрывает такая сильная разрядка, что я кричу его имя, вцепившись мертвой хваткой в его плечи.

Корсет мне оставили, а от панталончиков осталось одно воспоминание… Оказывается, шкура перед камином мягкая и удобная. И спать на ней тоже можно, особенно когда тебя заключают в крепкие теплые объятия, оплетают руками и ногами и горячо дышат в ухо… Мы провалились в сон, когда уже небо над городом начало светлеть, измученные, уставшие и бесконечно счастливые…

Извинения удались на славу. Ленар сказал за завтраком, что если я ещё в чем-то виновата, даже в самой незначительной провинности, то он не против еще раз меня простить… А улыбка была такая хитрая и заразительная. Почему я раньше никогда не замечала, как он улыбается? Это же безотказное смертоносное оружие, бьющее наповал…

«Ну вот, стоило только перестать пить настойку и я попала точно в яблочко… Точнее, попал муж», — вздохнула я.

Когда через несколько недель не пришли регулярные очистительные дни, я на секунду испугалась. Но потом… Я уже полностью доверяла своей судьбе. Той дороге, которая привела меня сюда. В этот мир, к этому мужчине. Значит так тому и быть…

Старичок маг, лечивший мужа, меттер Тадер, подтвердил мои предположения… Пару раз он приходил к нам в особняк после покушения, чтобы приструнить Ленара и посмотреть ногу… А потом, неожиданно для себя стал у нас довольно частым гостем. Иногда приезжал на ужин, иногда поиграть в стоун-кро (что-то типа шахмат). Меттер раньше был одним из личных врачей королевской семьи и пользовался известностью и уважением в столице… А у нас ему нравилось. Он часто говорил, когда мы сидели втроем за ужином, что от такого светлого чистого чувства, единства душ и мыслей, какое он видит между нами, ему становится теплее на душе, и он эгоистически пользуется своим положением, впитывая эти эмоции, как живительную влагу.

— Девочка моя, у вас будет прекрасный малыш, не переживайте, — похлопал он меня по руке, — вот увидите, все будет замечательно. Ваш муж сделает всё возможное и невозможное для вашего благополучия, вы же знаете нашего советника, — ухмыльнулся он многозначительно…

В тот же вечер я рассказала Ленару о ребенке. Мы еще вздрагивали от пережитого наслаждения, по коже еще проносилась дрожь, мокрые обнаженные тела еще не остудил прохладный воздух, когда я решила «порадовать мужа».

Ленар тут же откатился на край кровати от меня подальше.

— Мы больше не будем спать вместе, — сдавленно произнес он, — это может повредить ребенку…

— Кто вам такое сказал? — возмущенно заявила я, — это отсутствие любви и тепла может повредить ребенку, а уж никак не супружеские отношения.

— Хорошо, я проконсультируюсь с Тадером. А ты начинай утром собирать вещи. Мы переезжаем во дворец.

— Почему??? — я аж привстала на кровати. Что-то после, как я надеялась, счастливого и радостного признания о ребенке, меня все больше поражают и огорчают странные выводы мужа…

— Так надо, там ты будешь в безопасности. Дворец охраняет королевская элитная гвардия, — отрезал он.

— Но я не понимаю, зачем? У нас прекрасный уютный дом… Или я чего-то не знаю? — я впилась в Ленара испытующим взглядом. На одно крошечное мгновение его взгляд изменился. Но потом он невозмутимо произнес:

— Ничего не случилось, просто так будет лучше.

Но я уже немного научилась читать его скупые эмоции, чтобы понять — он соврал…

Собираться я, конечно, начала… Неизвестно, какие тараканы у Ленара в голове, лучше ему не перечить… А сама вызвала на допрос врача, когда он пришел к нам вечером. Пока муж переодевался после работы я, как профессиональный следователь, допрашивала доктора. Оказывается, на советника было совершенно еще два покушения. И только чудом он опять остался жив. Когда карету изрешетили пули, Ленар наклонился за упавшим карандашом. А когда экипаж прямо на улице окружила толпа откуда-то взявшихся бедняков, в количестве аж двадцати человек, сам отбивался шпагой от вооруженных до зубов «страждущих»…

И опять был ранен в ногу. А я-то думала, что он хромает, потому что устал и разболелась старая рана. Каков подлец! Ленар попросил Тадера не говорить мне ничего, всё же обошлось… Я была в гневе… Ничего, мой скрытный, невозмутимый муж, я заставлю тебя доверять мне!

К двум комнатам, закрепленным за советником, нам добавили еще несколько, под мой будуар, столовую и общую гостиную. Я, как могла, превращала безликие

холодные дворцовые палаты в уютные комнаты. Домашние покрывала, несколько любимых картин, ваз, статуэток. Книги, та самая памятная шкура и опять перед камином…

Ленар приходил теперь и на обед, и на ужин. Дворец был огромен, и жилое крыло занимало самую небольшую его часть. А я сходила с ума от безделья. Муж не выпускал меня в город. Ни в ателье. Ни на рынок. После того, как он узнал о ребенке, Ленар превратился в одержимого тирана и самодура. Ортензия и Мари, чтобы со мной увидеться, должны были записываться на прием в канцелярии. Элеонор пока приходила без проблем… Но чаще всего я сидела с книгой одна и общалась с друзьями по шкатулке… Я внимательно прислушивалась к зреющей внутри меня жизни… Думала, размышляла. Гуляла по дворцовому парку, погруженная в себя, в свой внутренний мир…

Я уже давно поняла и приняла свою любовь к этому непростому человеку, моему мужу. Закрытому, нелюдимому, упрямому. У меня болит сердце, когда я вижу, как он приходит уставший и голодный с очередного заседания. Когда засыпает прямо в кресле, а недоеденный ужин остается на столе. И я не знаю, как помочь ему, как снять хоть часть бремени с его плеч.

Почему я, всегда ценившая свои удобства и благосостояние превыше всего и всех, сейчас судорожно ищу способ облегчить его тяготы, с радостью и удовольствием, обеспечиваю ему домашний уют и комфорт?.. Все, что могу, что в моих силах… Мне хочется оградить его от трудностей, приковать к себе стальными цепями, быть рядом каждую секунду. Но понимаю, что привязывать к себе такого человека нельзя, да и невозможно. Слишком он уж гордый и самодостаточный. И если удастся сделать из него послушного раба, это уже будет не тот, человек, которого я люблю, которым восхищаюсь…

У всех по-разному рождается любовь… У одних она вырастает из случайных, но ежедневных встреч в офисе. У других — зреет годами, пока они сидят за одной школьной партой и день за днём смотрят на один и тот же коротко стриженный затылок впереди. А у кого-то она вспыхивает мгновенно — с первого взгляда, при случайной встрече в метро.

Моя любовь родилась на шелковых простынях, в полумраке спальни. И она не пошлая, и не порочная. Не ошибочная, и не дефектная. Она — настоящая, светлая и прекрасная.

Потому что сейчас внутри меня сияет огромное жаркое солнце, и мне хочется делиться его теплом со всем миром, с каждым человеком.

— Дорогой муж, — начала я грозно за завтраком, — если вы мне не найдете какое-нибудь занятие, я не знаю, что сделаю! — в конце я почти орала, — сколько мне можно сидеть и читать? Я уже знаю историю нашего государства чуть ли с основания. Я прочитала о выращивании зерновых культур в северных районах, о применении магии в сельском хозяйстве и быту. Я изучила географию и астрологию. Я перечитала все стихи и более-менее приличную романтическую литературу… Я больше не могу, — вздохнула я тяжело и наивно похлопала ресницами. Проверенный способ…

Ленар с усмешкой наблюдал за моим выпадом… И внутри, наверное, забавлялся…

— Хорошо, — как-то подозрительно сразу согласился он, — я сейчас работаю над законопроектом — реорганизация социальных учреждений, школ, детских домов для детей-сирот, лечебниц, домов для одиноких стариков… В общем нужно убедить совет в необходимости выделения финансирования… Ты сможешь помочь…

— Что нужно делать? — тут же загорелась я, ни секунды не сомневаясь, что мне под силу все, что угодно, я же умненькая девочка!

— Будешь редактировать и править мою речь перед собранием. Я набросал черновик, а заниматься ей некогда, лучше я еще посижу над законом… Наших толстосумов убедить в чем-то очень проблематично… Ты же выпускала журнал? — я поспешно кивнула — еще передумает! Правда, я никогда не занималась политикой, но «не боги горшки обжигают», правда?

Ленар мне выделил стол в своем большом кабинете в канцелярии. И я стала по несколько часов в день работать на короля…

Корсеты я перестала носить почти сразу же, как узнала о ребенке. Ортензии, наконец, пришлось сшить мне несколько платьев из серии «ампир», в греческом стиле. Высокая талия, перевязанный под грудью поясок. Ниспадающие мягкие складки, делали совершенно незаметным мой небольшой животик. Скромный «учительский» узел на затылке, несколько локонов, опускающихся на обнаженные плечи. Широкий палантин. Я опять стала законодательницей мод, показавшись в этом наряде, под руку с Ленаром на королевском обеде. Дамы заохали, как же без корсета! На что меттер Тадер произнес многозначительно, что корсет вредит внутренним женским органам… И опять к Ортензии потянулись клиентки…

После блестящей речи на заседании совета, Ленар начал потихоньку давать мне работу. Возможно, убедился в наличии у меня таланта, возможно, ему было

спокойнее и приятнее, когда я сидела рядом, в кабинете, под его надзором… Зато теперь и у меня появились рычаги влияния… Он перестал пропускать обеды и ужины. Потому что я отказывалась идти есть в свои комнаты без него… Мне поручили писать статьи в королевский еженедельник. Проправительственные, так сказать… Разъяснять простому люду политику короля, совета. Кратко излагать принятые законы и указы… И многое другое… Я чертила графики и диаграммы для его выступлений, ввела в обиход алгоритмы и блок-схемы… Ленар удивлялся откуда у меня такие креативные идеи, я отбивалась тем, что люблю придумывать и рисовать…

Вот так спокойно и тихо шли дни, недели, месяцы. Страсти утихли, наступила полная семейная идиллия. Мы с Ленаром понимали друг друга с полу взгляда, чувствовали друг друга, как будто у нас одно общее тело на двоих. Я иногда пугалась сверхъестественности этих ощущений. Когда у него начинала болеть голова, я подходила к письменному столу мужа, становилась позади кресла и запускала пальцы в его волосы, массируя кожу. Растирала круговыми движениями виски, ласково терла кончики ушей. И боль стихала… Он сам никогда не говорил, что у него что-то болит, или он устал, или расстроен. Меня огорчала и обижала его скрытность, но я понимала, что уже не переделаю этого человека. Да и незачем…

Наши ночи теперь были наполнены лаской и нежностью. Такой пронзительной и трепетной, что у меня выступали слезы на глазах, видя молитвенное выражение лица, когда он склонялся к моему животу. Бережно, едва касаясь рисовал узоры на коже. Невесомо и осторожно вел по дороге к наслаждению… И я не скажу, что это было хуже той безудержной звериной страсти, которая сжигала нас… Я знала, что страсть не вечна… И была права — не вечна… Она сгорела, переплавилась в огненном горниле в эту душераздирающую нежность и заботу…

— Я давно хотела тебя спросить… — я расслабленно полулежала на подушках и играла волосами Ленара, голова мужа уютно устроилась у меня на коленях, — что это было в первые дни наших супружеских отношений? Как понимать эти кратковременные приходы, до пояса поднятую ночную рубашку? — я не удержавшись, хихикнула… Ленар, похоже смутился… Видеть его порозовевшие скулы было так необычно и приятно… Что-то такое теплое шевельнулось внутри…

— Я… — начал неуверенно он… — в общем, поначалу я не знал как… А так как с Ираидой было именно так… Точнее, она хотела так… — я уже не сдерживаясь смеялась…

— То есть, — я зажимаю себе рот ладонью, чтобы совсем не опозориться… — то есть ты с ней??? — уже смеюсь в открытую, — все время???..

— Ну да, — смутился окончательно муж, — она говорила, что аристократы все так…

— А зачем тогда пальцами? — охнула я.

— Ну я же не зверь… Тебе же было бы больно… Раньше, до Ираиды, у меня была вдова купца. Простая женщина, не привередливая, с ней было нормально…

— Я не хочу знать, кто был у тебя раньше, — резко и раздраженно оборвала я Ленара… — и как было…

— Я не монах, — тихо и твердо ответил муж, поднявшись с моих колен, — и уже давно не мальчик. Я не скажу, что вел разгульный образ жизни — война и государственная служба забирают почти все свободное время. Но у меня есть прошлое, были женщины, немного, но были… и я не скрываю этого… — я смутилась. Ведь и я, честно говоря, не идеал. Если взять настоящую меня, то и вообще…

— Прости, — прошептала я, обнимая, — конечно, они у тебя были. Иначе, как бы ты смог достигнуть таких высот? — польстила я ему, засунув ревность подальше… Ленар внимательно и напряженно смотрел на меня.

— Я хочу тебе сказать, — он запнулся, — я… ты… очень нравишься мне, — с трудом выдавил он, — и ты единственная и сейчас и… Всегда будешь единственной…

Да… с признаниями у нас не очень… Но ничего, я заставлю тебя когда-нибудь признаться мне в любви, дорогой муж… А пока мне хватит и этого…

— Конечно, единственная, — перевела разговор в ироничное русло, — я же самая красивая девушка в королевстве — сам сказал… — я улыбнулась, — и у тебя не было выбора… Давай-ка спать, муж мой…

Однажды вечером я сидела за своим столом и размышляла на тему создания журнала для детей…

Сосредоточиться не удавалось, крепкая двойная дверь оказалась слабой преградой для воплей и криков, доносившихся с заседания, проходившего в соседнем кабинете. Ленар встречался с главными магами королевства. В западной провинции Лескан разразилась красная лихорадка. Чтобы зараза не распространялась, несколько областей оцепила гвардия, порталы закрыли…

Лекари и знахари сбились с ног, пытаясь остановить заразу… Маги же, по-прежнему сидели с своих особняках, принимая только тех больных, которые были способны заплатить за лечение немалые деньги… На простых умирающих людей им было плевать. Я уже не раз обсуждала с мужем заносчивость и эгоизм этих «кудесников», он так же, как и я, был страшно зол на сложившуюся ситуацию…

И это его крик сейчас я слышу из-за двери…

— Если через неделю в провинции останется хоть один заболевший, я обещаю вам такие репрессии, что гонения на магов тысячелетний давности вам покажутся детскими разборками. Вы будете бесплатно работать на государство, я заберу вас все полномочия и льготы. Магические школы теперь будут только под надзором правительства… Каждый маг не то, что не сможет покинуть страну, в которой родился, но и город, где будет прикреплен. Если понадобится, я надену на каждого рабские браслеты, — орал Ленар… Я слышала по голосу, что муж на пределе… Мне самой было ясно, что нужно менять устои тысячелетней давности, маги зажрались.

Когда через час муж вошел в наш кабинет, я решила дать ему время остыть — на нем лица не было. Некоторое время Ленар ходил из угла в угол, потом сел за стол и уставился ничего не видящим взглядом в горящий камин… Если я правильно поняла из разговора, ему удалось отправить магов в Лескан… Но окончательной победой не пахло… Я пристально смотрела на мужа…

— Ты что-то хотела, Эльви? — немного раздраженно произнес Ленар… Понятно, еще не отошел от заседания…

— Да… Я хотела сказать, что люблю тебя, Ленар де Мирас… — спокойно и тихо ответила я. Зачем держать внутри себя те слова, которые давно уже рвутся наружу? Особенно, если они могут сделать человека немного счастливее, немного увереннее в себе, немного радостнее… — Очень люблю…

Если мне хотелось отвлечь его от тяжких дум — мне это удалось… Взгляд Ленара стал ошарашенным и растерянным… Я встала, подошла к креслу и забралась к нему на колени…

— И не нужно мне ничего говорить. Просто знай это… — я смотрела мужу в глаза и так приятно было наблюдать за сотней разнообразных эмоций, проносившихся у него на лице…

Недоверие, осторожная робкая радость, сомнение, сосредоточенность, желание верить, маленький огонек надежды… Мое признание на минуту пробило брешь в

его защите и увидела настоящего Ленара, того мужчину, которого я люблю… Маги были забыты в одно мгновение… И если я не услышала сегодня вечером от него словесного признания, то его руки и губы мне сказали достаточно…

Глава 15

Короля и наследника я видела редко. Монарх полностью самоустранился от правления и передал полномочия советнику. Если раньше Ленар был его правой рукой, то теперь стал и левой, и ногами, и головой… Ходили слухи, что он тяжело болеет. Я удивлялась, при такой продвинутой магической медицине в этом мире, можно еще болеть? И кому? Самому богатому и влиятельному человеку в королевстве? На мой вопрос Тадер отшутился и быстро закрыл тему… Я не стала копать дальше, потому что у меня своих переживаний было достаточно. Шел девятый месяц беременности… Я отяжелела и уже работала в наших комнатах, в жилом крыле дворца. Ленар со своими неизменными бумагами, записями, книгами и папками переселился за мной…

Нота протеста от Остры появилась в правительственной шкатулке под утро. Почту разбирал секретарь Ленара и сразу заметил толстый тяжелый конверт с вензелем императора Вакариуса. Императором он самодовольно именовал себя сам, так как империей это государство назвать было сложно. В Остре до сих пор процветало рабство. Правда, не только в ней одной. Но именно в этой стране рынки рабов были самые многочисленные, жестокие и кровавые. Захватническая политика государства, которую вела Остра, много раз вызывала проблемы и беспорядки на нашей границе. Набеги небольшими группами, воровство детей, женщин… А после того, как в последней войне генерал Ленар де Мирас захватил и присоединил к Лореляй приличный кусок Остры, мы стали для них врагом номер один… А советник — первым обидчиком и агрессором.

— Тебе нельзя туда ехать, — шептала я мужу вечером, когда Ленар ознакомил меня с безумными требованиями Вакариуса, — пусть едет генерал Богрус.

— Я не могу. Это моя прямая обязанность, ведь именно я подписал тот мирный договор более полугода назад, нужно во всем разобраться, а я почти, что замещаю монарха. Реджинанд во всем полагается на меня… — тихо ответил муж, усадив меня на колени…

— Надо было в прошлой войне полностью захватить Орстру и присоединить ее всю к Лореляй, проблем бы сейчас было меньше, — пробурчала я…

— Наверное, ты права, — хмыкнул весело Ленар, — в следующий раз так и сделаю…

— Нет уж, никаких больше войн, — перебила я… — Я так сильно боюсь за тебя, — что еще я могла сказать? Испуганная беременная женщина, не желавшая ни на секунду отпускать от себя мужа…

— Ты уедешь в утес Крылатых. Там все готово — замок полностью восстановлен, набит припасами под завязку, оснащен лучшим вооружением. Углубили ров, поменяли механизмы моста, на стенах и крыше поставили скорострельные пушки. Маги настроили горячее водоснабжение и освещение комнат. Теперь там лучше, чем во дворце. Ты будешь в полной безопасности. Тадера я отправлю вместе с тобой, — его тихий голос убаюкивал, а руки ласково гладили волосы, плечи, спину. Губы нежно дотрагивались до век, стирали слезинки со щек.

— Я стала такая паникерша, — сквозь слезы улыбнулась я, — прости, мой генерал. Я просто хочу, чтобы ты был рядом… Ленар, по своему обыкновению, ничего не ответил, только так крепко и отчаянно прижался к моим губам, что слезы потекли еще сильнее…

— Хочешь, расскажу тебе сказку? — убаюкивая и качая меня в кресле, прошептал Ленар, — Сказку о маленьком мальчике, который никому не доверял, — я кивнула и замерла, вся превратившись в слух, даже всхлипывать перестала, чтобы не спугнуть откровенность… — Родился малец на юге, в небольшом городке, почти на границе с одной беспокойной страной… Мать его была шлюхой и работала в борделе… Почему она оставила ребенка? Одна богиня знает, может, поздно заметила, может, хотела стать матерью, может, рассчитывала, что будет девочка и продолжит её дело… Отца мальчик никогда не знал, потому что и мать его не знала. В детстве мальчик часто мечтал, сидя на чердаке, что его отцом был родовитый берг или военный генерал, или даже аристократ. Что отец не ведает, что у него есть где-то сын, а если бы знал — непременно приехал бы и забрал к себе… Детские наивные мечты… В борделе мальчонка жил до шести лет, насмотрелся всякого… — Ленар на миг замолчал, как будто вспоминая… — я сидела уткнувшись в сцепленные пальцы и старалась не дышать, ведь я поняла, кто этот мальчишка! — А потом его мать решила немного подзаработать, так сама уже была не очень востребована, и продала торговцам людьми в соседнюю страну за один золотой… Она была первым в его жизни человеком, который предал… Потом было много разных других, но почему-то это предательство было самым тяжелым… — ещё бы, подумала я, какая бы не была, мать все-таки… Ленар продолжал: — Мальчику не повезло сразу же. Его, вместе десятью такими же бедолагами разного возраста от трех до десяти лет, купил маг-отщепенец, занимавшийся исследованиями и опытами над людьми. Мальчик прожил у него долгих четыре года и стал единственным, кто выжил из той первой группы… Он так страстно хотел жить, что научился

хорошо прятаться, лгать, маскироваться. Притворяться больным, ущербным, придурковатым… Научился скрывать любые эмоции и желания, потому что маг был не только умным и зорким, но и больным психопатом, жертвы он отбирал по только одному ему известному принципу… Это жутко, наверное, когда полностью зависишь от другого человека, в полной его власти… — Ленар замолчал, задумавшись на минуту, — я ненавижу рабство и буду по мере сил искоренять его везде… ну да ладно, вернемся к нашей сказке… Рабский ошейник не давал мальчику сбежать с фермы… Он ограничивал, как поводком, расстояние, на которое можно удаляться от дома… Тем временем, мальчик взрослел и к безумной жажде жизни добавилась еще одна — жажда к знаниям, жажда увидеть мир. Он тайком брал книги в библиотеке мага и рассматривал картинки… Его несказанно очаровал тот огромный чудесный мир, который простирался вокруг… И когда хозяин взял его с собой, как подопытного кролика на представление своим коллегам-магам нового заклинания, мальчик верно решил, что с конференции живым ему не вернуться…Это был единственный шанс сбежать, так как в первый раз с него сняли ошейник… В общем, не буду тянуть, сбежать мальчику удалось. Правда, он сразу же попал в банду к разбойникам, но все лучше, чем у полусумасшедшего мага… Там он научился воровать и драться, до крови, до смерти, до последнего вздоха… Он был очень удачливым и быстрым, помогли уроки у мага, но всё равно однажды его поймали на воровстве и выпороли кнутом на площади… Не до смерти, так как ему было всего двенадцать, но достаточно сильно, чтобы неделю проваляться в горячке… Его так называемые друзья из банды даже не попытались спасти… — я мысленно охнула — вот, оказывается откуда шрамы на спине, значит не война всему виной…

— Короче, у мальчонки были какие-никакие мозги, и он справедливо решил, что пора из банды делать ноги… Первым делом он перешел границу и покинул столь негостеприимную для него страну… Год он скитался, бродяжничал, попрошайничал. Превратился в одинокого злого волчонка, скрытного, загнанного и вечно голодного… Пока однажды удачно не залез в сад одной пожилой дамы, которая оказалась вдовой военного генерала. Женщина была бедна и жила на пособие от государства… У нее мальчик прожил почти четыре года и это были самые счастливые годы в его жизни. Она ему стала одновременно и матерью, и бабушкой, и учительницей, и наставницей. Она научила его читать и писать, давала уроки этикета, воспитывала и одевала в меру своих возможностей и сил… Но и она предала мальчика, отправившись в долгое путешествие в один конец…

Ленар замолчал. Я тихонечко гладила его руку, положив горячую ладонь себе на живот.

— А что дальше? — спросила, устав ждать.

— Дальше…. После смерти вдовы пришли приставы и забрали дом и все вещи, а мальчик, точнее, теперь уже юноша оказался, снова на улице… Но теперь он не был беспомощным и жалким… Он твердо знал, чего хочет в жизни, и отправился в единственное место, где можно быстро прославиться и заработать денег — в армию. Вдова много рассказывала ему о ратных подвигах, воинской службе… Страна, в которой он жил, как раз начинала долгую военную компанию, и юному добровольцу очень повезло, что никто не обращал внимания на его возраст, биографию и отсутствие документов. Юноша придумал себе новое имя и снова начал новую жизнь… В армии ему понравилось. Там регулярно кормили, одевали, учили обращаться с оружием, защищать спину товарищу и не бросать в беде… А главное, там был закон, один на всех — кто сильнее, тот и прав… На войне не было никаких колебаний, размышлений, раздумий. Только вперед, только победить. Или ты, или они… Мальчик был быстрым, умным, наблюдательным и очень целеустремленным… И сообразил, что чтобы выжить здесь, нужно быть лучшим. Лучше всех стрелять, фехтовать, бегать, прятаться… А когда его командир пал на поле боя и некому было вести отряд в атаку, восемнадцатилетний пацан повел остатки роты на штурм… Может, сыграл фактор внезапности, может, отчаянье и безрассудная смелость, но они взяли это укрепление… Удача любит храбрых… Его заметило командование и пошло-поехало…

— А дальше, что дальше? — спросила я, когда Ленар опять надолго замолчал, — стал ли мальчик счастливым, осуществились ли его мечты?

— Дальше, — произнес задумчиво он, — почти все планы мальчика реализовались, он стал знаменит и богат, у него есть власть, сила, влияние… Он забрался почти на самую верхушку… Судьба благоволит к нему в последнее время… Столько прекрасных подарков, что иногда мальчику становится страшно…

— Почему? — прошептала я.

— Потому что падать с такой высоты — это гарантированно разбиться насмерть…

— А мальчик еще в жизни хоть раз встречался со своей матерью? — меня почему-то мучил именно этот вопрос.

— Да… Встречался… Спустя двадцать лет после того, как покинул свой родной город, он въехал в него героем, после окончания войны… Но с матерью встретился только на кладбище, где она нашла пристанище в общей могиле для

бедняков…

— Грустная какая-то сказка у вас получилась, муж мой… — сказала я, и помолчав, добавила, — а мне нечего тебе рассказать. У девочки было все скучно и банально до зубовного скрежета…

— Я знаю, — усмехнулся Ленар, — я знаю всё о моей девочке…

— Откуда? — тут же всполошилась я, — кто?

— Когда король настоял на помолвке с Эльвиолой из рода Гвеневеров, я отправил шпионов в замок. Не думала же ты, что я куплю кота в мешке, хотя особого выбора не было… льера брачного возраста в стране была одна… — Ленар нахмурился, — единственно, чего я никогда не смогу простить девочке — это ее попытки самоубийства…

Он многозначительно замолчал. Мне даже стало стыдно за мою легкомысленную предшественницу… Не скажу же я «Это она, это не я!»… Так что пришлось просто скромно потупить глаза и крепче прижаться к мужу…

Ленар сам переправил меня порталами в замок, с собой я почти ничего не брала, только одежду и немного драгоценностей… Всё равно, что понадобиться, маги доставят. Попрощалась с Ортензией, Элеонор, девчонками. Извинилась, что в последнее время была слишком занята своими семейными проблемами и совсем отошла от дел. Пообещала писать по шкатулке.

Родовое гнездо льеров действительно преобразилось. Великолепные ковры покрывали каменный пол, роскошная мягкая мебель украшала гостиные и залы. Портьеры из дорогого шелка и атласа драпировали высокие окна. Моя спальня поистине была произведением искусства. Холодное серебро стен и нежный цвет сирени на кровати и будуарных столиках. Белый пушистый ковер, небольшой камин из мрамора кремового оттенка. Живые цветы в изящных вазонах… Я замерла в восхищении… Эту красоту не мог сделать простой дизайнер, работающий за деньги, тут чувствуется рука любящего человека.

— Признайтесь, дорогой муж, вы присматривали за ремонтом? — обернулась я к Ленару.

— Ты такая проницательная, льера де Мирас, — и поцеловал в кончик носа.

Тадер должен был приехать через неделю. Ленар мне оставлял свой верный отряд телохранителей, человек двадцать во главе с Корсаром. «Я ему полностью доверяю», — сказал напоследок муж. А сам засобирался в дорогу. Что я могла? Биться головой о стену, стеная «Не уезжай»? Закатить истерику как базарная

торговка? Встать в дверях, раскрыв руки, не пуская? Сказать, что меня терзает плохое предчувствие?

Я загнала свои ужас и панику глубоко внутрь и улыбнулась:

— Мы с твоим сыном будем ждать…

Ленар должен был идти до границы с Острой порталами, а потом, взяв из приграничного гарнизона отряд, ехать дальше. Дипломатическая миссия от императора Вакариуса ожидала его в Ардене, ближайшем к Лореляй городе, где и пройдут переговоры… Через два дня я получила последнее письмо от мужа… «Добрался нормально. Сейчас на границе, отбираю отряд телохранителей. Завтра выезжаем. Береги себя. Ленар»…

Первые пару недель молчания я старалась не переживать. Не известно, как там работают шкатулки и есть ли они в Остре… Если бы с дипломатическим корпусом что-то случилось, королю бы сразу стало известно… Я через Элеонор узнавала новости и сплетни из столицы. Она писала, что пока все тихо и спокойно, а если что узнает — сразу сообщит.

Меттер Тадер выбрал себе прекрасную комнату с видом на залив реки и наслаждался ничегонеделанием, попутно успокаивая меня, что если бы случилось что-то, я узнала бы об этом первая… А волноваться мне на последних неделях беременности противопоказано… Я же старалась не думать о плохом, гуляла по двору, читала, готовилась стать матерью… Сейчас это было самое главное…

Со столицы порталом переместили наши с Ленаром вещи. Любимые картины, статуэтки, дорогие вазы. Я с удивлением обнаружила в одном из мешков ту самую белоснежную шкуру, на которой мы зачали сына. Откуда она взялась? Я попросила положить ее в кабинете перед камином. И всегда по-глупому улыбалась, заходя в комнату и видя ее…

Родила я легко. Может отменное здоровье льеров помогло, может врач-маг, но пару часов несильных схваток я просто читала книгу и слушала музыку (записанных кристаллов я набрала целую кучу)… Потом пришлось немного потрудиться и вспыхнула новая жизнь, расцвела ярким волшебным цветком. А главное — громким пронзительным криком, потрясшим наш замок до основания.

Смуглый, черноволосый карапуз лежал в колыбельке, хмурил тоненькие брови и сжимал кулачки… Несколько часов от роду, а уже копирует отца… Неужели из нашей любви с Ленаром получилось это чудо? Так странно… Я удивленно и даже испуганно смотрела на сына, сытого и довольного, а на его правом предплечье

медленно сворачивал кольца голубой вьюнок лер… Тадер сказал, что советник зря переживал, я со своей льерской кровью родила бы одна в чистом поле и без какой-либо помощи…

Шкатулку завалили поздравлениями, а портал побольше в подвале — подарками. Меня поглотили заботы о малыше, но где-то на краю сознания острым когтем царапало беспокойство и тоска, отравляя ядом, не давая полностью раствориться в материнстве… Где он? Что с ним? Иногда просто до тошноты становилось плохо, дико болела голова, паника охватывала сердце… Элеонор отвечала, что в столице тихо. Остра не провоцировала никаких военных действий, на границе тишь да гладь. Шпионы молчат. Ленар благополучно добрался до Ардена, второго по значимости города Остры, где его должен был ждать император… Я пыталась пригасить тревогу и держать себя в руках. Не бегать истеричной бабой, заламывая руки, стеная где мой муж… Я должна быть достойной женой и льерой… Но иногда, когда страх и смятение не давали заснуть, я сидела целую ночь возле колыбельки и искала знакомые черты любимого мужчины в его сыне…

Мой маленький наследный льер бил все рекорды по умению держать себя в руках. Никогда не плакал, не кричал. Только хмурил брови и тихонечко сердито сопел, когда приходило время кушать. Я назвала его Даней, Данькой, Данилой, то есть по-здешнему — Даниэлем… Более тихого и спокойного ребенка не видел свет, часто повторял Тадер. Я выпихивала старого доктора в столицу, чтобы он хоть что-то разузнал о советнике, но пока не получалось. Маг не хотел уезжать из замка…

А через две недели после родов пришло письмо от маман.

«Дорогая моя девочка! Поздравляю тебя. Наконец, ты освободилась от этого ужасного брака. Мы все за тебя рады. Всего-то немногим больше года помучилась и все, теперь ты богатая молодая вдова…»

Дочитать письмо я не смогла, потому что на этих строчках я хлопнулась в обморок…

Два дня я провалялась в горячке, периодически выплывая из темного душного марева, чтобы опять нырнуть в глубину… Хорошо, что Тадер остался и не уехал из замка, иначе все было бы гораздо печальнее… На третий день я встала с кровати с твердым намерением во всем разобраться… Я запретила себе думать, что Ленар погиб. Привыкшая в прошлой жизни доводить все до логического завершения, до точки, убедила себя, что он жив… Иначе, какой смысл во всем этом? В моей реинкарнации, в моем воскрешении здесь?

За время моей болезни Даньке в срочном порядке нашли кормилиц, двух молодых крестьянок из соседней деревушки и предложили им с семьями переселиться в замок. Их мужьям пообещали хорошую работу с огромным, по меркам крестьян жалованьем, а женщин с детьми разместили в отдельных апартаментах… Тадер постарался… Молоко у меня перегорело и даже льерская кровь и могучее здоровье не помогло… Я похвалила доктора за оперативность, так как сама я собиралась ехать в столицу на аудиенцию к королю…

Письмо от маман я в итоге дочитала… Оно мне сильно помогло встряхнуться, доведя до бешенства и красных мушек перед глазами. В основном в нем содержалась радость по поводу «избавления» и почти что приказ приехать домой под крылышко родителей (видимо, со всеми деньгами, доставшимися мне от покойного мужа). Маман уже намекнула, что подобрала мне еще один «выгодный брак»… «А как же сын?» — хотелось спросить мне эту двуличную стерву… Про ребенка в письме не было ни слова…

Здоровая злость не дала мне погрузиться в меланхолию… Отдав распоряжения Корсару, кормилицам, оставив двухнедельного малыша на Тадера, я уехала в столицу. С собой взяла только Юли (личную горничную) и двух телохранителей. Вечером мы с Ортензией, Мари, Ритой собрались в моем столичном доме… Я одним движением руки прервала хор искреннего сочувствия и жалости от моих друзей…

— Я не верю, что мой муж погиб, — решительно заявила я… Я загнала панику и тоску глубоко внутрь и решила, что пока не увижу могилу Ленара, буду считать его живым… Мне всегда казалось, что та сверхъестественная связь, соединившая нас, должна была дать мне знать, если бы он действительно умер.

— Но, Эльви, в столицу приехала делегация Остры с неопровержимыми доказательствами… Сержант, оставшийся в живых, рассказал, что видел своими глазами, как завалило ущелье, через которое ехал отряд советника… Обвал был такой огромный, что проход не поддается восстановлению и его решили не откапывать… Все, кто ехал в центре, а карета с советником и была там, погибли мгновенно… — Ортензия разговаривала со мной, как со слабоумным младенцем, осторожно и заискивающе…

— Я слышала эту историю, — холодно заявила я, — и не верю острийцам ни на тар… — упрямства мне было не занимать… В этом мы с Ленаром были два сапога пара…

На следующий день, пробившись во дворец на аудиенцию, я увидела похудевшего и постаревшего монарха, потухший взгляд, многослойные мешки

под глазами на красивом лице смотрелись отвратительно… «Ему тоже плохо, его лучший друг пропал», — подумала я.

— Ваше величество, я отчаянно прошу у вас помощи, — склонилась перед монархом в низком поклоне, заглядывая в его грустные глаза, — я прошу послать в Остру отряд по поиску моего мужа, вашего советника…

— Встань, Эльви, — вздохнул король, — думаешь, я не сделал уже все, что в моих силах? За эти три недели, прошедшие с того момента, как Ленар пропал, я отослал тьму шпионов всех мастей, следопытов, несколько отрядов, но все как один твердили, что советник погиб…

Я застыла… Вот значит, как… Хорошо, Тадер, отлично Элеонор… Предатели… Молчали три недели, когда я исходила от беспокойства и тоски… Я же чувствовала, что произошло что-то плохое… У меня так болело сердце и душа… А они твердили, что все спокойно… Если бы не маман, её «счастливое поздравление». С другой стороны, я тут же их оправдала. Я должна была родить со дня на день и неизвестно, как бы на меня повлияло известие о пропавшем муже.

— Ваше величество! — воскликнула я убежденно, — я верю… Нет, я знаю, что Ленар жив! Я чувствую это.

— Льера, я бы вам посоветовал взять себя в руки и не тешить беспочвенными надеждами… — голос монарха зазвенел сталью, он резко перешел на официальный тон, заставив меня ниже склонить голову, — я слышал, вы родили недавно прелестного малыша… Вот и занимайтесь им и не лезьте в мужские дела… Настоятельно вам советую смириться с потерей, как смирился я… И некоторое время пожить в утесе Крылатых… Позже я решу, что с вами делать…

«Еще один вершитель судеб», — ругалась я, несясь по дворцовым коридорам. «Сначала маман решает мою судьбу, теперь монарх.

Я что, племенная кобыла?».

В тот же вечер я уехала из столицы в свой замок. Заехать к родителям у меня не возникло ни малейшей мысли… Я рвалась к сыну, к родному человечку, вместившему все мои надежды и радости. Каждый день без него — пустой день. Без света, без любви, без тепла…

Глава 16

Как я не была зла на Тадера и Элеонор, я поняла их скрытность и желание меня защитить. И не стала упрекать. Что случилось, то случилось, нужно было решать, что делать дальше…

Можно, конечно, смириться, жить в тепле и уюте в замке, стараниями Ленара превращенного не только в неприступную крепость, но и в самый прекрасный расчудесный дом. Наслаждаться материнством, воспитывать сына, смотреть, как он растет, учиться ходить, говорит свои первые картавые слова… Но, когда Данька вырастет, что я скажу ему на вопрос «Где мой отец?»… Как посмотрю ему в глаза и поведаю, что его мать спряталась от трудностей в добротном замке и приняла судьбу, навязанную обществом и королем… Да, кстати, еще неизвестно, что задумал монарх… Если ему придет в голову отдать меня замуж еще за кого-то?

Наверное, я смогла бы, пусть через время, но забыть Ленара. Возможно… Я же взрослая женщина, трезвомыслящая и рассудительная… Какая бы ни была сильная любовь и всепоглощающая страсть, проходит и она… Был в моей жизни и такой опыт. После развода с Сашей год я грустила и маялась. Было плохо, больно, тоскливо, но как это не прискорбно, время, действительно лечит…

Через несколько лет я бы встретила мужчину, возможно, влюбилась бы снова… Но, сейчас, оставшись в замке, ничего не предприняв для поиска мужа, плывя по течению и склонив голову, я так останусь «нейтральной»… «Поэтому, уважаемая льера, отрывайте свою аристократическую задницу с дивана и сделайте поступок с большой буквы — найдите мужа! Отца вашего ребенка и вашу любовь», — грозно приказала я себе.

«Если судьба тебе преподнесла такой роскошный подарок, как настоящую любовь, то такие дары отвергать нельзя. Это великая ценность, уникальная и редкая. Таким не разбрасываются… Такое берегут и лелеют как зеницу ока»…

Ведь любить — это не только получать… Внимание, нежность, заботу, страсть от любимого мужчины… Но и отдавать то же самое. И если сейчас ему нужна моя помощь, нужно брать в руки оружие (иносказательно) и идти воевать. Он бы сделал то же.

Денег у меня было навалом. Управляющий финансами моего мужа прислал мне отчет и копию завещания — все имущество Ленара отходило мне и его ребенку… А имущества у него было достаточно… Кроме огромной захваченной у Остры в прошлой войне богатой территории в дельте реки, были еще копи в Азаоре, где добывали самые прекрасные и чистые бриллианты в мире, несколько заводов по производству пушек и мушкетов, флот из тридцати кораблей и многое-многое

другое…

«Вы ничего не получите, льеры. Только через мой труп» — послала я мысленную посылку жадным родителям, они до сих пор бомбардировали мою шкатулку письмами и приказами… Но я не ваша дочь и мне плевать на ваши угрозы.

И стала собираться в дорогу…

Узнав, что я задумала, вокруг поднялся многоголосый истеричных хор… А я-то надеялась, что мои друзья поддержат меня. Никто не верил, что Ленар жив, никто не верил мне, что я его найду… Тадер назвал меня идиоткой. Элеонор написала, что я сошла с ума. Даже Ортензия осторожно намекнула, все ли у меня в порядке с головой, просила одуматься и остаться в неприступной крепости. «Остра — кровавое рабовладельческое государство, ты будешь там в смертельной опасности» — увещевала она… Один Корсар сказал, что поддержит и отберет из отряда лучших телохранителей для меня. А то генерал ему не простит, если что случится с его женой.

Я ответила, что гарнизон замка расформировывать не нужно, защита понадобиться им здесь, когда я уеду… Тем более, я оставляю здесь сына. Пусть лучше найдет мне наемников, для которых честь не пустой звук. Возможно, из бывших вояк. Человека три, больше не нужно. Чтобы не привлекали внимание, и смогли войти в портал вместе со мной. Корсар уехал собирать по своим каналам людей, я же начала писать письма и договариваться о поставках в замок продовольствия и других необходимых вещей… Причем заключала договоры с разными поставщиками, даже с полулегальными… Чтобы случайно не оказаться в безвыходном положении, если кто навредит и обрубит одну ниточку… Пусть лучше будет избыток продуктов, чем замаячит даже призрачная угроза голода…

Письмо от Рихарда я уже получила почти перед самым отъездом.

«Любимая (ну не наглец! — подумала я). Теперь уже я могу называть вас так… Мое сердце всегда принадлежало только вам одной, моей единственной прекрасной льере. Самым большим счастьем было бы прижать вас к своей груди и осыпать поцелуями. (Ага, где же ты был год? Бегал от одного взгляда Ленара, как ошпаренный). Но не хочу показаться слишком настойчивым… Вам же нужно сделать вид, что у вас траур (как это — сделать вид?)… Я же обещал вам, что освобожу от гнета мужа (что это значит??? неужели он замешан в пропаже Ленара?). С вашими родителями все давно договорено… Как только траур закончится, они нас благословят и мы поженимся (моего согласия, видимо, никто не собирается спрашивать в очередной раз). Люблю вас больше жизни, Эльвиола»… И много еще в этом роде.

Значит, сделала вывод я, выбора у меня нет. «Или на щите, или со щитом»… То есть, или я нахожу Ленара, или меня насильно опять выдают замуж… Третьего не дано… Почему-то в последнее время у меня сложилось стойкое неприятие к Рихарду. К этому смазливому двуличному хлыщу…

Как хорошо, что я не бросилась в его объятья в свое время! Как хорошо, что меня остановила интуиция, не дав развиться нашему роману… Я подозревала, что кто-то стоит за теми покушениями, кто имеет зуб на Ленара, кто занимает высокое положение и имеет деньги… Хоть на мои вопросы по поводу покушений муж и отнекивался, но по своим каналам я узнала, что след ведет во дворец. Пусть не было веских и прямых доказательств причастности Рихарда, я чувствовала свою вину. Сама того не желая, я давно, ещё в самом начале, дала ему повод. Повод думать, что могу быть с ним…

Нашего доктора уговорила остаться в замке, с Данькой. Пусть и немолодой, но все-таки маг в доме. Написала с десяток писем приблизительно одного содержания «У меня траур. Не хочу никого пока видеть. Оставьте меня в покое». Отдала Тадеру, чтобы он, по мере надобности клал в шкатулки, если уж совсем припечет родителям или монарху.

Для всех я остаюсь в замке и грущу… Только самые близкие друзья знали про мою задумку. Конверт с распоряжениями в случае, если не вернусь, отослала Элеонор… У нее трое взрослых детей, значит, ей можно доверить воспитание моего мальчика… Сердце сжалось от боли… Я выбросила из головы упаднические мысли и все время повторяла: «У меня все получится. Я люблю Ленара и найду его».

В общем, мое умение и страсть к планированию помогли мне взять себя в руки и распределить все мои действия. Оборону замка, поставку продовольствия, письма, то успокаивающие, то печальные, то злые поручила отправлять Тадеру в ответ на родительские или монаршей поползновения. Попросила управляющего финансами перевести по несколько тысяч золотых в разные международные банки… Во все соседние страны… Если не хватит взятых — буду снимать по мере необходимости.

Корсар приехал через неделю вместе с десятью наемниками. Как он сказал — отобрал лучших из лучших. Я пригласила всех в гостиную поговорить. Мне нужно было не более трех человек.

— Уважаемые, — твердо сказала я, — мне необходимы люди для поиска мужа. Остальные останутся в замке и присоединятся к гарнизону. Я уверена, здесь собрались истинные профессионалы своего дела, но кто в силу своего характера

или привычек не может подчиняться женщине — тем мимо. С каждым я заключу контракт. Я плачу большие деньги и буду требовать полного повиновения и отдачи. У троих, которых я отберу, дополнительно попрошу клятву на крови. Теперь пусть отойдут назад те, кто против подчинения женщине, — только двое мужчин «в возрасте» вышли за дверь.

— Хорошо, — я подошла ближе, внимательно всматриваясь в глаза наемников, указала на темноволосого мужчину с жестким умным лицом (представился Конрадом), молодого худощавого парня, с холодными глазами убийцы (в нашем мире лучшим прозвищем ему было бы киллер. А здесь его звали Рема) и мускулистого мощного наемника, с такими бицепсами, какие я видела только у Шварценеггера (Вилс)… Этих троих я пригласила в кабинет и дала стандартный договор телохранителя.

— Вознаграждение за работу — тысяча золотых, — мускулистый присвистнул, остальные сдержанно кивнули, — если мы найдем моего мужа — вознаграждение увеличивается в пять раз.

Мужчины ошарашено застыли. Пять тысяч — это была невероятная сумма. За эти деньги можно было купить роскошный особняк в столице или приличную доходную ферму…

— Сколько мы его будем искать? — спросил темноволосый, — есть ли какие временные рамки?

— Думаю, пока заключим договор на три месяца, — отрезала я, — если не найдем за это время, я найму других. Думаю, в ваших интересах сделать все, чтобы я его все-таки нашла…

Подписали все. Потом кровью еще раз скрепили договор, маг заверил клятву. Теперь я могу быть уверена, что их никто не перекупит и моя смерть станет для них несмываемым позором…

Пора выдвигаться.

Свою последнюю ночь в утесе Крылатых я просидела возле кроватки Даньки. Мой мальчик сейчас тихо сопит, пахнущий молоком и спокойствием, до краев наполненный любовью и умиротворением. Такой же как Ленар сдержанный, спокойный, молчаливый. Не кричит, не капризничает, не привередничает.

Интересно, каким он вырастет? Таким же замкнутым, скрытным как Ленар? Или открытым, веселым и жизнерадостным? Я сделаю все, что бы было второе… Вдруг мне до слёз стало жаль того мальчика, так похожего на моего Даньку,

только тридцати четырехлетнего… Как бы мне хотелось тогда наполнить его жизнь любовью и теплом. Как бы хотелось защитить от всех бед и несчастий, которые выпадут ему в будущем. Как бы я хотела узнать его, стать свидетелем его взросления, приласкать, успокоить, приободрить. Но увы…

«Я обязательно вернусь к тебе, — прошептала я сыну в теплую макушку, — с твоим отцом».

Глава 17

Начать я решила все-таки с Остры. Пусть шпионы короля прочесали всю страну вдоль и поперек, а вдруг я своим свежим не здешним взглядом что-нибудь замечу. Тем более, я всегда считала, что любящее сердце подскажет и поможет там, где простые наемники пройдут мимо.

Я решила воскресить тридцатилетнюю вдовушку Клико из Аруты по внешности, по легенде же — я богатая торговка, от которой сбежал муж с любовницей. Вот его и ищу. Детки малые опять же, и всё такое…

Порталами добрались до южной границы, далее купили лошадей, карету и пересекли пограничный пост. Мой путь лежал в ущелье вблизи города Арден, где и завалило дипломатический корпус.

Вид ущелья был страшен… Высокие отвесные скалы вздымались на огромную недосягаемую высоту. Узкая, не более четырех-пяти метров тропа вилась между этими громадинами. Огромные глыбы камня, комья песка, щебня, как будто небрежно смахнутые с вершин гор чьей-то гигантской рукой, преграждали дорогу. Путь через ущелье на ту сторону занимал два-три часа, а объезд по горной тропе — почти сутки.

Карету пришлось оставить в ближайшем трактире — зря мы ее купили. Я пересела на смирную низенькую лошадку, что для меня оказалось почти непреодолимым испытанием — последний раз я садилась на лошадь еще в подростковом возрасте. «Ничего, привыкну, — бормотала я, потирая отбитую задницу, — у льер отменное здоровье».

Мои телохранители косо посматривали на меня, но критиковать боялись, только хмыкали, глядя на великую воительницу… Двое ехали по бокам, третий прикрывал спину…

Когда я спросила Рему, откуда взялась такая ровная тропа среди почти неприступных скал, он ответил, что она осталась, по слухам, еще со времен

магической войны тысячелетней давности. Тогда маги умели резать горы как масло. «Значит, — подумала я, — и обвал устроить в их силах. Но об этом я буду думать потом, после того как найду Ленара».

В итоге я не стала в деревне расспрашивать о погибшем дипломатическом корпусе больше месяца назад.… Думаю, всё, что можно, уже выведали шпионы Реджинанда, и если это ничего не дало, то мне бесполезно и пытаться. Вместо этого я устроилась в таверне с той стороны ущелья. Взяла две простенькие комнаты, себе и троим мужчинам и стала потихоньку знакомиться с местными женщинами.

У меня была твердая уверенность, что если бы я не была из другого мира, более активного, более отчаянного и дерзкого, ничего бы не вышло. Вследствие моей «чужеродности», я была на порядок смелее и решительнее здешних женщин. Местным аристократкам даже в голову не придёт ночевать в грязных придорожных тавернах и ехать в сопровождении троих мужчин разбойничьего вида. И, естественно, не придет в голову якшаться с оборванными крестьянками, разговаривать с ними на равных, хвалить пирожки и восхищаться вышивкой на платье.

«Может, для этого меня сюда и переместили?» — думала я — «Настоящая Эльвиола. Да, черт побери, она бы и не влюбилась бы в Ленара, не то, чтобы куда-то за ним ехать».

План был прост. Я знакомилась с одной-двумя женщинами, кто во дворе хозяйничал, кто возле колодца стоял, кто на рынке. Легенда у меня была незамысловата. Мой непутевый муж сбежал с любовницей, прихватив приданое моей старшей дочери. Дома остались средняя дочь и маленький сын. Я разыскивала супруга со своими братьями. Внешность описывала, похожую на Ленара. Братья, конечно, выглядели не очень. Поэтому просила телохранителей наблюдать за мной в отдалении.

Разговор был примерно следующим.

— Ой, какой прелестный малыш (малышка)! — если женщины были с детьми). — Сколько ему (ей) годиков? Как на вас похож (похожа)! У меня дома тоже остался маленький, — тяжкий вздох.

Потом следовал короткий разговор о моей проблеме. Сокрушения о тяжелой доле женщин и изменниках мужчинах. Все женщины реагировали одинаково. И старались мне помочь по мере возможности, рассказывая о приезжих незнакомцах, описывали внешность, возраст и, по возможности, куда уехали… Все было не то… Больше всего, конечно, разговоров было об произошедшем

обвале в ущелье.

— Месяц назад? Нет, пожалуй, никого не видели. Только вы слышали, тут такое по близости произошло?! — И далее шел рассказ, уже набивший оскомину, о погибшем советнике соседней страны… Да уж… такое яркое событие в их жизни…

Мы обошли почти три деревни — и ничего. Я решила двигаться к югу, по широкой торговой дороге (автобану по-нашему), которая прорезала Остру насквозь и шла из Лореляй в некую страну Зарат… В небольшом городке мы всё же решили купить экипаж, так как путь наш следовал по дороге и удобнее было бы передвигаться, сидя на подушках и под крышей…

Делая покупки на шумном и людном рынке, я не преминула воспользоваться случаем и расспросить женщин о событиях полуторамесячной давности…

— Нет, не видела я вашего мужа, да и путешественников в наших краях мало, в основном свои местные торговцы… — женщина задумчиво теребила платок. Руку оттягивал чумазый мальчонка лет десяти, безостановочно ноя и прося игрушку…

— Ну мам, — хныкал он, — помнишь, ты мне купила месяц назад лошадку…

— Да, действительно, — вдруг вскинула глаза женщина, — с этими событиями в ущелье совсем забыла. Больше месяца назад по главной дороге проходил караван с торговцами. Они всегда здесь раз в году устраивают ярмарку. Я сыну у них игрушку купила, — она улыбнулась, — просил сильно. Так-то я редко к ним хожу — цены дорогие и вообще… страшновато…

Во мне вспыхнула надежда.

— Откуда торговцы? Как их разыскать? — забросала вопросами я молодуху.

— Да не знаю, откуда, раз в году проезжают по дороге, вроде с юга… Делают круг по стране, может, и в Лореляй заезжают краем. И домой едут. Поспрашивайте в таверне, они лучше знают. Торговцы там ночевали…

Дальше мы двигались с вполне определенной целью. По главному торговому пути, заезжая во все деревеньки и городки. Постепенно вырисовывался путь, которым двигался караван. Торговцы были родом из Зарата.

— Возможно, вы еще догоните их, если постараетесь, — сообщил нам владелец таверны. — Они уехали неделю назад и сказали, что уже распродали почти все.

Мы двинулись в Зарат. Маленькое государство, на юго-востоке граничащее с Острой. Теперь я передвигалась в карете, правил лошадьми Рема, юноша-киллер (как я его называла), ловкий, безжалостный убийца с холодными глазами.

Пару раз на нас нападали местные разбойники… Бедолаги… Куда им было тягаться с обученными наемниками, которые избрали своей профессией смерть… После первой мясорубки я приходила в себя полдня. Кровь, вопли, крики… Никой пощады или милосердия. Через десять минут от десятерых мужчин, посмевших остановить нашу карету, остались мертвые куски плоти… Конрад попросил меня не высовываться и сидеть в карете. Но уши я заткнуть не догадалась…

Слишком я была в себе уверенна… Слишком изнежилась, живя в роскошном дворце за пазухой у Ленара. Я-то думала, что сильная и смелая… Одно дело смотреть по телевизору сцены насилия, войну, захват заложников и прочие ужасы. Отвлеченно читать в интернете о количествах погибших в террористических актах или природных катаклизмах. Другое — сталкиваться с этим в жизни. И те бомжи, которые сидели возле входа в метро, не шли ни в какое сравнение с реальностью, поджидающей меня за окнами кареты.

Я попала в новый мир. И он был совершенно чужд и неприятен мне. Бедность, жадность, грязь и жестокость смотрели со всех сторон. Я каждый раз внутренне плакала, видя рабов в ошейниках, медленно идущих по дороге.

Правы были Ортензия и Тадер — это не место для льеры. Если бы не мои наемники… Меня бы уже десять раз убили, изнасиловали, продали в рабство или в лучшем случае забрал бы какой-нибудь крестьянин себе в дом… В очередной раз я порадовалась, что у меня есть деньги. Все-таки с ними проще. И проблемы решаются быстрее, и языки развязываются активнее, и моя жизнь ценится дороже…

Границу с Заратом мы проехали спокойно. Я к тому времени знала имя караванщика Тувака, который в этом году водил торговцев. К нему мы и направлялись. На границе мы обнаружили что-то вроде местного почтамта, я радостно попросила разрешение написать несколько писем. До вечера я писала и получала через некоторое время ответы… «В замке все хорошо, — писал Тадер, — Даниэль спит и кушает, как самый примерный льер, не то, что его мамаша, которая ездит непонятно где…», — я всхлипнула…

Ортензия писала, что в столице траур. Монарх почти не проводит балы и конференции. В городе пусто и грустно, даже платья стали реже шить. Балов-то нет… Нового советника еще не назначили. Пока исполняет обязанности канцлер.

Я писала, что жива, здорова и полна энергии продолжать поиски… И что всех люблю. Чуточку поплакала над письмами. Сгребла их в кучу и пошла договариваться о ночлеге. Завтра найдем караванщика и я, надеюсь, что-то прояснится.

Караван мы все-таки нагнали по дороге. Не доезжая до конечного пункта каких-то несколько дней. Опустевшие повозки легко тянули кони. Немногие оставшиеся торговцы, в основном те, которые ехали из самого сердца Зарата, встретили нас настороженно. Караван охранялся дюжиной наемников, которые лихо нас и окружили… Я вышла из кареты. Конрад встал рядом, «Шварцнеггер» прикрывал спину. Рема по-прежнему оставался на козлах, зорко всматриваясь в толпу, поглаживая взведенный скорострельный арбалет…

— Мы не собираемся здесь устраивать кровавую бойню, — крикнула я, — мне только нужно переговорить с караванщиком.

Навстречу мне вышел крепкого вида низенький мужичок. Одет он был прилично, даже кое-какие украшения на одежде присутствовали. Зажиточный торговец, это точно.

— Вам это и не удастся, митрисс, — угрожающе ответил он, — посмотрите сколько вас и сколько нас.

— Я не спорю, что вас больше, — твердо сказала я, — но прежде, чем вы нас схватите, мои люди положат прилично народу. Вам это нужно? Я просто хочу поговорить с вами. Это не займет много времени, и я хорошо заплачу за информацию.

Мужчина пристально всматривался в неподвижные фигуры моих телохранителей. Внимательно рассмотрел великолепное оружие, качественную дорогую одежду, крепкие литые мускулы, ничего не выражающие лица, цепкие холодные глаза. Что он там решил про себя. Скорее всего понял, что бойня таки будет, и еще не известно, кто кого…

— Хорошо, где будем говорить? — выдохнул мужчина, махнув «отбой» своим охранникам…

— Прошу в мою карету, меттер…

Мы уселись друг напротив друга.

— Еще раз прошу прощения за столь неожиданное появление. Меня зовут Сесилия Клико. Я из Лореляй. Уже месяц ищу своего пропавшего мужа. У меня есть информация, что вы могли его встречать… След моего мужа потерялся где-

то возле Ардена… около полутора месяцев назад. Вы там торговали как раз в это время… Возможно, вы видели его или слышали, что о нем… Я буду рада любой информации, даже самой неутешительной… — слезинка прочертила дорожку по моей щеке, я всхлипнула… Если честно, то вполне натурально, почти два месяца неизвестности растрепали мои нервы в конец…

Жесткий взгляд чуть смягчился… Женские слезы на всех действуют одинаково.

— Опишите его, митрисс… Может, и встречали, всего не упомнишь…

— Высокий худощавый брюнет, на вид около 35–40 лет, — начала я свой обычный рассказ… Когда я дошла до шрамов, глаза торговца блеснули. Попался! Я чуть не закричала от радости…

— Я вижу по глазам, что вы встречали моего мужа, — сумела вопросительно произнести я, с трудом погасив вспыхнувший интерес.

— Я не знаю… — неуверенно потянул он, — может быть…

— Сколько вы хотите за информацию? — жестко произнесла я, глядя в его бегающие глаза, — я не отстану от вас, пока вы все не расскажите, и я знаю, где вас искать, и где вы живете, меттер Тувак. Я могу быть очень настойчивой, не смотрите, что я женщина.

— Только ради вас, митрисс, сотни золотых думаю будет достаточно, — глаза торговца блеснули совсем уж алчным блеском… Да уж… губа не дура, ну да ладно, сама предложила. Только за одно знание, что Ленар жив, я бы отдала и в десять раз больше. Я кивнула: «Договорились».

— Знаете, митрисс, у нас в караване разные люди попадаются. Бывают уж совсем пропащие… Только пообещайте, что не будете гневаться, — я напряглась… хорошее начало… Но подумав, кивнула понимающе. — Так вот, — продолжил караванщик, иногда наши и людьми приторговывают… Если кого поймают на дороге, без защиты, без документов… — он помолчал, у меня уже зубы сводило от нетерпения, но я держала себя в руках, — короче, наш караван стоял в деревне, возле ущелья… Как раз неделю спустя после того обвала… Наши ребята рыскали, как обычно, по окрестностям, искали, чем бы поживиться… Ну, в общем однажды, уже перед самым отъездом притащили тяжелораненого… Он был без сознания, весь в крови… голова была сильно расшиблена… Но одежда была на нем хорошего качества, точнее ее остатки, и пуговицы драгоценные… Ребятки говорили, что нашли возле ущелья. Я… — торговец замялся, не решаясь сказать. Я уже извела себя от беспокойства, только пальцы не грызла, — короче, мы с парнями решили подзаработать…

Думали, покажем магу-лекарю, пусть подлечит… Явно же из благородных… А потом можно и золотишко стребовать за спасенье то… — понятно, шантажом хотели заняться. Спрятали подальше, чтобы потом с родных поживиться…

— Ну и? — потянула я, свирепея.

— Так, митрисс. Потратились мы на лекаря. Тот его подлечил, а наш раненый-то память потерял… совсем… и не мог вспомнить ни как зовут, ни откуда… — я судорожно сглотнула. Опа… Вот это поворот сюжета. Как в плохом сериале. И что теперь делать?

— Ну и толку от него было никакого, — продолжал караванщик, — как младенец, ни читать, ни писать… разговаривал и то с трудом…

— Уважаемый, — скрипя зубами, процедила я, — может вы все-таки закончите сегодня свой рассказ? Где мой муж сейчас?

— Так я и говорю… толку с него не было… и чтобы хоть немного возвратить потраченные на лекаря деньги, мы продали его работорговцам… — торговец испуганно на меня поглядел… Я молчала… Его заявление не стало для меня откровением, на середине его повествования я что-то такое и предположила.

— Теперь четко и быстро говорите, кому вы его продали? Иначе денег не получите ни золотого, — прошипела я.

— Так Харуку и продал… Тот как раз мимо вел рабов в Прим на главный рынок..

— Где искать? Как выглядит?

— Лысый, лет сорок-сорок пять, хромой, нос сломан не раз… Да вы его узнаете, его в Приме каждая собака… Он просто перекупщик, водит рабов из Зарата в Остру… Там и обитает… Найдете, митрисс, своего мужа… — голос караванщика стал заискивающий…

— Конрад, отсыпь этому… — очень хотелось сказать упырю, но я сдержалась, была у меня привычка не сжигать за собой мосты… возможно еще свидеться придется… — сотню. Он рассказал, что знал.

Я тяжело вздохнула. Две новости. Хорошая и, как водится, не очень… Хорошая — Ленар жив, за одно это я могла бы расцеловать эту жадную сволочь. Плохая — тяжело раненный муж, потерявший память, угодил к работорговцам. Самый страшный его кошмар с детства… Зато теперь знаем где искать…

Караван отправился восвояси. Я пересказала наш разговор мужчинам. Было решено возвращаться в Остру и найти Харука. И опять пыльные дороги, грязные вонючие постели в тавернах, тряска в экипаже. Еще неделю потратили, чтобы вернуться в Арден, а оттуда ехать в Прим.

От постоянной усталости и недосыпания на меня накатило какое-то странное отупение. Звуки доносились как будто через пуховое одеяло, шум колес и топот копыт я слышала даже во сне.

В Ардене мы решили остановиться хотя бы на денек и передохнуть. Сняли несколько комнат в приличной гостинице, купили новую одежду, обувь. Мужчины рыскали по городку, выспрашивая о торговце… Я, наконец, впервые за неделю вымыла волосы, искупалась и переоделась в чистое белье… Настроение сразу перескочило на порядок вверх. Ленар был жив, и скоро я его увижу… До Прима ехать несколько дней… Что потерял память — не важно… Будем решать проблемы по мере их поступления. Главное — найти.

Харука мы разыскали быстро. Действительно каждая собака. Да и Прим мне показался даже не городом, а так… большой деревней. Просто хорошее местоположение на стыке нескольких торговых путей дало ему скандальную известность. Здесь обменивали, сбывали «живой товар», перекупали оптом и в розницу. Вокруг Прима располагались лагеря рабов. Было жутко даже смотреть. Неужели где-то там, в этой грязи, нечистотах, смраде сейчас находится мой муж? Конрад привел к карете перекупщика. Золотой быстро развязал ему язык.

— Да, помню, конечно. Больной мужчина, с плохо-залеченной головой. Почти не говорил. Заикался. Но сильный. Правда весь в шрамах, но и зубы хорошие были, и мускулы крепкие… — он рассуждал о моем муже, как о лошади, я изо всех сил держала себя в руках, медленно сатанея… — ох и намучился я с ним. Все норовил сбежать, даже с ошейником. Агрессивный, дрался с охранниками, хотя… куда ему… больной же, — видимо, что-то такое увидел на моем лице, как сразу запнулся и выпалил, — да вы не переживайте, я его перепродал в хорошие руки.

— Кому и когда? — ели выдавила я сквозь зубы. По алчно-блестящим глазам видела, что бандит дико жалеет, что поторопился. Понял, что мог бы наварить побольше.

— Так уже поди больше двух недель прошло. На ярмарку в Окру повели. Это возле южной границы. А купил оптом Паук. Знакомый мой, кличка у него такая… — да… подумала я, не очень ласковая кличка, Харук продолжал, — вы от меня весточку ему передайте, он вспомнит. А найдете у южных ворот Окры, у него

там ферма.

И мы тронулись дальше на юг. Поиски затягивались. Уже больше месяца в дороге, казалось, я никогда не жила по-другому, все время куда-то ехала и ехала. Я изо всех сил старалась не думать о том, что чувствует сейчас мой муж, ощущая на шее рабский ошейник. Я помнила, с какой болью и ненавистью он рассказывал о своем детстве у сумасшедшего мага. В моем сердце поселилась постоянная тянущая боль, не давая спокойно спать, есть, даже просто сидеть и смотреть в окно. Я спешила, подгоняла Рему, правящего лошадьми. Быстрее. Быстрее. Я знаю, Ленару плохо, я знаю — нужно торопиться.

Чахлая низкая растительность, по всюду пыль, камни, песок. Мы забрались уже очень далеко на юг и мне иногда кажется, что Остру я знаю даже лучше, чем Лореляй. Никакого сравнения с нашей цивилизованной процветающей северной страной. Здесь нет ни порталов для людей, ни приличных гостиниц. Частенько в тавернах, где мы оставались даже горячую воду грели на огне, не применяя магии. Я уже забыла, когда в последний раз видела местный почтамп. А так хотелось узнать новости о Даньке, о друзьях, о доме.

Иногда я задумывалась, неужели там, в распределительном центре за меня все решили? Просчитали мои характеристики, параметры, подвели под общий знаменатель, разобрали на атомы? Неужели моя любовь к мужу была тоже просчитана? И она стала неизбежной? Даже если и так — мне все равно, решила я. Пусть просчитали, они умнее, они боги. А я просто влюбленная женщина. И у меня есть цель — найти своего мужчину.

Глава 18

В Окру мы въехали поздно вечером. Остановились в центральной гостинице, сняли самые дорогие номера. Деньги экономить смысла не было. Меня от нетерпения потряхивало. «Скоро, уже завтра я его увижу», — радостно шептала я, кутаясь в одеяло и пытаясь заснуть. Не очень выходило. Сердце колотилось как сумасшедшее, на глаза наворачивались слезы.

А утром меня разбудил Конрад и сказал, что Паука в городе нет, его по дороге в Окру свои же подельники и прибили. На мой судорожный выдох: «А куда делись рабы?», он ответил, что «Всех разобрали мелкими партиями банда Паука и где теперь их искать — неизвестно». Я села на кровать и закрыла лицо руками. Внутри наступило какое-то странное оцепенение. Как будто кровь перестала струиться по сосудам, а сердце биться. Все замерло. Не знаю, сколько я так просидела, но, когда подняла голову, Конрад еще был в комнате и

вопросительно смотрел на меня.

— Собираемся… — решительно сказала я… — будем планомерно объезжать все рынки рабов сначала в Остре, потом в Зарате, надо будет — поедем дальше. Мне сейчас нужен по-возможности подробный список всех людей из банды Паука, и список городов, где проходят аукционы рабов.

Конрад торопливо вышел, а я встала и начала собираться в дорогу. «Найду, — упрямо твердила я, — Не могло быть так все просто, конечно, надо было добавить трудностей. Правда, богиня?». Прошипела я сквозь зубы раздраженно и добавила пару крепких слов из моего прошлого. И пусть она меня не услышала, выругавшись, мне стало чуть легче.

И началась опять дорога. Мы купили несколько карт Остры и кружочками отмечали рынки рабов, аукционы, фермы, где товар временно передерживали перед торгами. Проверяли, ходили, смотрели, спрашивали, вычеркивали и ехали дальше. Пока ничего.

Сначала мне ходить по рынкам было трудно. Если бы не наёмники. Было на кого опереться и, если что, спрятаться за спину. Меня не готовили к таким зрелищам. Я не знала, что есть такие места и такие люди.

Нескольких «друзей» Паука нам удалось обнаружить, но Ленара у них не оказалось. Где остальные — они не знают, может в Зарат поехали, может в Рубани. Мы бестолково метались из одного конца страны в другой, то догоняя, то упуская призрачную надежду найти Ленара. Он мог быть где угодно, может, он работал в поле, через которое мы вчера проезжали или сгинул уже в каменоломне, куда по словам продали большинство рабов, и всё бесполезно. Иногда черная безысходность охватывала меня. Мы уже больше двух месяцев без устали скитаемся по этой жуткой, неприветливой стране. Моя кожа покрылась загаром, а одежда пропиталась дорожной пылью. Я уже давно не рисовала себе морщинки и на мадам Клико махнула рукой. Просто закрывала волосы платком, меня и так было не узнать.

Еще больше расстроили вести из утеса Крылатых. Когда мы проезжали большой город с местным почтамтом я обрадовалась, как первоклассница, впервые получившая пятерку — наконец смогу обменяться письмами, услышать новости. Они оказались неутешительны. Замок почти в осаде. Тадер писал, что два месяца посылал Гвеневерам мои письма, но родители оказались настойчивее. И к стенам прикатил отряд во главе с папашей и Рихардом Реджинандом. Они требовали открыть ворота и впустить их внутрь. Орали что-то о послушании дочери и принадлежности роду. Корсар поднял на ноги гвардию и несколько раз

пальнул в воздух из пушек. На некоторое время отстали.

Окружили замок и разбили небольшой лагерь поблизости. Кричат, что хотят видеть Эльвиолу и не уйдут, пока она им не покажется. Сказать, что я расстроилась — ничего не сказать. Сейчас бросать поиски мужа и ехать разбираться с родителями я не могла. «Пока не найду Ленара, я не вернусь, — написала я в итоге и прибавила, — самое главное — ни за что не открывайте ворота и берегите Даньку. Продукты будут переправляться порталами». Я еще написала Ортензии и Элеоноре. Но ответа так и не дождалась.

На следующий день я ехала в карете и горестные думы никак не хотели покидать мою голову. Впервые я на миг допустила, что не найду мужа. На краткий миг представила свою дальнейшую жизнь без него. Я уже не злилась и не ругалась, я была в отчаянии… Я молилась всем богам и в этом мире, и в моем прошлом. Я просила, умоляла, плакала, выла. Ехала в карете одна, слава богу, меня никто не слышал, а стук копыт заглушал мои всхлипы и тоскливый вой. Вдруг увидела на краю дороги заброшенный храм Суали, богини-матери. «А, будь, что будет», — подумала я и попросила остановиться. Вошла. Чаша посреди комнаты была пуста. Высохла и потрескалась. Я налила немного воды из фляжки и опустила пальцы. «Я не могу его найти, — прошептала потерянно: — все бесполезно… Что мне делать?»… Голос на краю сознания прошелестел, как будто ждал меня здесь «Уже скоро… Ты найдешь его. Главное — не отчаивайся». После этих слов я пулей выскочила из храма, даже не попрощавшись и понеслась к карете.

Наш путь завтра должен был закончится в городе Туилин, на границе Остры и Рубани. Дальше мы планировали уже пересечь границу и двинуться дальше на юг в пустыню. Значит, сделала вывод я, мы на правильном пути и немного взбодрилась.

Уже второй день подряд я обходила огромный рынок рабов на стыке двух государств и потихоньку разочаровывалась. Ленара не было. Я всегда думала, что узнаю его сразу, любящее сердце должно подсказать, но иногда просыпалась в холодном поту, с криком. Когда мне снилось, что прохожу на рынке мимо Ленара и не узнаю его. Я не могла физически осмотреть всех этих несчастных и обездоленных. Их было слишком много и пусть мое сердце покрылось коркой льда, но, видимо, недостаточно. Наемники мне помогали, расспрашивали владельцев, охранников, описывали приметы. Но никто не знал и не видел высокого черноволосого мужчину, потерявшего память.

Только однажды я не смогла пройти мимо. И это был не ребенок, ни старуха или старик и не несчастная заплаканная женщина. Меня зацепил юноша,

прикованный кандалами к стойке. Лет шестнадцать — семнадцать. Когда-то его волосы, наверное, были светлыми и глаза голубыми. Теперь было не разобрать, что у него на голове, но в глазах я вполне определенно увидела смерть. Такую, какая есть, без прикрас. Грязную, убогую, страшную… До ужаса, до крика… Его безмолвная агония ударила по мне кузнечным молотом, пригнула к земле. Юноша был, в сущности, мертв. Точнее, его душа была мертва. Худой, оборванный, избитый. Царапины и синяки проступали в дырах его рваной одежды.

Я подошла ближе. Ко мне тут же подскочил продавец. «Хотите мальчика? Совсем молоденький, симпатичный, отдам недорого…» и так далее в этом же духе… Я пристально смотрела юноше в глаза и все-таки разглядела слабый лучик надежды, промелькнувший в глубине.

— Как! — вдруг послышался справа грубый голос, — вы хотите забрать нашу милашку?

Юноша еле заметно вздрогнул, глаза опять приобрели неживой вид. Я обернулась. Справа были прикованы такие же рабы. Только не в пример грубее и мощнее. Мужчины. Тоже грязные, вонючие, но взрослые и наглые. То ли бывшие преступники, то ли солдаты.

— Зачем вам, леди, этот недоносок? Оставьте его нам. Он же ни на что не годен для женщин. Только ублажать мужиков и может…

Меня охватил озноб. Затрясло как в лихорадке, в глазах потемнело. Я, запинаясь, произнесла: «Сколько?». Мне что-то ответили… Я не расслышала из-за гула крови в ушах… Слепящая ярость застлала глаза. Я махнула рукой Конраду и кивнула на юношу. Он сразу все понял и без разговоров вытащил кошель. Я шла к карете, а вслед мне неслись улюлюканье и громкие крики оставшихся рабов. Впервые за все время хождения по рынкам я не смогла отрешиться о всего, заградить свое сердце обычной ледяной броней. Всегда раньше удавалось. Сегодня нет…

Мы ехали в карете в гостиницу, а я старалась дышать через рот короткими рваными вздохами. Вонь немытого тела, грязь, тяжелый запах обреченности и отчаяния. Вблизи парень казался еще более жалким и нездоровым. «Зачем я его купила?» — думала я. «Что мне с ним делать?». Я уже пожалела о своем порыве. «Он мне будет только мешать». Но что сделано, то сделано.

В гостинице я попросила еще одну комнату, приказала набрать ванну горячей воды и послала курьера за доктором. Одном щелчком сняла магический ошейник. Парень со мной не разговаривал, он до сих пор вёл себя пришибленно

равнодушно, как не живой. Оставив его одного в комнате, приказав помыться, и переодеться (некоторые вещи Ремы подошли) я спустилась вниз к моей команде, нужно было обсудить наши дальнейшие действия. На середине разговора я что-то почувствовала, на уровне интуиции, какое-то дуновение, эхо, отдаленный стук. Вскочив, понеслась наверх. За мной побежали мои телохранители. Дверь не открылась, ее что-то удерживало с той стороны, но Вилс одним движением распахнул створки. Парень дергался на самодельной веревке из простыни. Петля толком не затянулась, только драла горло, потихоньку удушая. Я подскочила, обхватила юношу за ноги, приподняла. Потом уже подбежали Конрад с Ремой. Втроем сняли и вытянули из петли.

Шея была разодрана до крови, но парень судорожно и рвано дышал. Я приказала положить его на кровать и привести доктора. За один золотой маг полностью заштопал горло и осмотрел парня. Что-то недовольно бурча, потребовал еще пять, чтобы убрать все остальные последствия и старые раны. Я без разговоров отдала. А сама вышла из комнаты, оставив мужчин одних.

Попросила слуг принести еду на подносе. А сама ждала под дверью, когда доктор закончит осмотр. С парнем нужно было поговорить «по душам». Я не смогу все время за ним следить, чтоб он что-то не натворил опять, да и мы в ответе за тех, кого приручили. Продавец сказал, что юноше шестнадцать, и привезли его откуда-то из севера, возможно даже из Лореляй.

Когда доктор ушел, я тихонько отворила дверь. Юноша лежал на спине, укрытый по шею одеялом. Лицо было отвернуто к стене. На самом деле, я была растеряна и не знала, что говорить. Как можно заставить человека захотеть жить? Я немного постояла посреди комнаты, а потом села на стул, боком к кровати. Думала — думала и придумала.

— Я живу в прекрасном древнем замке, — начала я издалека, — его стены поднимаются на огромную недосягаемую высоту, даже не все птицы могут перелететь их… Далеко внизу протекает бурная полноводная река Лорея и иногда у меня слезы выступают на глазах, когда я смотрю из окна на долину. Такой завораживающий и великолепный вид открывается внизу. Тебе обязательно понравится. В замке много разного оружия, нового и смертоносного. Мой муж бывший военный, он увлекается современными разработками и проектами. Поэтому мой дом — самая неприступная крепость в мире, там ты будешь в полной безопасности… — впервые юноша немного шевельнулся, я поняла, что все-таки прислушивается, — а ещё в замке живет мой маленький сын Даниэль… — мой голос, приобрел бархатистые ласковые интонации, как обычно, когда я вспоминала о своем малыше. — Он самый чудесный и удивительный ребенок на свете. И я его оставила там, со своими

друзьями, потому что знаю — ему ничего не угрожает в замке… — я как будто бы пела песню этому истерзанному человечку, что, съежившись, лежал на кровати, точнее колыбельную, представляла перед глазами свой дом, свою роскошную спальню, детскую, маленькую кроватку со спящим сыном. Она лилась спокойно и непринужденно, завораживая, успокаивая, давая надежду… — А ещё замок находится в прекрасной северной стране, там нет рабства и каждый занимается чем хочет. Я заберу тебя туда. И ты сможешь стать кем угодно — военным, охранником, фермером, ученым, врачом. Все в твоих силах. Ты начнешь там новую жизнь, в новой стране, в новом доме, с новыми людьми. Там никто тебя не знает и ничего о тебе не знают. Я обещаю тебе, — я едва-едва ласково дотронулась до его руки, но он судорожно дернулся. — Я буду молчать, мои охранники будут молчать. Никто ничего не узнает о тебе… — я еще раз убежденно повторила: — только ты сам будешь определять свою судьбу, свою будущую жизнь. Все в твоих руках. Начни с чистого листа.

Юноша бросил косой взгляд в мою сторону. Я не смотрела на него. Не хотела смущать, мало ли. Может, ему неприятно, может, стесняется. Подросток. Я отрешенно смотрела в окно и рассказывала.

— Я знаю одного прекрасного мужчину, который начал жизнь с нуля в шестнадцать лет. И стал великим человеком, сильным, богатым, знаменитым. Он тоже, как и ты, ходил в рабском ошейнике, но смог повернуть жизнь вспять.

Вдруг юноша проскрежетал больным голосом:

— Я не верю. Не может такого быть.

— Может, — я твердо посмотрела ему в глаза, они действительно были голубые, — этот человек мой муж. Он был рабом, а сейчас он советник короля и самый лучший мужчина на свете… я люблю его больше жизни, — я почувствовала, как слезы покатились у меня по щекам. Рассказывая, я сама так расчувствовалась, что стала всхлипывать. Но было и хорошее в моем повествовании — в глазах у юноши появился слабый блеск. Пусть не очень уверенный, но, надеюсь, его хватит, чтобы захотеть жить дальше.

— А почему вы сейчас не со своим мужем? — спросил он.

— Мой муж попал в беду, я ищу его. И найду обязательно. А сейчас поспи, тебе понадобятся силы, завтра мы уезжаем из этой страны, — напоследок порадовала я парня. И уже возле двери услышала:

— Можно мне придумать новое имя? — юноша смотрел на меня блестящими глазами.

— Конечно, — кивнула серьезно я, — как вас зовут, молодой человек? Представитесь даме?

— Патрик, — прошептал юноша.

— Приятно познакомиться, Патрик, — улыбнулась я, сделав неглубокий реверанс, — а теперь спи.

Я спустилась вниз, в общий зал, там меня ждала моя команда. Я кратко, сухо и сжато дала рекомендации по дальнейшему поведению с парнем. Сказала его новое имя, поручила взять шефство и возможно начать обучать владеть оружием. Наемники серьезно кивнули и пообещали помочь.

Для Патрика мы купили утром смирную пегую лошадку. Я предложила ехать со мной в карете, но юноша отказался. Держался в седле он слабо. Видимо, не было практики. Но серьезно и упорно пытался соответствовать гордому званию мужчины, и если и уставал к вечеру — то не признавался ни за что.

Наемники с невозмутимым видом приняли его в свою группу, как будто действительно встретились только сегодня, в первый раз. Сначала парень держался особняком, настороженно и хмуро, шарахался от Конрада, когда тот протягивал бутерброд. Ехал сзади кареты, останавливаясь только перекусить и сбегать в кусты. А через пару дней уже принимал участие в наших небольших дорожных обсуждениях. Держался поближе ко мне, правда, если что-то говорил и на него обращали внимание, сразу тушевался и запинался.

Но ничего. Время — лучший лекарь. Так мы добрались до Зарата. Пересекли границу. Из-за постоянной жары мозги плавились, одежда навечно пропиталась потом и пылью. Если бы меня сейчас увидели дворцовые дамы. Или Его величество. Или Рихард. И тут я впервые за долгое время весело расхохоталась, представив их лица. На меня странно посмотрели — не сошла ли их хозяйка с ума? Утирая слезы и размазывая пыль по лицу, я смеялась. Да уж… Может, это была истерика, может, я сбрасывала накопившуюся за три месяца беспрерывных поисков усталость, но мне вдруг стало так легко и хорошо. Я вдруг почувствовала, что обязательно найду Ленара, иначе просто не может быть.

Кстати, три месяца закончились, и наемники осторожно поинтересовались, собираюсь ли я нанять других для поисков? На что я ответила: «Вы меня полностью устраиваете и лучше спутников я бы не нашла. Так что контракт продлеваем».

Мы остановились в ближайшем к границе городке. Здесь, как и везде, был небольшой рабовладельческий рынок. Я уже час слонялась под солнцем,

изнемогая от жары и вони. Со мной был Конрад и Рема. Вилс, как обычно шнырял по трущобам и подворотням, узнавал новости и сплетни. Патрик остался в таверне, сказал, что ни за что не пойдет на рынок. Я и не настаивала. Сама одевшись в самое закрытое свое платье, под зонтиком, с укрытыми косынкой волосами, чувствовала себя экзотической бабочкой, по сравнению с туземными женщинами. Те ходили в местном подобии паранджи, в черных и коричневых балахонах, с опущенными вниз глазами. Я себя неуютно чувствовала под пристальными заинтересованными взглядами здешних мужчин. Рема, положив, арбалет на сгиб локтя, зорко стрелял глазами направо и налево, не давая никому приблизиться. Может, стоило купить паранджу и прийти в ней? Но ведь местных женщин и на рынке рабов не встретишь. Пусть лучше считают залетной издалека птицей, чем я останусь и буду сидеть в таверне.

Уже почти отчаявшись и повернувшись на выход, вдруг спиной почувствовала взгляд. Даже не так. ВЗГЛЯД. Как будто на спину плеснули кипятком. Кожу закололо иголками, я обернулась и встретилась с пронзительными знакомыми глазами. Кроме них, ничего было не разглядеть на заросшем небритом лице. Косматая неопрятная борода, грязные волосы, рваная одежда, высокая сгорбленная фигура — мне нужна была секунда, чтобы охватить все и сразу.

Наверное, некоторое время я не дышала, перестала чувствовать, слышать и осязать. Не знаю, сколько времени я простояла столбом перед невысоким постаментом с живым товаром, почти впечатавшись в ограждение. Потом постепенно стали доноситься звуки, как будто бы издалека. Крики, хохот, свист. Все рабы вокруг как будто взбесились, что-то орали неприличное, вульгарное. Только один напротив неподвижно стоял и так же смотрел на меня.

Рема чуть тронул мой локоть. «Льера», — тихонько и вопросительно произнес. — «Это он?». Я пока не владела своим голосом, только кивнула. Конрад тотчас же подскочил к хозяину и начал торговаться. Я ничего не слышала и не видела, только темные яркие глаза напротив меня.

— Я в-вас з-знаю? — немного запнувшись, произнес мужчина, таким знакомым до боли хриплым голосом.

— Да, — прошептала я.

Если бы могла, я бы сейчас села прямо на песок и завыла волчицей. Но все потом. Краем глаза видела, как Конрад отсыпает золото мужчине бандитской наружности, тот дает браслет — ключ к ошейнику. Видела, как мой наемник почтительно протягивает руку, помогая спуститься Ленару с постамента, видела, как тот, хромая, двигается ко мне. Рема, заметив мое невменяемое

состояние, взял меня под руку, и мы вчетвером пошли к карете. Молча поехали в гостиницу. Я едва сдерживала слезы. Еще чуть-чуть — и просто начну биться в истерике от смеси неимоверного облегчения и долго сдерживаемых чувств.

Нашла… Он здесь… Со мной… Наконец… Но, видя недоуменный и растерянный взгляд мужчины, сидящего напротив, держу себя в руках из последних сил, боясь напугать силой своих эмоций, только кладу его руку себе на колени. Не важно, что у него грязь под ногтями и костяшки сбиты в кровь, не важно, что, судя по запаху, он не мылся, наверное, месяц. Я целую его ладонь, прикладываю к своей мокрой щеке и шепчу «Я нашла тебя».

— Мне к-кажется, я в-вас знаю. Но н-ничего не помню, — говорит он растерянно, — к-кто вы?

— Я льера Эльвиола де Мирас, твоя жена, — отвечаю. Ленар напряженно хмурит брови. — Я тебе все потом расскажу, когда приедем в гостиницу. Ты обязательно вспомнишь.

Видеть натянутого как пружина, издерганного, ничего не понимающего мужчину было тяжело и больно.

Приехали в гостиницу. Выходя из кареты, поднимаясь по лестнице, заходя в комнату, я ни на секунду не отпускала руку мужа, вцепившись в нее мертвой хваткой. Как будто боялась, что он исчезнет. Конрад мимоходом щелкнул ключом, раскрыв и сняв ошейник. Я даже не заметила. Мужчины пытались достучатся до моего разума и расцепить замок наших с Ленаром ладоней.

Ему нужно принять ванну, одеться, послали за врачом, парикмахером, продавцом готовой одежды. Конрад потихоньку стал оттеснять меня от Ленара, ласково уговаривая: «Вам нужно поспать, льера. Вы устали, переволновались. Мы сами разберемся. Это мужское дело…»

Когда я непонимающе уставилась на него, добавил: «Ну вы же не будете с ним принимать ванну?». Я заторможено кивнула и позволила отвести себя в спальню. Мне даже стало стыдно. Я была похожа на наседку, защищающую своего единственного цыпленка. Но ведь Ленар не цыпленок. И если он выжил в этом аду четыре месяца, значит, сможет без меня прожить и эти полдня. Я попыталась взять себя в руки и дать мужчинам время заняться своими делами. Попыталась лечь и заснуть. Но сначала с большим облегчением уткнувшись в подушку, выплакала и выкричала все накопившееся за эти месяцы. А после обессилено задремала.

Глава 19

Утром, я, едва проснувшись, понеслась в комнату наемников:

— Где Ленар? Что с ним? Приходил ли вчера врач? — забросала вопросами.

Конрад снисходительно посмотрел на меня. Ладно, буду сдержаннее. Оказалось, врач вчера приходил, залечил порезы и синяки, даже перелом ноги четырехмесячной давности. Но по поводу травмы головы сказал, что сделать ничего не может. Нужно ехать в столицу, только там есть маги высокой квалификации. Мы решили долго не раздумывать и выехать сразу после завтрака. Если все будет в порядке, то через неделю будем в столице Остры Караносе. Там еще раз обратимся к врачам. А если не поможет, поедем уже домой, в Лореляй.

С мужем мы встретились за завтраком. Его было не узнать. Точнее, как раз узнать, потому что он стал до боли похож на прежнего Ленара. Короткие темные волосы, только седины теперь больше. Чисто выбритый тяжелый подбородок. Четкие скупые уверенные движения. Его обычная хмурая складка на лбу. Темная, строгая одежда. Даже ничего не помня, он оделся и подстригся так, как всегда, это делал. Мне так сильно хотелось обнять его, прильнуть к груди, прижаться к твердым жестким губам, но я только ласково поздоровалась и села рядом завтракать.

Он не был похож на забитого испуганного доходягу, каким я нашла Патрика. Нет, Ленар был и оставался, даже потеряв память уверенным и спокойным. Пусть он ничего не помнил, но внутренняя сущность моего любимого мужчины оставалась неизменной. Поэтому я была твердо уверена, что он все вспомнит. А если не вспомнит, я расскажу.

Мы ехали в карете и разговаривали. Ленар постоянно задавал вопросы, выпытывая и выспрашивая все о своей жизни. Я сама, не очень много знала о детстве и юношестве своего мужа, только то, что он сам мне скупо и кратко рассказал. Поэтому ловко уворачивалась. А вот о карьере военного и главного королевского советника я рассказывала долго и подробно. Это я знала хорошо. И о том, что монарх Лореляй является его лучшим другом. И о том, что он один из самых богатых людей в королевстве. Рассказала, как мы поженились. Не очень заостряла внимание на неудачном начале наших отношений. Конечно, мы не знали друг друга. Конечно, нам пришлось притираться и привыкать друг к другу, но все так женятся в высшем свете. И конечно, со временем мы полюбили друг друга.

Он недоверчиво и хмуро слушал меня. Почти не отвечал, только, запинаясь, задавал короткие вопросы. Да. Привычка мужа держать эмоции в кулаке и тут проявила себя. «Не поменялся» — хмыкнула я.

Его глаза внимательно смотрели на меня, а взгляд был направлен внутрь. Он прислушивался к себе, пытался вспомнить, кусал губы и дико злился, что опять ничего не удается. Я говорила, что рано или поздно он вспомнит, мы покажемся лучшим врачам магам, у нас есть деньги, много денег. Но пока видеть блестевшие яростью и болью глаза было горько и тягостно.

Я спрашивала его, помнит ли он что-либо про обвал и как он остался жив. На что Ленар ответил, что воспоминания начинаются с момента, как он очнулся в палатке торговцев, а над ним стоял маг. Потом продажа, ошейник и месяцы борьбы за жизнь, за то, чтобы остаться человеком.

Я рассказала ему о нашем сыне. Рассказала, как Ленар ждал его, как хотел наследника. Какой у нас прекрасный малыш получился. И на миг мне почудилось, что муж что-то стал вспоминать — его взгляд стал осмысленным и наполненным каким-то теплым светом. Но нет. Видимо это обычная гордость мужчины об известии, что он отец.

В столице мы остановились в гостинице на окраине. Хоть нас и с трудом можно было опознать, но береженого бог бережет. Конрад с деньгами поехал искать лучшего врача в столице, мы собрались за столом обедать. Ленар, Патрик, Рема, Вилс и я… Ленар в основном молчал. Он по-прежнему плохо говорил, заикался и запинался. Он уже знал основное о себе. Я за неделю постаралась, да и мужчины кое-что рассказали (оказывается Вилс и Конрад когда-то воевали под его руководством, в прошлой войне). Но всё равно, одно дело слышать о себе со стороны, другое — знать, чувствовать и помнить.

Я на миг представила себя, потерявшую память. И ужаснулась. Если бы я очнулась там, возле пруда, с пустотой в голове? Не зная, кто я. Что со мной. Как бы я жила? Дрожь пронеслась по спине… Жуть…

Ночевали мы в разных комнатах. Как бы мне не хотелось прижаться к мужу, обнять его, приласкать, но я понимала, что я для него незнакомый посторонний человек. И пусть внешне я по-прежнему привлекательная и красивая девушка, но, увы, совершенно чужая. Нет, пусть сначала вспомнит… а там посмотрим…

Важный пожилой доктор приехал в гостиницу под вечер. Богато, даже роскошно одетый, с высокомерием и заносчивостью на лице. Конрад шепнул, что едва уговорил его приехать — пришлось пообещать сотню — это главный королевский врач. Мужчины пошли в спальню, а я осталась с Патриком в

столовой, нервничая и беспокоясь. Конечно, хотелось бы, чтобы все закончилось сегодня, конечно, хотелось бы, чтобы сейчас вышел из двери мой знакомый любимый муж со знакомой кривой ухмылкой на губах. Но даже если и не удастся — главное, что жив и здоров. Мне этого достаточно. Я не боялась, что он оттолкнет меня. Если он любил меня раньше, полюбит заново. Сущность-то его осталась прежней.

Через час доктор вышел из спальни. Я вскочила и перевела взгляд на Конрада. Тот кивнул: «Потом» В Остре женщины как бы второй сорт, поэтому вряд ли этот надутый маг будет мне рассказывать. Врач сел в карету и отбыл, а Конрад подошел ко мне.

— Он сделал все, что мог, — серьезно произнес мужчина, — я наблюдал за ним, он действительно хороший врач и не отлынивал. Он честно отработал свои деньги. Сейчас льер де Мирас самый здоровый человек в королевстве, это точно, — Конрад опустил глаза.

— Но?… — поинтересовалась я.

— Но с памятью он ничего не смог сделать. Маг сказал, что телесно ваш муж совершенно здоров, он залечил все раны, даже старые шрамы убрал. — я вздохнула, зря, наверное, Ленару они были дороги, как память, — Но с душой и чувствами он ничего не смог сделать, — продолжал Конрад, — и никто не сможет. Только сам ваш муж сможет вернуть себе воспоминания. И когда это случиться — не известно.

— Понятно, — сказала я, — спасибо вам, Конрад, — вы очень помогли нам. Я выплачу вознаграждение в полном объеме, когда доберемся до замка. Завтра выезжаем в Лореляй.

— Ну что вы, льера. Нам честью было служить вам и генералу де Мирасу. Даже без денег, — мужчина по-военному козырнул и вышел за дверь.

Нет, я не расстроилась. Конечно, больно было смотреть в глаза, не помнящие меня. Разговаривать с самым близким для меня человеком, для которого я чужая. Но, надеюсь со временем, все изменится. Я буду терпеливой, у нас вся жизнь впереди.

Еще неделю нам нужно было ехать до границы Остры и Лореляй. Я с легким сердцем стремилась домой, в нашу северную страну, в наш замок, к моим друзьям, а главное, конечно, я ужасно соскучилась по Даньке. Только вспоминала его сосредоточенную круглую мордашку — и душу охватывало волнение. А внутри разливалась теплой волной нежность.

Я часто размышляла: если бы богиня не приказала восстановить утес Крылатых? Если бы пришлось оставить Даньку в столичном доме? И если бы родители забрали новорожденного сына и шантажировали меня им? Если бы передо мной встала бы дилемма — бросать поиски мужа и ехать к сыну? Какой бы выбор я сделала?

Мне стало дурно. Даже не знаю, сын или муж. Страшный, противоестественный выбор.

Мы ехали по окружной дороге, как вдруг я заметила знакомый заброшенный храм. «Остановитесь» — крикнула я. «Я хочу поблагодарить богиню… Одна», — вполне серьезно произнесла в ответ на недоуменные вопросительные взгляды мужчин.

Чаша по-прежнему была высохшая и старая. Я налила воды и опустила ладошку. «Спасибо, — прошептала я, — я так тебе благодарна».

Богиня молчала. Ну и ладно, мне нужно было выговориться, а это можно делать и монологом. «Только скажи мне, пожалуйста, зачем нужно было это делать? Зачем эти испытания на грани невозможного? Эти трудности, несчастья?». Я помолчала. «Ну, я в общем про себя поняла. Я должна была совершить поступок с большой буквы. Не для себя, а для кого-то. Пожертвовать своим благополучием, удобством, возможно, жизнью. Должна была расставить приоритеты. Выбрать из всех ценностей самую главную». На краю сознания прозвучал далекий голос: «В общем правильно, немного не то, но сойдет». «Хорошо, — продолжала я, — со мной понятно, но Ленар? Зачем ему эти испытания? Он же и так в жизни настрадался. Зачем еще, и такие тяжелые?» … Голос ответил: «Только через трудности мы учимся. Чем тяжелее обучение, тем ценнее награда. Тебе ли не знать, проявленная светлая?» — в голосе зазвучала ирония.

Я запнулась… Проявленная светлая? Я? Но не поддалась на провокацию. «Ну и чему он должен был научиться?» — ответа я ждала долго и когда уже отчаялась его получить, услышала: «Мужчина должен будет научиться доверять» …

Странные какие-то способы обучения у богов, — ругалась я про себя, идя обратно к карете. Ну, где нам, простым смертным, понять их.

После отъезда из Караноса Ленар изменился. Он больше не расспрашивал меня о своей жизни, почти не ехал со мной в карете. Сидел на козлах или брал лошадь Ремы. У меня появилось стойкое ощущение, что он стал намеренно отдаляться от меня. В тавернах, ужиная вместе, хмуро и скупо отвечал на вопросы и не смотрел в мою сторону.

Я терялась в догадках. Что произошло? Неужели я стала так ему неприятна? Вечером, перед ужином, я прихорашивалась перед зеркалом, купила в Ардене новое платье. Вымыла и уложила волосы. Я была по-прежнему красива, я знала это, видела свое отражение. Может, немного загорела, но лицо даже интереснее стало выглядеть, по сравнению с белокурыми волосами. Странно. Стало еще хуже. Ленар почти не обращал на меня внимания, становился все мрачнее и угрюмее.

Последний раз мы останавливаемся в Остре. Завтра пересечем границу и въедем в Лореляй. С одной стороны, на душе было солнечно и радостно, с другой — сердце терзало нехорошее предчувствие. Вечером после ужина я села с книгой возле камина. Интуиция кричала, что-то должно случиться и спать я не легла. И когда скрипнула соседняя дверь, вскочила и отворила в коридор свою.

— Ты куда-то собрался, муж мой? — бесцветным ровным голосом произнесла я. Внутри все клокотало от возмущения. Ленар замер возле двери и обернулся. Он был в своей одежде, с сумкой через плечо.

— Не хочешь объяснить своей жене, что происходит? — так же спокойно спросила и широко распахнула дверь в свою спальню, приглашая. Муж с тяжелым вздохом вошел и сел на стул. Мы молчали.

— З-зачем я тебе? — медленно запинаясь спросил Ленар, — ты м-молодая, красивая, б-богатая вдова. Я больной, п-потерявший себя человек. Я н-ничего не помню. И буду т-только обузой.

— То есть ты великодушно избавляешь меня от себя? — едко, едва сдерживаясь произнесла я.

— Д-да.

— Как благородно! — воскликнула я, заметавшись по комнате, — опять все решают за меня, как мне будет лучше, опять все думают за меня… — я была в бешенстве. — А как же твой сын? — спросила я, уставившись на Ленара, — ты так его безумно ждал! Ты что, даже не хочешь увидеть Даниэля?

Ленар тяжело опустил голову.

— Так б-будет лучше, — опять угрюмо пробормотал он.

— Нет! — вскрикнула я, — хватит решать, как мне будет лучше! Ты ничуть не изменился, даже потеряв память! Ты такой же, как и был — упрямый, твердолобый индюк, — орала я.

Ленар удивленно поднял голову, за две недели знакомства со мной, он впервые увидел, что я совсем не белая и пушистая, а могу кричать и ругаться.

— Значит так, муж мой, — твердо сказала я, — если еще раз сбежишь, я еще раз найду тебя, не сомневайся, я очень упрямая. Такая же, как и ты. Если будет нужно, я прикую тебя к себе кандалами. Будем вместе принимать ванну, ходить в туалет, спать в одной кровати. Пусть неудобно, ничего, я потерплю… — Ленар ошарашенно молчал. Не ожидал такого напора? — Я надеюсь, мы решили наши разногласия, дорогой муж? — немного агрессивно добавила я в конце и тяжело опустилась на кровать, — я прошу тебя, Ленар, попробуй быть со мной. Пусть ты сейчас не помнишь меня, пусть ты не любишь меня. Но я знаю, рано или поздно память вернется, верь. Я помогу тебе, — муж недоверчиво смотрел на меня и в глазах я прочитала сомнение и неуверенность. Только вот в ком? В себе или во мне?

— Пожалуйста, — прошептала я тихо.

Ленар осторожно кивнул и хрипло пробормотал: «Х-хорошо. Я остаюсь». Мне хотелось прыгнуть к нему на колени и обнять крепко-крепко, вдохнуть его запах, взъерошить короткие волосы. Но вместо этого я спокойно проводила глазами вышедшего из спальни мужчину, чтобы потом внимательно прислушиваться к стуку соседней двери. Остался. Ура! Моя маленькая, но такая важная победа.

Глава 20

Моя не так давно ставшая родной страна встретила сырым хмурым утром и небольшим дождиком. Я подставила лицо каплям. Я дома. Я вернулась. Полдня — и увижу Даньку. Мы тайно никому не сообщая шли порталами домой. Лошадей и карету оставили на границе. Нас было шестеро, поэтому Ленар, Конрад и Вилс шли первыми и ждали нас на той стороне. Я, Патрик и Рема чуть позже присоединялись, пока маг заряжал заново портал. Один, второй, третий.

Когда мы вышли у последнего, я вспомнила, что замок в осаде. Мы собрались в небольшой комнате-приемной у портала. Рема с Вилсом невозмутимо предложили всех перебить. «Нет, не пойдет» — отрезала я. «Там, возможно, мой отец. Какой никакой, но всё же родная кровь. Тем более, что мы не знаем, сколько там народу». Вдруг Патрик воскликнул «А зачем прятаться? Хозяин возвращается домой. Пусть все видят!». Точно. Купим одежду, лошадей и с помпезностью въедем в замок. Кто нам сможет помешать?

— Ленар, ты просто молчи и смотри на всех свысока, как ты умеешь, — попросила я тихо. — Говорить буду я.

Муж криво усмехнулся, по глазам видно, что пусть ничего и не помнит, но «своё» будет защищать до последнего.

Потратилась в последний раз. Дорогие плащи из магической непромокаемой ткани скрыли пыльную одежду. Мягкие удобные сапоги. Изящная чеканка на сбруе. Пусть и не серые рысаки из Орхана под нами, но все же приличные красавцы — вороные. А уж оружие у моих наемников всегда было на высоте — лучшее, что можно купить за деньги.

Я немного трусила, приближаясь к замку, боясь встречи с родителями. Если бы могла, залезла бы к Ленару на колени и спряталась под плащом на груди.

Мы еще в городке предупредили Корсара и Тадера по шкатулке, что возвращаемся. Все вместе. Надеюсь, всё нормально и замок цел.

Ленар, даже ничего не понимая, держался отменно. Обычный его хмурый вид, высокомерный и холодный, как всегда, традиционно отпугивал. Как только мы приблизились к утесу, нас попытались остановить дозорные из отряда папаши. Мы проехали дальше, не останавливаясь. Наемники держались хмуро и напряженно, даже Патрик проникся важностью момента и сделал такое насупленное лицо, что, если бы я отчаянно не трусила, рассмеялась бы точно.

Естественно, ни отца, ни Рихарда в отряде, осаждающем наш замок, не было. Я бы сильно удивилась, если бы мой высокомерный отец льер Гвеневер месяц жил в походной палатке и мок под дождем. Зря только боялась. Скорее всего, не добившись за пару дней от меня ответа, они уехали к себе и оставили отряд караулить под замком. Командир отряда, увидев нас, опешил. «Льера?» — удивленно прохрипел он. Потом перевел ошарашенный взгляд на Ленара: «Советник?..» Тут его, бедного, и переклинило.

Мы оставили позади нашу очумевшую осаду и подъехали к уже опускающимся воротам. Дома. Наконец.

Первые несколько минут я ничего не соображала. Плакала, обнималась с Тадером, целовала Юли. Прошептала доктору: «Муж потерял память, присмотрите за ним». Оставила мужчин внизу, а сама понеслась в детскую. Растерянно застыла в дверях. Я оставила месячного беспомощного младенца, а сейчас по широкой кроватке уверенно ползал на четвереньках вполне взрослый человечек.

Данька, услышав шум, поднял голову и плюхнулся на попу, уставившись на меня круглыми глазенками. Две молоденькие кормилицы поспешно вскочили и поклонились:

— Льера. как мы рады… — залепетали они.

Я кивнула, не глядя. А сама смотрела на моего маленького наследного льера, сосредоточенно хмурившего брови. Вдруг Данька радостно гугукнул, и так ярко и солнечно улыбнулся мне, растянув свой беззубый рот, что я просто не смогла не улыбнуться в ответ. Искренняя незамутненная радость ребенка, увидевшего мать. Я протянула к нему руки и дотронулась до крохотных пальчиков: «Привет».

После того, как улеглись страсти по поводу нашего возвращения, мы собрались в столовой обсудить дела. Перед этим я пригласила наемников в кабинет и вручила каждому по расписке из банка на получателя, с суммой в пять тысяч. Конрад и Вилс попросили разрешение остаться с генералом де Мирасом и служить ему, а Рема, попрощавшись, оставил утес Крылатых. Хочет быть солдатом удачи — кто я такая, чтобы его останавливать.

Уже на следующий день от короля пришло письмо Ленару с требованием срочно явиться во дворец. Или кто-то нас видел у порталов, или уже папаша доложил. Я под руководством Тадера писала монарху ответ.

Сдержанно, скупо, вежливо. Да, потерял память. Да, не умеет ни читать, ни писать. Нужно время, чтобы прийти в себя. Вы позволите остаться здесь в утесе? Мы полностью в Вашей власти, но Ленар сейчас не может исполнять свои обязанности советника. Мы Вас умоляем дать нам время. И дальше в таком роде. От Реджинанда пришло письмо с одной фразой: «Пока можете остаться».

И началась наша новая семейная жизнь. Только теперь совершенно другая. Если тогда, в прошлом, мы с мужем были вместе в основном ночью, а днем почти не виделись, то сейчас наоборот. Целый день мы с Ленаром проводили то в библиотеке, то в саду, то в гостиной, то в оружейной. А вечером, после ужина расходились по своим спальням. Я взялась учить Ленара читать и писать. Рассказывала ему историю нашей страны, географию, основы экономики. Элеонор по моей просьбе переправила нам учебники по математике, истории, атласы и буквари.

Я впервые в этом мире взялась работать по своей прошлой специальности. И мне это нравилось. Ленар, как губка впитывал в себя знания. Такое ощущения, как будто бы он просто вспоминал давно забытое. Потому что самостоятельно читать он уже начал через пару недель. Ленар стал лучше говорить, еще

запинаясь, но более уверенно и четко. Не боялся спрашивать и просил помочь разъяснить трудный момент в задачке. И я с радостью помогала.

Он ходил со мной на кухню, в кладовую, к телепортеру, сидел рядом, когда я писала письма и отправляла по шкатулке, удивленно рассматривал, как Тадер заряжает светильники и холодильную кладовую. Он все время спрашивал, ему все было интересно. Ленар стал более открытым и искренним. Мы вместе смеялись, когда я читала вслух написанным его корявым почерком диктант, картавя и спотыкаясь на каждом слове. Или когда стукались лбами, склонившись над картой Лореляй.

На наши уроки часто приходил Патрик, садился в сторонке и заворожено меня слушал, а я на радостях, что мои знания и умения востребованы, летала по комнате, как на крыльях, как будто вернулась на три года назад в своем любимом лицее, только учеников было два. Тадер научил Ленара играть в стоун-кро и теперь они вечерами азартно шумели в библиотеке втроем. Что меня больше всего обижало, так это прохладное и сдержанное отношение к сыну. Он никогда со мной вместе не ходил в детскую. И на мои восторженные восклицания о Даньке поджимал губы.

Однажды я зачиталась и отложила книгу глубоко за полночь.. А дверь в соседнюю спальню так и не стукнула. Странно. Где же Ленар? Я открыла дверь в его комнату — кровать была пуста. Вышла в коридор. Мягкий слабый свет струился из приоткрытой двери детской. Я тихонечко подошла и заглянула. Няня сопела на диване. Ленар стоял возле кроватки сына и пристально разглядывал спящего Даньку.

На лице мужа я прочитала такое искренние восхищение, любовь, гордость, что у меня заболело сердце. В самом деле, Данька был точной копией Ленара. Уже сейчас можно было увидеть такие же ровные темные брови и квадратный подбородок. Твердо сжатые губы и высокий умный лоб. Он так же, как и Ленар, хмурил его и недовольно сопел, если что-то не нравилось. Так же, как и Ленар был сдержанным, никогда не капризничал и не кричал, а только укоризненно смотрел в ответ. Я тихонько отошла назад и пошла в спальню. Пусть знакомятся.

С нашего приезда прошло уже четыре месяца. Родители отстали, отряд, осаждавший замок убрался восвояси. Раз в месяц от короля приходил вопрос «Как он?», и каждый раз я писала «По-прежнему». Элеонор писала, что монарху все хуже и хуже. Он почти не показывается на людях. В столице ходят неутешительные слухи. Я чувствовала: что-то происходит, что-то нехорошее, странное, но находясь в своем неприступном замке, за высокой крепостной стеной эгоистично отрешилась от всего. Только я, Ленар и Данька.

Да, мы стали духовно ближе с мужем. И пусть мы до сих пор спали отдельно, но зато могли разговаривать на любые темы. Мы вместе читали книги и обсуждали прочитанное, вместе спорили на тему применения магии и дискутировали, нужно ли развивать технический прогресс. Вместе сидели вечерами в детской и учили сына правильно выговаривать «мама» и «папа». Рассказывали сказки и пели колыбельные. Точнее пела я, а Ленар слушал, закрыв глаза, сидя на полу. Странно, думала я, раньше мы были так близки телесно, а теперь мы близки душевно. ну почему нельзя соединить эти две крайности? Почему или то, или другое? Я тосковала по нему. По нашим ночам, по ласковым рукам и губам. По запаху его кожи и сильным мужским объятьям. Еще немного и я сама проберусь ночью к нему в спальню и ничто меня не остановит.

Иногда, на уроках, я ловила себя на том, что уже десять минут неподвижно смотрю на его губы. И когда он так же внимательно цеплял мой взгляд, смущенно краснела и опускала голову, как малолетка, пойманная за подглядыванием в душе. Если бы он был ко мне равнодушен — я бы поняла! Но нет! Я же чувствую, как он ко мне тянется. Я вижу, как вспыхивают его глаза, когда я склоняюсь над его столом, вижу каким взглядом он провожает меня из комнаты. Он хотел меня тогда, и он хочет меня и сейчас. Так в чем же дело? Что за странные принципы? Упрямство? Недоверие?

Утром, после завтрака, Ленар зашел ко мне в детскую и сказал: «У меня дела. Не знаю, смогу ли успеть на обед». Я махнула рукой: «Иди». Сама в это время одевала Даньке новый комбинезон, сшитый Ортензией по моим эскизам. Мы планировали запустить в ателье линию детской дорогой одежды для аристократов. Наследный льер становился все более самостоятельным и решительным, уже пытался ходить и начал исследовать свою большую комнату, цепляясь за ножки кресел, рассматривая, комкая портьеры в кулачках.

Потом я провела долгое время с Патриком в библиотеке, он решил стать врачом и Тадер начал его обучение. Я немного помогала, пусть в медицине я была не сильна, но хотя бы школьные знания по анатомии и биологии могла бы передать. Потом обед, опять детская. Ближе к вечеру я начала волноваться: Ленара до сих пор не было.

Я обеспокоенно спрашивала охранников замка, те отвечали, что льер еще утром с небольшим отрядом покинул замок и уехал. Я не находила себе места от беспокойства — потерявший память муж, на него кто-то открыл охоту, а если опять покушение? Под конец я накрутила себя так, что металась по гостиной в невменяемом состоянии. И когда отворилась дверь и мужчины во главе с Ленаром ввалились в гостиную я открыла рот, как истеричная баба.

— Как ты мог так долго отсутствовать! — орала я, — ты знаешь, что тебе опасно покидать замок? Ты не должен так безответственно относиться к своей жизни! — и еще много всего в этом роде.

Корсар и Конрад смущенно отвели глаза. Лицо же Ленара превратилось в неподвижную маску. Он решительно подхватил меня под руку и молча повел в кабинет.

— Я запрещаю так со мной разговаривать, — отрезал он, когда мы остались вдвоем за закрытой дверью, — я не мальчик, чтобы слушать твои упреки.

Я уже пожалела о своей скандальной вспышке и просто взволнованно кусала губы.

— В соседнем поселке размыло дождем речную дамбу и несколько домов ушло под воду. Нужно было срочно принимать меры. Я просто не рассчитал время, думал вернуться раньше. И в дальнейшем. — Ленар помолчал, — я прошу не отчитывать меня перед моими людьми. Я мужчина. Я всегда буду делать то, что считаю нужным, даже если это опасно… — его голос звучал сухо и холодно.

Я смотрела на мужа и сердце гулко стучало у меня в груди — он был точно такой же как раньше. Такой, каким я его встретила почти два года назад и полюбила. Такой же жесткий, авторитарный, непреклонный. Такой же сильный и властный. Словно бы и не терял память. Я как будто вернулась в прошлое и почти на автомате подошла и крепко обняла его, уткнувшись носом в грудь. «Прости. Я так люблю тебя» — прошептала я.

Ленар нерешительно приобнял меня, а потом, секунду спустя, руки налились такой силой, что у меня затрещали ребра. Сдержанность и хладнокровие снесло волной. Мы вцепились друг в друга, как утопающие. Я запустила руки в его волосы и потянулась к губам. «Наконец» — мысленно простонала я, ощущая весь этот безумный, сумасшедший вихрь, охватывающий тело и сметающий все на своем пути.

Треск одежды, Ленар что-то хрипло говорит, что ему нужно принять ванну, он целый день тяжело работал, а руки тем не менее все крепче стискивают мои плечи, спину, прижимая все ближе. Я нетерпеливо рычу, отметая, по-моему мнению, это неважное сейчас обстоятельство. Впиваюсь губами в кожу в вырезе его рубашки, впитываю терпкий запах пота, пыли и речной тины. Какая спальня?! Я не могу ждать ни секунды. Внутренности скручивает узлом. Болезненные спазмы голода, такого жестокого и мучительного. Я как пиявка намертво приклеиваюсь к Ленару, не давая даже отнести меня на диван — тяну на пол.

Его руки дрожат от нетерпения, тяжелое дыхание хрипами вырывается из груди. Да, одежда уже не поддается восстановлению. И, наверное, останутся синяки. Мне все равно. Он во мне… Такой горячий, сильный, восхитительный… «Боже, как хорошо», — почти плачу я. Обхватываю его ногами, оплетаю, как лиана, вжимаюсь со всей силой в своего мужчину. Кожа к коже, сердце к сердцу. Неконтролируемые слезы катятся из глаз, я чувствую их соленый вкус на губах, и уже не сдерживаюсь, впиваюсь ему в плечо зубами, заглушая рвущийся наружу крик.

Заснули мы уже в спальне под утро, перед этим приняв ванну, и долго исследовали друг друга, знакомясь вновь. «Без шрамов ты стал красивее» — прошептала я. Ленар криво усмехнулся, — «Ненамного».

Эта долгая ночь была полна открытий, для него, для меня. Он был немного другим и все тем же. Ленар восхищенно и жадно смотрел на меня, ласково дотрагивался до лица, обводил контур скул, губ, перебирал, гладил волосы.

«Ты такая красивая, — шептал он: — чем я заслужил тебя?». Я поцеловала его руку, лежащую на моем плече «Наверное, ты в жизни сделал много хорошего». «Не помню» — хмыкал он иронично. «Верь мне, — улыбаюсь я загадочно, — я лучше знаю». «Верю» — тут же соглашается он. И опять его поцелуи сводят меня с ума, опутывая лаской, подчиняя, заставляя тело дрожать как в лихорадке, а сердце выскакивать из груди.

Глава 21

Я проснулась утром от пристального взгляда. Дежавю. Ленар лежал на боку и напряженно на меня смотрел. Я вопросительно подняла брови.

— Я люблю тебя, Эльви, — тихо произнес муж, — сейчас мне кажется, что всегда любил. Наверное, с того самого момента как ты вошла в кабинет, где мы обсуждали договор с твоим отцом в своем кошмарном розовом платье. Ты злобно блестела глазами, сидя на кушетке, слушала нас, а на лице было такое детское упрямство и возмущение. Любил, когда ты отчаянно и смело шантажировала меня словом богини в храме. Любил, когда кричала, что прикуешь кандалами и мы будем вместе принимать ванну. Тогда лучшего предложения ты мне не смогла бы сделать… — усмехнулся муж, такой знакомой кривой улыбкой.

— Ты вспомнил… — прошептала я.

— Да, я все вспомнил… Почти все… Какая ирония, я выжил единственный из всех, потому что, мне захотелось в туалет… — Ленар грустно вздохнул,

вспоминая.

Наверное, у него там под завалом остались соратники, друзья. Я осторожно молчала, ожидая продолжения.

— Мы встретились в Ардене с Вакариусом чтобы почти сразу поехать обратно. Это был ложный глупый вызов. Император потребовал какую-то совершенно идиотскую сумму денег за захваченную в прошлой войне провинцию Остры. Я, естественно, отказался. Ведь перед этим, полгода назад, мы подписали вполне приличный договор, устроивший всех… Вакариус как будто сошел с ума, пообещал нам всяческие небесные кары и проклятья, которые нашлют его маги и шаманы на наши головы. В общем бред. Император два дня отказывался внимать голосу рассудка, я разозлился и распорядился сворачивать дипломатическую миссию, сказал, что будем обмениваться письменными обращениями. Я выехал в карете, но потом пересел на лошадь. И когда мне припекло справить малую нужду, я немного отстал с двумя телохранителями от главного отряда. Нашел небольшой грот, даже скорее навес. Охранники остались снаружи. Потом грохнуло так, что содрогнулись скалы. Меня, по-видимому, привалило и я потерял сознание. Очнулся в почти безвоздушном пространстве. Не знаю, сколько я провалялся в этом закутке, может несколько дней. Когда пришел в себя, решил, что нужно выбираться, так как уже задыхался. Грот оказался ближе к началу тропы, где обвал был слабее, и высота камней составляла всего полтора человеческих роста. Под крышей пещерки вытолкнул глыбы и открыл проход. Выбрался поверху, но не очень удачно, под конец зацепил какой-то камень и на меня посыпался навес. Последнее, что я помню — я еду на животе вниз, а сверху меня догоняют камни… Потом — палатка торговцев и рабский ошейник.

Ленар замолчал.

— Скажи мне только одно — Реджи еще жив? Ты когда последний раз слышала новости из столицы?

— Жив был, неделю назад. А что случилось? — обеспокоенно спросила я.

— Мне нужно ехать во дворец. Как можно скорее, — выдохнул муж.

— Я с тобой, — тут же всполошилась я, боясь, что как раньше, муж ничего мне не расскажет и сделает все сам.

Ленар подумал немного.

— Хорошо, собирайся, но сына оставим здесь… мало ли…

И видя мой вопросительный взгляд добавил «Я все расскажу по дороге».

В реальности действительно было все плохо. Король умирал. На мой вопрос, что могло случиться и почему маги не могут помочь, Ленар рассказал невеселую историю. Оказывается, около двух тысяч лет назад предок Реджинандов решил улучшить свою льерскую кровь магически. Тогда только-только проводились опыты над людьми и результаты были замечательные. И монарх потребовал самым лучшим магам скорректировать его генетику. Все удалось. Род Реджинандов усилился как никогда раньше. Все его потомки-льеры как на подбор были умными, здоровыми, красивыми, сильными и духом и телом. Сотни лет они жили, правили и горя не знали, лучшие из лучших. Самые-самые… В общем пару сотен лет назад предок Реджинанда столкнулся с неизвестным недугом, который нынешним врачам вылечить было не под силу. Возможно, те маги, которые жили тысячу лет назад и могли как-нибудь помочь, говорили ведь, что они двигали горы и поворачивали реки вспять, но теперешние нет. Реджинанды стали жить все меньше и меньше. Может быть, этому еще способствовало то, что в последние столетия предки женились на близкородственных кузинах и племянницах. Так как льеров становилось меньше, все переженились друг на друге. Род стал чахнуть.

— Ты же знаешь, — сказал муж, — маги не могут лечить заболевания, завязанные на крови, на сущности человека. Реджи всего сорок пять, а он уже умирает. Это началось несколько лет назад. Обмороки, неприятие пищи, бессонница, постоянная усталость. Его отец умер в пятьдесят. Болезнь почему-то поражала только мужчин. Не знаю, с чем это связано, то ли с лером на плече, то ли с наследованием по мужской линии.

Я ахнула. Что такое пятьдесят лет для льера? Если я читала, что они могут жить до ста пятидесяти.

— Но у короля же есть наследник, — уставилась напряженно на мужа, — Арти, наследный льер, ему же почти восемнадцать.

Ленар тяжело вздохнул:

— Чтобы как-то исправить ситуацию, Реджи взял в жены девушку, никак не связанную с льерами, дочь своего канцлера, первую красавицу, крепкую, здоровую девицу. Все было нормально. Она забеременела. Уже потом, спустя пять или шесть лет после родов Реджи узнал, что сделала королева. Оказывается, эта дура — по-другому не скажешь — когда ходила беременная, решила подправить себе внешность, а то ей, первой красавице, казалось, что беременность ее портит. Появились морщинки, некоторая одутловатость,

отечность. Втихую, никому не сказав, обратилась к какому-то подпольному магу, тот ей внешность исправил. Арти исполнилось уже шесть лет, а он так и не научился говорить, ничего не запоминал, умел выполнять лишь простейшие действия. Все стали это замечать. Наследника спрятали от родственников, только Реджинанд и маги были в курсе. В общем, сейчас ему восемнадцать, но ум у него остался на уровне четырех-пятилетнего ребенка. Серьезный удар по Реджинандам. Королева покончила с собой. Этого тоже никто не знает. После всего, что случилось, Реджи сказал мне, что больше не хочет никого обрекать на смерть, не хочет продолжать свой проклятый род и пытаться еще раз связать свою судьбу с женщиной.

Я слушала мужа и мурашки бежали у меня по спине. Какой ужас.

— И как в этой ситуации ты сможешь помочь королю? — спросила я.

— Эту тайну знают только несколько человек в стране — король, я, пару магов-врачей, лечащих монарха и няньки принца. Теперь и ты. Пару лет назад, когда у короля начались приступы, он начал готовить пути отхода. Нужен был верный и преданный человек, который станет регентом при наследнике. И чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений против меня, Реджи заставил меня жениться на льере. Ты знала, что по нашим законам трон может занимать только мужчина с лером на плече?

Я кивнула, читала про это.

— Мы выбрали льеру. Тебя.

Я хмыкнула:

— Миллион золотых.

Ленар серьезно кивнул.

— И что теперь?

— Теперь мы едем во дворец, я поговорю с монархом. Он мой друг, действительно хороший прогрессивный король и прекрасный человек. Я не знаю, долго ли ему осталось, маги делают все возможное, чтобы поддержать его жизнь, но… — Ленар замолчал.

Мне стало грустно, только мы опять вместе, только нашли друг друга, только опять соединились и вдруг опять какие-то трудности. Я, наверное, ужасная эгоистка, да?

В столице нас встретило осеннее хмурое утро. Сыро, мрачно, холодно. Какое-то тяжелое предчувствие витало над городом. Все, кого мы видели во дворце ошарашено застывали, встречая нас. Я не пошла к королю, осталась ждать Ленара в наших бывших комнатах. На душе было мерзко. Веселый добродушный кавалер, каким я запомнила короля, умный, сопереживающий, верный друг и соратник. Какая нелегкая судьба. Элеонор писала, что почти все аристократы поразъехались по своим имениям, позабивались в норы, как мыши, предчувствуя беду. В городе пусто и тихо. Ждут грозы…

Ленар вернулся под вечер.

— Король очень плох. Почти не ест, не спит. Лекари как могут вливают в него силы, подпитывают, каждый день по новой восстанавливая внутренние органы. Но долго это не продлится.

Муж был расстроен, это было видно.

— Что будем делать? — спросила я.

— Реджи написал завещание — еще два года назад. Я становлюсь регентом при Артивиусе Реджинанде. Думаю, нужно собирать в столице верных людей, гвардию. Будем стягивать войска. Неизвестно, как отреагирует высший свет и родственники короля на такие перестановки. Его брат, да и Рихард могут сами метить на место регента.

Я слушала и удивлялась, Ленар изменился, разговаривал, все мне рассказывал, свои мысли, что собирается делать. Советовался. Неужели научился доверять?

— Но ведь королем может стать только льер, таков закон. Как они смогут занять трон? — спросила я.

— Во-первых, Арти может прожить еще долго. А регентом двадцать лет быть тоже неплохо. А потом что-то придумают, — хмуро ответил Ленар.

Мы опять жили в дворцовых палатах. В утесе Крылатых остались Корсар, Конрад, Патрик, Тадер и отряд охранников. Сына я пока забирать не планировала.

В столице сгущались тучи. Гвардия, охранявшая дворец, была предана Ленару, он сам отобрал командиров, служивших под его началом, воевавших с ним. Постепенно на все ключевые позиции муж назначил своих людей. Даже я помогала и восстановила свои связи на черном рынке, среди простых людей. Писала успокоительные статьи в еженедельник. Готовила листовки. Мы жили как на вулкане, спешили. Чувствовали, что осталось мало времени.

Ночью мы сплетались в единое целое, даря друг другу свое тепло и уверенность. Подпитывались друг у друга энергией. Отвоевывали у беспощадного времени минуты спокойствия и счастья. Чувствовали, что совсем скоро наступит трудное и тяжелое время и торопились любить. Каждую ночь наша кровать в жилом крыле уже полупустого дворца превращалась в островок безмятежности и покоя, среди бушующего океана. Мы врастали друг в друга, дышали друг другом. Я никогда не чувствовала себя к мужу ближе, чем сейчас.

Глава 22

Король умер спустя два месяца после нашего приезда. Наступили тяжелые дни. Ленар почти без передышки работал: убеждал чиновников и военных, встречался с министрами и советниками, ездил по гарнизонам, проверял вооружение. Часами просиживал на заседаниях с канцлером и казначеем, а порой даже вынужден был искать расположения совета магов.

Ему как никогда нужны были союзники. Он словно возводил собственную крепость — кирпичик за кирпичиком, скрепляя ее цементом лести и обещаний. Ради мира в стране после оглашения королевской воли Ленар не пренебрегал никакими средствами.

— Потом, когда все успокоится, я возьмусь за магов всерьез, — убеждал он меня долгими вечерами, меряя шагами наш кабинет. — Все это будет потом. Сейчас главное — не допустить гражданской войны. На границах я уже усилил гарнизоны. Особенно у Остры.

Войска были ему преданы, но аристократы по-прежнему смотрели на Ленара свысока, считая его выскочкой и королевским прихлебателем. Лишь те, кто работал с ним бок о бок, поддерживали его безоговорочно. Но таких было немного.

Я, как могла, помогала мужу, стараясь обеспечить ему надежный тыл и покой в доме.

Король перед смертью написал прощальную речь народу и я, почти не редактируя, полностью выложила ее в газету, которую мы решили раздать бесплатно всем людям в столице и за ее пределами. Реджинанд оглашал свою волю, верил, надеялся, что народ его поймет. На последних словах я просто расплакалась.

«Льер де Мирас зарекомендовал себя выдающимся политиком и военным. Я верю, что он будет грамотным и дальновидным правителем, пока мой сын не

научиться руководить страной. Я оставляю свое государство процветающим и сильным и надеюсь, что вы, мой народ, прислушаетесь в последний раз к воле своего короля».

Бедный Реджинанд, он же знал, что его сын будет править очень недолго, но последний его «обман» был для страны во благо.

Перед похоронами я съездила в утес Крылатых и забрала сына вместе с друзьями. Сейчас столица была самым безопасным городом в стране. Она была оцеплена войсками, преданными Ленару, а дворец гвардейцами, присягнувшими мужу после смерти короля.

Страну накрыл траур. Реджинандов действительно любили, они правили почти три тысячи лет, но их эра закатилась. Грустно и больно. Последний льер Реджинанд играл с солдатиками в детской и не знал, что его отец ушел навсегда. Когда я пришла знакомиться с Арти, то увидела восемнадцатилетнего красивого юношу, сидевшего на ковре и раскладывавшего игрушечные фигурки. В наивных голубых глазах сияли безмятежность и покой.

Огласили волю короля. Простому люду, по большому счету было все равно, кто там будет регентом, главное, чтобы был мир, хлеб и уверенность в завтрашнем дне. А вот аристократы возмутились. На западе вспыхнули восстания. Было ясно, кто организовал беспорядки, кто питает оружием и деньгами бунтовщиков. Западные провинции оцепили войска, во главе с генералом Боргусом. Ленар занял жесткую позицию — бунтовщики должны были сложить оружие или пойти на плаху. Я ничего не советовала в этот раз. Муж военный, он лучше знает, где проявить жестокость, где милосердие. В этом случае моя жалость только во вред. Но иногда мне вспоминался далекий бал во дворце и горящие глаза Рихарда, когда он говорил: «Я увезу вас в Гартану. Мы будем счастливы вместе». Молодой, красивый, обаятельный мужчина. Неужели и он был отмечен «печатью проклятья» рода Реджинандов? И, возможно, именно поэтому король не захотел женить его на льере Эльвиоле.

Бунт был подавлен быстро и жестоко. Я почти не вникала в то, что происходило на западе, — у меня хватало собственных забот: проправительственный еженедельник, ателье, которых к тому времени стало уже три, Данька, Арти и новая жизнь, зародившаяся во мне.

Рассказывая об этом мужу, я не смогла сдержать улыбки: — Похоже, все наши дети зачинаются на полу: то на шкуре, то на ковре.

Ленар в ответ усмехнулся и сказал: — Обещаю, третьего ребенка мы зачнем как положено — в кровати.

Второго сына мы назвали Тони или Антонием. Он был точной копией Гвеневеров. Такой же белокурый ангелочек с голубыми глазами. Будущая гроза сердец всех девушек в королевстве. Няньки с ним намучились, так как требовал он к себе внимания постоянно. По сравнению с Данькой — небо и земля. Но мой старший сын глубокомысленно и внимательно смотрел на орущего младенца и учился терпению. «Это же мой брат, — говорил он серьезно, — значит, он самый лучший».

Я уже давно собиралась забрать к себе в столицу братьев Эльвиолы. Нужно было спасать еще неокрепшие детские умы от влияния родителей. Пока есть шанс воспитать их достойно. Диомирису было двенадцать, а Эттаниелю едва исполнилось десять. Мне, жене регента, было позволено многое, но, к сожалению, не все. Отец в грубой форме отказал отдать сыновей, на последующие письма ответа не было. «Зачем они вам? Вы же месяцами не бываете дома. Здесь, в столице им будет комфортнее, я найму лучших учителей. Никто не собирается вам запрещать с ними видеться, приезжайте, когда хотите, и мальчики так же будут ездить домой», - писала я. Но в ответ - тишина.

Через полгода нашей настойчивой осады письмами они все же соизволили ответить: «По миллиону за каждого и забирай». «Бессовестные торгаши», — вскипела я. Единственный вывод, который я сделала из этого письма — дети им не нужны, если они собираются их продать, значит дело только в цене. Конечно, двух миллионов у меня не было. Как и угрызений совести, когда я попросила помощи у Ленара.

Моих родителей он терпеть не мог, поэтому на помощь согласился с явной охотой — только меня с собой не взял. Собрав отряд своих верных «головорезов», Ленар отправился в замок Гвеневеров.

Что именно он там говорил, я не знаю. Возможно, припугнул их доказанным участием в бунте — мой отец, например, снабжал мятежников деньгами. А может, надавил тем, что они собирались снова выдать свою дочь замуж, пока ее законный муж был жив. Не исключено и то, что напомнил об осаде утеса Крылатых. Как бы там ни было, уже на следующий день Ленар привез братьев обратно.

Вид у всех троих был мрачный и насупленный. Но мальчишки, увидев меня, сразу оживились и заметно повеселели. Сам же Ленар наотрез отказался рассказывать, что произошло в доме Гвеневеров.

На следующий день я случайно услышала, как Диомирис, разговаривая с братом, бросил о Ленаре: «Что с него взять? Он же простолюдин». После этого я

немедленно вызвала обоих в кабинет, чтобы раз и навсегда расставить все точки над «и». Страшно было даже представить, чему они успели нахвататься от родителей.

— Значит так, мальчики. Повторять я это не стану. Оскорбляя моего мужа, вы оскорбляете и меня. Ленар — прекрасный человек: умный, честный, благородный. И вам до него еще расти и расти. То, что он родился простолюдином, говорит о нем куда лучше, чем вы способны понять. Попробуйте сами подняться на вершину, имея в распоряжении только ум и силу воли. Вы родились аристократами. И что с того? — я внимательно вглядывалась в их лица. — Чем вы можете гордиться сейчас? Тем, что лучше всех знаете математику? Лучше других владеете шпагой? Умеете управлять государством или вести переговоры?

В ответ стояла тишина. Я смотрела на их опущенные головы и порозовевшие от стыда щеки.

«Не все еще потеряно», — сказала я себе.

— Вот когда вы в чем-то будете лучше моего мужа, тогда и поговорим, — заявила я твердо, — вам еще учиться и учиться. И прежде всего терпению, искренности и взаимопомощи. А сейчас марш в свои комнаты, там вас ждет подарок, — улыбнулась я.

Мальчишки наперегонки понеслись наверх. Я подарила каждому по двухмесячному щеночку. И разрешила самим выбрать имена. Братья были в восторге и весь вечер спорили, у кого щенок взрослее, сильнее и выше. А через два дня ко мне подошел Диомирис и попросил прощения за свои слова. У меня слезы выступили на глазах, нужна была недюжинная смелость, чтобы признать свои ошибки в двенадцатилетнем возрасте.

Нужно ли говорить, что через месяц братья только в рот Ленару не заглядывали? Копировали его во всем и повторяли каждую фразу, перенимая интонации и манеру выражения. Я всегда мысленно хохотала, видя, как Диомирис разговаривал со своим учителем, иронично приподнимая бровь, точно, как мой муж.

Артивиус Реджинанд прожил еще десять лет. Я полюбила этого большого — маленького короля. Застыв в своем пятилетнем возрасте, он оставался таким же добрым, искренним и светлым человечком, хоть и со взрослым лицом. Они с Данькой и Тони строили крепости и воевали игрушечными солдатиками. Вместе слушали мои колыбельные и сказки на ночь. И когда Даниэль уже стал обучаться более сложным предметам, учить математику и биологию, историю и

географию, мой наследный льер все равно заходил к своему другу и рассказывал, как провел день. Я учила сына быть верным и преданным, учила не забывать друзей, оставаться честным и открытым. Ведь Даниэль будет королем в свое время — это уже всем понятно.

Когда у Арти начали появляться приступы той болезни, я дико испугалась. Всего двадцать семь лет, так катастрофически мало. Его отец ведь умер в сорок пять. Но, наверное, боги совсем отвернулись от рода Реджинандов, если последний из них начал чахнуть в таком молодом возрасте. Опять странная бессонница, неприятие пищи, рвота и приступы паники.

Я, бывало, всю ночь сидела у его кровати и читала ему сказки, что бы хоть как-то развеселить и отвлечь испуганного, ничего не понимающего малыша. Он держался за мою руку, взрослый красивый мужчина и тоненько плакал: «Мне страшно».

Я плакала вместе с ним. Потом, утром меня сменяли няньки и придворные маги, а я шла спать, еле передвигая ноги. Год продолжались приступы — и это был самый тяжелый год в моей жизни.

Когда после похорон прошла неделя, я вызвала мужа на серьезный разговор.

— Ленар, когда ты объявишь о своей коронации?

— Её не будет, Эльви. Королем станет Даниэль. Я уже подписал бумаги. После окончания траура, сделаем объявление народу, до двадцатилетия Даниэля я буду регентом.

— Но почему? Ты же льер, ты прекрасный правитель, ты можешь стать монархом. Даниэль взойдет на трон, естественно, только после твоей смерти, — я была в недоумении.

Ленар столько сделал за эти годы для страны и я, как настоящая эгоистка, хотела, чтобы его заслуги были награждены достойно. А что может быть достойнее, чем бриллиантовая корона на голове?

— Эльви, — муж устало вздохнул, — мы с Реджи давным-давно обсуждали этот вопрос. Даже если я и льер, но я сын блудницы неизвестно от кого. Даже если меня любит народ и уважает правительство, я всё равно остаюсь простолюдином и выскочкой. И все помнят, как я купил титул.

— Мы сможем переубедить их. Ты же знаешь, как можно повернуть вспять общественное мнение, — страстно говорила я, — мы сделаем тебе прекрасную биографию в газетах и журналах, через время никто и не вспомнит, что ты не

аристократ.

— Нет, Эльви. Все равно останутся люди, которые знали или узнают. Зачем стране эти слухи? Тем более, что я никогда не хотел быть королем. Я и так первый человек в государстве. В моих руках и так сосредоточена вся власть. Для чего мне этот тяжелый обруч на голове? — усмехнулся Ленар, — А вот Даниэля никто не упрекнет в происхождении. или, возможно, только с моей стороны. Твой род по древности сопоставим с родом Реджинандов. Так что именно Дэни — наш будущий король. И ты это всегда знала в глубине души, — нежно улыбнулся муж, — правда?

Я подошла сзади к креслу и обняла Ленара, положив подбородок ему на макушку.

— Я люблю тебя… Я не устаю это повторять столько раз. Наверное, я уже надоела тебе своими признаниями? — иронично поинтересовалась я.

— Эльви, — простонал возмущенно муж, — я никогда не устану их слушать. Это лучшие слова, которые я слышал в своей жизни.

Объявили волю покойного короля. Род Реджинандов прекратил свое существование, не оставив наследников. На престол взошел род де Мирасов. В стране было относительно спокойно и тихо, за десять лет муж поставил преданных сторонников на все посты, укрепил власть, подчинил себе торговцев и фермеров, даже пиратов и черный рынок. Если и были возмущения среди аристократов, то в кулуарах, в глаза никто не посмел бы сказать ни слова.

За время регентства Ленар полностью переделал систему обучения магов сверху до низу. Теперь они работали на государство и обязаны были часть времени лечить и помогать простым людям бесплатно. Подкупами и взятками муж сменил императора в Остре, поставив во главе страны его брата, более прогрессивного и молодого. Под нажимом Ленара в Остре было упразднено рабство и усилился контроль за магами.

Столько денег на это ушло — страшно подумать, но был огромный плюс — обошлось без войны. В столице открылась пока единственная в стране школа лекарей. И Патрик стал ее первым учеником. Тадера уговорили читать лекции.

Я расширила поставки газет и журналов во все города королевства, теперь каждое утро их доставляли порталами, чтобы все были в курсе, что происходит в стране. Мы с Ленаром работали по двенадцать часов в сутки, видя своих детей только вечером перед сном. Но. тем не менее, сыновья точно знали, что папа и мама обязательно к ним придут и ждали нас.

Кто сказал, что быть главой государства радостно и приятно? Кто сказал, что самые влиятельные и богатые люди в стране — целыми днями развлекаются и веселятся? Это каторжный тяжелый труд, выматывающий и изнурительный, без единого выходного и праздника. Даже на балах и приемах Ленар обсуждал с дипломатами политику, а с советниками законы, которые будут рассматриваться в Совете. А ночью, в кровати, после занятий любовью мы спорили о том или ином проекте до хрипоты.

Наши сыновья стали неразлучны. Два года разницы были почти не заметны. Даниэль так и остался серьезным и спокойным мальчиком, как будто бы знал, что ему в будущем предстоит взвалить на себя тяжелый труд управления страной. Тони рос обаятельным и шумным, маленький смерч в штанишках. Он так был похож на меня в детстве. Такой же лукавый чертенок, вьющий веревки из своих родных. Только старший брат мог приструнить его, ну и отец, конечно. Ленара сыновья слушались безоговорочно.

Я частенько посещала храм богини Суали. И пусть она мне не отвечала, мне просто иногда хотелось выговориться. Я как будто бы давала отчет тем существам, которые направили меня сюда. Я не знала, слышали они меня или нет, я просто говорила вслух свои мысли, идеи, планы. Приходила, чтобы не забыть о том, что нужно поддерживать свой статус «проявленной светлой», ведь так просто и легко опять скатиться в «нейтральную», а возможно и ниже. Однажды муж попросился в храм вместе со мной. Мы поехали в тот самый, где я когда-то говорила «слово богини». И целую дорогу смеялись, вспоминая тот случай.

Я, как обычно, опустив руку в воду рассказала о своих планах и проектах, попрощалась и пошла на выход. И уже у двери услышала голос мужа — тихое: «Спасибо». Обернувшись, увидела Ленара, застывшего возле чаши с водой. Он внимательно прислушивался к чему-то и на лице было такое выражение трепета и удивления. Неужели богиня говорила с ним?

В карете я, не удержавшись спросила: «За что ты благодарил Суали?». Ленар ответил: «За тебя… За самый прекрасный подарок, который мне сделала богиня».

Я рассмеялась:

— Я не подарок. Подарки дарят бесплатно, а ты купил меня за миллион золотых.

— Эльви, — серьезно ответил муж, — что такое миллион золотых? Это такая малость. Сейчас я даже не могу назвать сумму, в которую можно оценить то, что ты значишь для меня. Ты, наши дети, наш дом уютный, родной. То, что ты для

меня делаешь каждый день, помогаешь, даешь советы, окутываешь теплом и любовью. Прощаешь меня… Я не часто говорю тебе о своих чувствах. Ты же знаешь? — я хмыкнула, за тринадцать лет брака можно по пальцам перечесть те разы, когда муж говорил о любви, — но верь, я всегда любил тебя и всегда буду любить.

Я слушала и невероятное счастье растекалось под кожей. Вот оно — настоящее. То, ради чего стоит жить, ради чего можно умереть и заново воскреснуть.

— Ты мне расскажешь, что тебе говорила богиня? — улыбнулась я.

— Прости, Эльви, но это наша с ней тайна.

— Ну вот, — притворно вздохнула, — уже какие то тайны с незнакомыми женщинами.

— Она мне пообещала кое-что и потребовала такого же обещания от меня. Да, кстати, она меня называла «проявленным светлым». Ты случайно не знаешь, что это такое?

Я только улыбнулась и покачала головой.

Глава 23

Я сидела за письменным столом и обдумывала проект школы-гимназии для девочек — дочерей ремесленников и торговцев. Пора было понемногу ломать патриархальные устои и давать женщинам возможность на что-то большее.

Муж, задумчиво устроившись в кресле напротив, молча наблюдал за мной.

— Льера Эльвиола де Мирас, — произнес он с такой мягкой лаской в голосе, что я удивленно подняла голову, — вам не кажется, что нашей стране не хватает одной маленькой прекрасной принцессы?

Я нахмурилась, не сразу уловив смысл его слов. В голове все еще кружились цифры, доводы и тезисы, которыми я собиралась убеждать совет.

— Принцессы? Какой еще принцессы? — рассеянно отозвалась я.

— Похожей на тебя, — сказал муж, поднимаясь с кресла и неторопливо подходя ближе.

И только тут до меня начало доходить.

— Я, конечно, обещал, что следующего ребенка мы зачнем в кровати, — продолжил он с едва заметной улыбкой, — но потом подумал: зачем нарушать хорошую традицию?

Я с удивлением посмотрела на него. Сегодня Ленар явно был в игривом настроении.

— У нас с тобой получаются замечательные дети на той самой барсовой шкуре, — добавил он. — Я велел магам восстановить ее и перенести сюда, во дворец.

Он протянул мне руку и повел в библиотеку. У разожженного камина, переливаясь в свете огня, лежала знакомая белоснежная шкура.

Ленар бережно опустил меня на пол, неторопливо снимая платье, вынимая из волос заколки, зарываясь пальцами в пряди. Его горячие широкие ладони скользили по моей спине и плечам, а тихий, хрипловатый голос окутывал, лишая способности думать о чем-либо еще.

— Богиня пообещала мне девочку, — прошептал он у самого уха. — Маленькую красавицу-принцессу, похожую на тебя.

От этих ласковых, вкрадчивых интонаций я таяла, и разум уже начинал растворяться в сладкой дымке.

— У богини на нашу дочь, кажется, свои планы, — продолжал он, — но она уверила меня, что принцесса будет счастлива…

Я томно мечтательно улыбнулась. Его губы касались моей груди — то нежно, то жадно, и от каждого прикосновения по коже пробегала дрожь.

«Знаю я эту богиню…», — хмыкнула мысленно я.

Вытянувшись на шкуре во весь рост, я растворялась в этом ощущении тепла, близости и удовольствия. Жесткие волоски щекотали спину, в камине тихо потрескивал огонь, а надо мной склонялся самый лучший мужчина на свете, даря поцелуи — сладкие, упоительные, от которых замирало сердце и все тело становилось легким, почти невесомым.

— Ты еще когда-нибудь станцуешь для меня? — шепнул Ленар в короткой паузе между поцелуями.

Я удивленно взглянула ему в глаза.

— Конечно, если хочешь, — тихо ответила я.

— Как я могу не хотеть? — улыбнулся он. — Мне кажется, даже на смертном одре я буду помнить тот танец. Твое сосредоточенное личико, закушенную губу, мерцающую серебристым блеском кожу.

Ленар продолжал горячо шептать мне на ухо, а я уже тонула в медленном, плавном ритме его движений, в волнах блаженства, расходившихся по всему телу сладкой дрожью.

А через девять месяцев у нас появилась принцесса.

Конец